

ЛАУРЕАТ
«РУССКОЙ
ПРЕМИИ»

В А Л Е Р И Й

БОЧКОВ

К ЮГУ ОТ
ВИРДЖИНИИ

спасти́сь, чтобы́   прости́ть

Содержит
цензуру
18+

ОПАСНЫЕ ОМУТЫ

ПРОЗА ВАЛЕРИЯ БОЧКОВА

ЛАУРЕАТ
«РУССКОЙ
ПРЕМИИ»

В А Л Е Р И Й

БОЧКОВ

К ЮГУ ОТ
ВИРДЖИНИИ

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

Оформление серии *Петра Петрова*

Издательство выражает благодарность
Ирине Горюновой
за помощь в приобретении прав на книгу
и использование фото автора на переплете.

Бочков, Валерий Борисович.

Б86 К югу от Вирджинии / Валерий Бочков. –
Москва : Эксмо, 2015. – 352 с. – (Опасные омуты).
ISBN 978-5-699-78773-9

Когда красавица и молодой филолог Полина Рыжик решает сбежать из жестокого Нью-Йорка, не найдя там перспективной работы и счастливой любви, она и не подозревает, что тихий городок Данциг – такой уютный на первый взгляд – таит в себе страшные кошмары.

Устроившись преподавательницей литературы в школу Данцига, Полина постепенно погружается в жизнь местной общины и узнает одну тайну за другой. В итоге ей приходится сражаться за собственную жизнь и на пути к спасению нарушить множество моральных запретов, ставясь совсем другим человеком...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бочков В., текст, 2015
© Оформление
ООО «Издательство «Эксмо»,
2015

ISBN 978-5-699-78773-9

Серьги из желтой железки напоминали тощих рыбок, в глазах краснели бусины, чешуйки неровными дугами были отчеканены на выпуклых боках. Полина приложила одну серьгу к уху, протиснулась к маленькому зеркалу, мутному и неудобному. Сложив губы уточкой, подвигала бровями. Продавщица, молодая, с грязноватой челкой на глазах, умирая от скуки, отколупывала лак с ногтей. Она изредка поглядывала на Полину. Больше в лавке никого не было.

Полина взглянула на часы — нужно было убить еще двадцать минут. Она опустила рыбок на стекло прилавка, те звякнули, девица лениво спросила:

— Берете?

Полина отошла, сделала неопределенный жест, всматриваясь в слепые корешки антикварных книг: Гете, Шекспир, рядом стоял путеводитель по Турции. Она вытащила Шелли начала

века, бережно пролистав сухие страницы, чайные по периметру и светлеющие к середине, поставила том обратно. Провела пальцем по бутристовому корешку с остатками позолоты. Было бы здорово такую книгу подарить Саймону.

— А русских авторов нет? — Полина повернулась к прилавку. — Толстой там...

Девушка поглядела на нее из-под челки:

— Я про это не в курсе. Серезки брать будете?

Полина прищурилась, положила рыбок на ладонь, те в ответ поглядели лукавым глазом. Отступать было поздно — она кивнула.

— Вам завернуть? — чуть оттаяв, почти вежливо спросила девушка. — У нас подарочная упаковка. Блестящая, вот смотрите. И бесплатно. — Она была уверена, что Полина одна из тех нищих задрыг, которые все перероют, перемеряют, а после так и уйдут, ничего не купив.

— Спасибо, я их сейчас... — Полина, зажав сумку под мышкой, вытащила из мочек маленькие фальшивые бриллианты, сунула их в джинсы. — Я их прямо сейчас...

Продавщица, подцепив ногтем ценник, прилепила его себе на руку, ткнула пальцем в кассовый аппарат. Тот, радостно звякнув, выплюнул чек.

Полина вышла из лавки, пружина захлопнула дверь. Магазин был зажат между прачечной и мексиканской харчевней. Из обжорки воняло жареным луком, а из мрачного нутра прачечной несло химической свежестью. Полина поглядела

на часы, закурила. Еще десять минут. Прошлась, искоса поглядывая в отражение витрины. Поправила волосы, выдула тонко дым.

Солнце вспыхнуло, выскочив из толкотни облаков, которые неслись по диагонали вверх. Другая сторона улицы утонула в синем, дорогу с пыльным бульваром посередине перечеркнули полосы света. У столба остановился красный седан с открытым верхом; Полина, быстро спрятав руку за спину, уронила окурок на асфальт.

— Опять? — Саймон сделал строгое лицо. — Ведь договорились!

Он дотянулся и приоткрыл дверь. Полина кинула сумку назад, там было крошечное сиденье, очевидно, рассчитанное на карлика или пару мелких детей.

— Вот! — она покрутила головой, сверкнув рыбками. Чмокнула Саймона в скулу.

— Блесна. На щуку? — он резко воткнул передачу и дал газ.

До Саймона у Полины был Грэг. Он тоже учился в Колумбийском, только на международных отношениях. Грэг относился к старомодному типу, в университете таких было немало, казалось, что все они — холеные, румяные, с опрятной скобкой на крепкой шее состоят в родстве, что все они ходили в одну и ту же частную школу в Новой Англии и до сих пор, по привычке, одеваются в темно-синие блейзеры с гербом на кармашке. Ру-

башки бледных расцветок, лимонные и голубые, иногда розовые, аккуратно заправлены в серые штаны под тонкий ремень с латунной пряжкой.

Грэг оказался скучноватым педантом, впрочем, внимательным и нежным. В постели у него отчаянно потели бедра и икры, удивительно волосатые, при полном отсутствии растительности на бледной костистой груди. Он предпочитал одну позу — сверху, двигался осторожно, будто боясь там что-то повредить. Впрочем, он был достаточно ритмичен, а главное, неутомим и напоминал Полине опытного чистильщика сапог. Она иногда ловила себя на том, что мысли ее утекали из спальни куда-то вдаль и там бродили в безмятежной скуке. Она пыталась внести разнообразие в процесс, но, не встретив одобрения, постепенно сдалась. На носу маячила защита диплома, потом выпуск, а в ее постуниверситетские планы Грэг уже не входил.

В конце марта, неожиданно жаркого в эту весну, они стояли у гуманитарного факультета и ели подтаявшее мороженое. Полина при этом умудрялась курить, подавшись вперед и стараясь не закапать юбку. Грэг с кем-то поздоровался, Полина повернулась. Грэг представил ее. Профессор Саймон Лири пожал ей руку, крепко, чуть задержав ее ладонь в своей. Она смутилась, от мороженого ее рука была липкой.

Профессору было за пятьдесят — старая гвардия, знакомая ей по родительскому дому

в Нью-Джерси. Отцовские приятели, важные и неторопливые: покер, сигара, скотч в толстом стакане, иногда они оказывались остроумными, порой даже симпатичными. Но главное — запах, эта смесь горького табака, виски и пряного одеколона, этот дух вносил в мир порядок. Иногда под Рождество Полина получала от них десятидолларовые купюры. Эти мужчины знали жизнь, они твердо стояли на ногах и серьезно относились к своим удовольствиям: покер, рыбалка, скотч, сигары. Они знали цену справедливости. В них угадывалась основательность и надежность, таким вполне можно было доверить управлять миром.

Профессор Саймон обладал вкрадчивым голосом, седые виски переходили в жесткую пегую шевелюру, на подбородке гнездилась ямочка, которую (как Полина узнала потом) невозможно было чисто выбрить. В своем твидовом пиджаке с замшевыми локтями, вельветовых мешковатых штанах болотного цвета, мордатых ботинках свиной кожи он производил то самое впечатление надежности и напоминал ей старый отцовский саквояж, может, не такой стильный, но уж зато прочный и удобный для путешествий на любую дистанцию.

Полина отчего-то смутилась, на вопрос ответила сбивчиво, что диплом у нее по русской литературе, по Льву Толстому. Профессор хитро улыбнулся и, чуть помешкав, произнес:

— Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Акцент у него был жуткий, но впечатление на Полину профессор произвел. Грэг русского не знал, но тоже улыбался и довольно потирал ладони. Через неделю Грэг уехал в Европу.

Профессор Лири читал курс по истории холодной войны и еще что-то про распад коммунистического блока. Полина политикой не интересовалась, поэтому в аудиториях они не встречались. На кампусе он ей безразлично кивал или делал вид, что не замечает. Вообще, профессор соблюдал осторожность, встречались они в условном месте за пять кварталов вверх по Бродвею. На углу Сто тридцать шестой улицы, у антикварной лавки с синей дверью. Полине нравилась скрытность их связи, таинственность казалась ей романтической и переводила Полину в разряд взрослых. У нее теперь был не просто парень, у нее появился настоящий любовник.

Хотя и здесь амурные дела обстояли не совсем гладко. Профессор предпочитал говорить, он обожал, когда его слушают. Полина слушала. Профессор мог часами рассуждать о том, что именно информация убила коммунизм, что роль Горбачева в перестройке минимальна — изменения диктовались экономикой, что Рейган просто дурак и посредственный актер, случайно угодивший в президенты.

Профессор говорил, когда готовил, обычно он стряпал что-то итальянское: равиоли с грибами, сицилийские баклажаны, моцарелла с томатами, макароны с пармской ветчиной. Готовил Саймон артистично, смело импровизируя, — на кулинарные рецепты он плевал.

— Для настоящего маэстро они лишь руководство к действию, — говорил профессор. — Рецепт есть догма, а догма убивает творчество.

Щедро добавляя оливковое масло, он сыпал соль, перец и специи на глаз, не забывая отхлебнуть кьянти из бокала. С поварской ловкостью шинковал петрушку и базилик, иногда перебивая сам себя восклицаниями типа «бениссимо» и «магнифико». Еда получалась действительно вкусной.

Профессор подбирал Полину у антикварной лавки и обычно вез к себе на Ист-Сайд. За такую квартиру запросто можно было заложить душу дьяволу: с мраморным холлом и швейцаром, квартира была на двух уровнях, в гостиной три сводчатых окна выходили на Пятую авеню, слева виднелась колоннада музея Метрополитен, справа зеленой горой вставал Центральный парк. Если лечь в ванну, то в круглое окно были видны верхушки небоскребов мидтауна. Самое удивительное, что в этой квартире никто не жил, иногда ключи выдавались проезжей родне или друзьям, посещающим Нью-Йорк.

Ребекка Лири предпочитала жить за городом, в Вестчестере. Эта квартира казалась ей тесной, город шумным, народ суетливым и неприятным. Ребекка много путешествовала. Она считалась специалистом по Дюреру и немецкому Ренессансу в целом, ее приглашали на всевозможные конференции и прочие мероприятия околожественного характера. В спальне стояла фотография, которую профессор каждый раз незаметно поворачивал к стенке. Там Ребекка снялась на фоне какого-то готического собора, Полина иногда разглядывала ее лицо и совершенно не могла представить эту холеную высокомерную суку рядом с милым Саймоном. Сам профессор говорил, что их семейные отношения давно эволюционировали в дружеское партнерство, при этом Саймон грустно улыбался и гладил Полину по колену. Полина верила и отчасти даже жалела искусствоведку.

Полина понимала тупиковость отношений с профессором, этим апрелем ей исполнилось двадцать четыре, она все еще считала себя достаточно молодой, и будущая жизнь с вероятными детьми и предполагаемым мужем виделась Полине расплывчато и в общих чертах. Гораздо больше ее занимало трудоустройство после получения диплома, впрочем, ясности здесь тоже не было.

Профессор был в отличной форме, разумеется, для своего возраста. Когда он садился на край кровати и стягивал носки, кожа собиралась

в складки, отвисала в неожиданных местах. Особенно уродливыми казались ступни ног, желтые, словно из воска, с корявыми бледными ногтями. На бедре темнело родимое пятно размером с маслину, а от пупка по диагонали вверх тянулся шрам. История шрама так никогда и не прояснилась, Саймон уклончиво ответил, упомянув Ленинград и какого-то Герхарда. Именно тогда Полина решила, что Саймон не всегда был всего лишь профессором.

Любовником он оказался торопливым, иногда эгоистичным, Полине казалось, что Саймон обычно пытается поскорее покончить со всей этой постельной канителью и перейти к действительно приятным делам: к вину, ужину, к разговорам. Но старая школа брала свое — он каждый раз собственноручно раздевал ее, ловко расправляясь с застежками, молниями и крючками, после подолгу занимался ее грудью. Грудь Полины действительно заслуживала внимания, тем более что, судя по фотографии, профессорше похвастать особо было нечем.

От антикварной лавки Саймон всегда гнал по Бродвею, раскручивался вокруг статуи Колумба, одиноко скупающей на колонне в центре тесной площади, потом ехал вдоль парка, сворачивал у Плазы на Пятую. Тем днем маршрут изменился — профессор неожиданно нырнул на первом светофоре направо, спустился к Гудзону и понесся по набережной на юг.

Полина знала правила игры: это какой-то сюрприз, спрашивать бесполезно. Она сползла вниз по сиденью, уперлась коленями в бардачок. Очень хотелось курить, даже не курить, а просто держать в губах сигарету, чтоб огонек от ветра раздувался и горел рыжим, а дым улетал быстрой белой струйкой за плечо.

Она поправила черные очки, потыкала в приемник, нашла какую-то древнюю песню, записанную за год до ее рождения. Саймону тогда было столько же, сколько сейчас ей. Он слушал эту песню тогда, мускулистый, молодой, без дряблых складок и шрамов. Песня звучала точно так же. Пройдет еще лет двадцать пять, и Полина, потерявшая и седая, будет куда-то ехать, а по радио опять будут крутить эту песню. Хотя наверняка к тому времени придумают какие-нибудь пилюли от морщин и складок, и вообще двадцать пять лет — это почти вечность. Песня неожиданно рассыпалась испанской гитарой, пронзительно грустной и хрупкой, мелодия потекла плавно: «Ты можешь быть, кем ты захочешь, но для начала стань свободным, стань самим собой».

Все верно, все именно так, Полина переключила канал. Странный механический женский голос зашептал из динамиков:

— ...Ласточки не успеют стряхнуть пыль со своих острых крыльев, но день полнолуния уже близок, Козерог в доме Марса, дева непорочная с серпом, готовым для жатвы. В ту ночь я, Махат-

ма Ас-Гам-Зи, сыграю Лунную сонату задом наперед, что повернет вспять историю рода человеческого, и все грехи людские будут прощены. Для тех, кто...

Полина ткнула кнопку, и странная тетка сменилась разболтанным регги. Боб Марли пел про шерифа, которого он пристрелил в порядке самообороны.

Саймон лихо вписывался в виражи, выставив наружу острый загорелый локоть. Машина взлетела на мост, гулко понеслась под циклопическими стропами с гигантскими гайками. За ажурной решеткой, слившейся в пульсирующий серебристый звон, далеко внизу искрилась вода с игрушечными яхтами. Сзади по берегу торчали терракотовые кубики Гарлема, дальше, почти на горизонте из бетонного марева мидтауна выросла стальная конус Крайслера. Мост кончился, и они въехали в Квинс.

Пошли пыльные домишки, заборы, промелькнуло кладбище с серым частоколом надгробий, ангелов, крестов. На бесконечной кирпичной стене старого склада проскочила полусмытая реклама давно исчезнувшей компании автошин. Потом пошла корпуса заброшенной фабрики с выбитыми стеклами. Полина родилась и выросла в Нью-Джерси, она по себе знала, что некоторые реки иногда бывают пошире морей, а соединительная функция мостов порой становится унизительной насмешкой.

У Полины была забавная фамилия — Рыжик, она смущалась всякий раз, называя ее. В ее голове тут же возникали оранжевые ассоциации: носатые клоуны, грибы-рыжики, снеговики с морковками. Смешная фамилия досталась от бабушки: совсем юной, сразу после войны она оказалась в Австрии, а оттуда, переплыв Атлантику, попала на Восточное побережье и обосновалась в Нью-Джерси. Здесь от развеселого паренька (на единственном фото в бабкином альбоме он снялся с гитарой и в ковбойских сапогах со скошенными каблуками) родился отец Полины — Чарльз Рыжик, сделавший удачную карьеру в жевательном бизнесе. Он работал директором по маркетингу в «Риглис» — флагмане жевательной индустрии.

Детство Полины было пропитано мятным ароматом бесчисленных образцов и тестовых экземпляров, раскиданных по дому в виде пластинок, подушек, шариков и трубочек в пестрых фантиках. Бабка читала Полине на ночь Бунина, Толстого, Набокова, все на русском. В нежном возрасте пяти лет Полина прослушала «Смерть Ивана Ильича», в семь — «Крейцерову сонату». Сейчас Полина говорила по-русски почти без акцента, изредка перевирая ударения да невпопад задирая хвосты повествовательных предложений.

Они встали на светофоре, шофер грузовика с мрачной завистью поглядел на профессорскую руку, перекочевавшую с коробки передач на голое

девичье колено. Полина улыбнулась шоферу, тот вздохнул и зажмурился, словно у него заныли зубы. Включился зеленый. Через пять минут унылый Квинс остался позади, по сторонам зазеленели поля, лохматые кусты, могучие вязы и клены. Вкусно пахло летней травой. Свернули на грунтовку, дорога весело покатила вниз, петляя и наклоняясь то вправо, то влево. Сквозь листву вспыхнула рыжим черепичная крыша, показались три островерхие башни, центральная с флюгером в виде птицы. Полина догадалась, что это и есть логово тощегрудой Дюрероведки.

— Она, — не называя имени, сказал Саймон, глуша мотор. — Она в Штутгарте. Немцы нашли Гольбейна. Она им скажет, настоящий или нет.

Полина хлопнула дверь машины, гравий захрустел под каблуками, она со вкусом потянулась, осмотрелась. Стало ясно, отчего Ребекка считала городскую квартиру тесной — это жилище напоминало замок среднего калибра. За домом темнел старый парк, сквозь частокол стволов во тьме проглядывал то ли пруд, то ли озеро, кроны вязов нависали над черепицей крыши и бросали сетчатую тень на гравий перед входом и неухоженные клумбы с мордатými хризантемами.

Саймон церемонно распахнул дверь, Полина шагнула в холл, высокий беленый потолок перечеркивали старые балки из темного дерева, каждая толщиной с телеграфный столб. Холл переходил в гостиную с камином, в который можно

было войти, не сгибаясь. Полина с надеждой поискала глазами мечи, доспехи и прочую бутафорию — ничего, даже кабаньих голов на стенах не было. Пришлось признать, комната была обставлена безукоризненно. В спальне она уловила приторный запах, так пахнет прокисшая парфюмерия. Запах Ребекки — она подумала, улыбнулась и откинулась на подушки. Саймон уже раздел ее и увлеченно нянчился с грудью, прихватывая губами соски и громко сопя.

Потом был пикник у пруда. На пологом берегу между ив висел гамак, у Полины тут же возникло желание покачаться, которое было благоразумно подавлено.

Саймон бросил на траву верблюжий плед, утнезил бутылку холодного «шабли», завернутую в льняную салфетку, из корзины выудил два бокала, фаянсовые тарелки, столовое серебро. Разложил сыр, виноград, инжир с орехами, откупорил банку с медом. Полина наблюдала за ловкими руками профессора и думала, что сверстники мужского пола для нее потеряны как минимум лет на десять. Саймон разлил вино, придвинувшись к ней, щекотно шепнул в ухо банальное:

— За нас!

Сверху голосили невидимые птицы, голова приятно плыла, Полина пыталась слушать историю Карибского кризиса, но мешали птицы. Она постепенно сдалась и, продолжая изредка хмыкать и поддакивать, провалилась в ленивую исто-

му. Мысли обо всем и ни о чем неспешно тянули ее куда-то, убаюкивали.

— ... Этот недоумок от авиации генерал Лэммей, — профессор хрустнул сочной виноградиной и продолжил, — игнорировав приказ президента, продолжал полеты над Союзом. В тот же день русские чуть не сбили еще один самолет-шпион. Над Сибирью. Первый был сбит утром над Гаваной, пилот майор Андерсон погиб. В учебниках этот день называется «Черная суббота». Русские телеграфировали в Кремль, что ожидают нападения в ближайшие сутки. Хрущев объявил готовность номер один. Мир оказался на пороге ядерной войны. Ближе мы не оказывались ни до, ни после.

Ни до, ни после — эхом откликнулось в голове Полины. Она не понимала, зачем профессору понадобилось тащить ее сюда, демонстрировать все эти роскошные интерьеры, экстерьеры, пейзажи и натюрморты, единственное, в чем у нее теперь не было сомнений, так это в том, что мужчины (в отличие от женщин) не взрослеют, внутри каждого матерого зубра сидит резвый козленок, и умение прятать его и выглядеть солидно зависит целиком от индивидуальных способностей и таланта к мимикрии.

Стемнело. Они сидели у камина (день продолжал разыгрываться по сказочному сценарию), огонь покрасил руки и лица, в углах сгустились

тени, потолок исчез, сверху нависла черная бездна. Саймон шурился на огонь, поглядывая то в коньячный бокал, то на Полину. После ванны она забрала волосы наверх, выставив напоказ неожиданно долгую шею. Отвергнув искусствоведкины тряпки, Полина накинула вместо халата белую профессорскую рубашку, из-под нее выглядывало белье, красное с фиолетовыми кружавчиками. Полина считала, что это кич, но белье подарил Саймон, пришлось надеть.

— В лучшем случае будешь заведовать каким-нибудь архивом имени братьев Карамазовых, — профессор сделал маленький глоток, помолчал, оценивая вкус. — За сорок тысяч годовых. Или читать в Мидлберри прыщавым подросткам письма Онегина к Печорину.

— К Татьяне.

— И к Татьяне тоже. И все за те же сорок тысяч.

Полина засмеялась:

— Но ты ведь сам примерно этим и занимаешься!

Саймон улыбнулся.

— Вот именно. Поэтому и говорю.

Он подался к ней.

— После Берлинской стены, — он понизил голос, словно их могли подслушать, — после Горбачева, после Ельцина... — он оглянулся в пустой холл, — наступила эйфория, Конгрессу удалось срезать бюджет, да и в конторе не очень сопротивлялись. Восточный сектор свернули. Вручили

ордена и медали... — профессор сделал глоток. — Почетные пенсии... Ну и под зад коленом.

Полина выставила руки и смотрела в огонь сквозь растопыренные пальцы. Сделала птицу, скрестив большие пальцы.

— Сейчас ситуация изменилась.

Птица расправила крылья и полетела.

— Они набирают, — Саймон улыбнулся. — Могу дать рекомендацию.

Полина улыбнулась в ответ:

— У меня диплом по Толстому.

— Да кому твой Толстой нужен? — спросил профессор чуть резко. — То, чем ты собираешься заниматься, — тупиковая ветвь. А я предлагаю перспективу. Интересную перспективу. Ты — умная, красивая баба, молодая...

— Спасибо.

— Это не комплимент, а констатация факта. Будешь работать в посольстве, консульстве или под крышей какого-нибудь Сороса. Москва, Прага, Питер... — он усмехнулся. — Восточная Европа — весьма занятный регион.

Полина поджала под себя ноги, натянула на колени рубаху. От нее пахло крахмалом, прачечной. Полина подумала о бабе Нине, Нине Егоровне Рыжик.

— Мою бабушку немцы угнали в плен. В самом начале войны. Они жили под Брестом. — Полина говорила тихо. — Следом за войсками шли 'эсэсовцы. Поддеревни, всех мужчин и пацанов согнали

в амбар, амбар облили бензином. Моя бабушка все это видела. Она мне рассказала перед самой смертью, говорит, крики из амбара до сих пор слышит. Там отец ее был, два брата.

Профессор вздохнул, допил коньяк. Полина зябко поежилась и добавила обычным тоном:

— Мне нужен.

Саймон не понял, рассеянно поглядел на нее.

— Ты спрашивал, кому нужен Толстой. Мне.

Прошла неделя, профессор не позвонил. У них было заведено, что всегда звонил он. Полина вытерпела до вторника, вечером набрала номер. Он взял трубку сразу, ответил чужим, сухим голосом, что перезвонит. Сразу нажал отбой, Полина что-то пролепетала в частые гудки, осеклась на полуслове. К горлу подкатила тошнота, Полина налила в кружку воды из крана, рука была слабой и чуть дрожала. Отпила, вода оказалась теплой, она выплюнула ее в раковину. Телефон запиликал. Она вздрогнула, метнулась к столу. Завтра в три, сказал профессор тем же чужим голосом.

Полина минут десять стояла с телефоном в руке. В голове было пусто. Постучали в дверь, Полина вздрогнула, открыла. Мона со второго этажа, толстая мулатка с бородавкой на подбородке и в роговых очках. Попросила сигарет. Полина спустилась с ней вниз, они сели на асфальт, закурили. Мона что-то говорила про свой диплом, потом про какую-то Жасмин, которая кру-

тит голой жопой в «Экстазе» и делает по штучке за ночь. Полина глубоко затягивалась и кивала, разглядывая окна общаги. Тусклые желтые квадраты лежали на тротуаре, сквозь деревья мутным конусом светился физический факультет.

Она почти не спала, препарируя в памяти последнюю встречу: дорогу туда, секс, пикник, разговор в гостиной, секс, завтрак, дорогу обратно. Она ничего не понимала, и от этого становилось совсем тошно. Подходила к окну, курила в форточку, спрятав сигарету в кулак. Ложились. Постель казалась жесткой и грубой, все тело чесалось. Она снова вставала и шла к окну. Под утро провалилась в полубред, отчетливый и яркий: она голая стояла по пояс в воде, коричневой и грязной. За ее спиной кто-то прятался, она с ним спорила. Она знала, что поворачиваться нельзя.

После душа Полина разглядывала себя в узкое зеркало, прибитое к дверце шкафа. Хлопнула ладонью по загорелому животу, провела по бритому лобку: профессор не одобрял отсутствие волос, говорил, что это напоминает педофилию. Полина брызнула одеколоном на шею, плечи, провела рукой по груди, в паху, по ляжкам. Надела черный лифчик, соски выглядывали наполовину из-под сиреневых кружев, как и было задумано. Натянула трусы. К полудню она уже убедила себя, что случилось какое-то недоразумение. Что они встретятся и ошибка моментально вскрыется. Они посмеют-

ся и поедут на Пятую авеню. Она сунула запасные трусы в сумку.

Когда Полина пришла к антикварной лавке, профессорская машина уже стояла там, правда, за углом и с поднятым верхом. Он толкнул дверь. Полина, привычно бросив сумку назад, села. Она хотела что-то сказать, но Саймон, не взглянув на нее, дал газ. Он смотрел вперед, сосредоточенно, словно собирался идти на таран. Костяшки рук побелели, он резко бросал машину вправо и влево, зло втыкая передачи и резко давя на газ. Прошло двадцать минут. Они неслись по Ист-Сайд, с одной стороны за ржавыми контейнерами мелькала река, с другой тянулись глухие, пыльные стены каких-то складов. Полина не могла представить, что такие места вообще существуют на Манхэттене. Саймон затормозил и въехал на заброшенную автозаправку. Окна конторы были заколочены щитами, по фанере и стенам тянулись иероглифы граффити. Саймон вылез, хлопнул дверью. Полина вылезла вслед.

С самого утра парило, у Полины сразу вспотели ладони. Теплый ветер гнал пыль, от нее першило в горле и чесались глаза.

— На блесну, значит? — Саймон сердито глядел мимо нее. — На блесну...

Полина растерянно повернулась, открыла рот.

— Только вот не надо... — Саймон раздраженно махнул рукой. — Вот этого только не надо! Хорошо?

Он резко прошелся взад и вперед. Остановился у ржавого корпуса бензиновой колонки. Пнул его ногой.

— Придумано все на «пять». Только один момент ты не учла: мы с Ребеккой уже тридцать лет вместе. И вместе через такое прошли, что тебе и не снилось.

Полина обхватила себя за плечи, ей вдруг стало зябко. Она не знала, что сказать, с чего начать, ей казалось, что профессор сошел с ума. Или она сошла с ума. Или весь мир.

— Саймон! Ты можешь наконец объяснить? В чем дело?

Профессор с ненавистью взглянул ей в лицо и громко засмеялся.

— Молодец! Ох, молодец! — он снова пнул ногой колонку. — Полина, это конец. Все, понимаешь? Кончай дурочку ломать.

— Я ничего не понимаю. — У Полины першило в горле, голос вышел силпый, словно она собиралась расплакаться. — Правда...

От этого профессор только раззадорился. Он перешел на крик:

— Овечка! Ничего она не понимает! Неужели тебе могло прийти в голову, что я женюсь на тебе?

— Что?!

— Ты думаешь, я не видел? Ты думаешь, я не знаю вашу славянскую породу? Вашу зависть, вашу азиатскую хитрость? — он закашлялся. Кашлял

долго, его лицо покраснело, он сплкнул на асфальт. — Знаю! Знаю!

— Господи... Что происходит? — Полина поняла, что плачет, она быстро провела рукой по лицу. — Саймон, ради бога!

Она слышала свой голос, противный, в нос. Голос человека, безусловно, виноватого, голос обманщика. Она не знала, в чем виновата, но такому голосу не поверила бы сама.

— А знаешь, что она сказала? Ребекка. Когда нашла их. Что я таскаю в дом дворняжек! Что такие серьги не наденет даже портовая шляха!

Полина вздрогнула, мир качнулся и встал на место.

— Саймон! Клянусь... Я думала... я искала... неужели ты думаешь... — она осеклась, словно у нее кончился завод, как у пружинной игрушки.

Профессор достал с заднего сиденья ее сумку, брезгливо бросил Полине под ноги. Внутри тихо звякнули ключи.

— Я надеюсь, ты понимаешь, что на этом все? — Он сделал паузу и исподлобья посмотрел на Полину. — И не дай тебе бог...

Полина подняла сумку, достала сигареты. Руки у нее тряслись, она несколько раз чиркнула зажигалкой, ветер тут же гасил пламя. Саймон сел в машину, хлопнул дверью. Наконец прикурив, Полина глубоко затянулась.

— Погоди, — выдохнула она.

— Чего еще? — спросил он грубо, включая стартер.

Полина достала из сумки связку ключей, выбрала английский, воткнула острие бороздки в крыло машины и сказала:

— Да нет, ничего.

Профессор выжал сцепление, дал газу и рванул машину с места. На крыле и двери красовалась глубокая, свежая царапина.

2

Грэг прислал цветную открытку с закатом над Эдинбургским замком. На обороте была марка с королевой в профиль, припечатанная грязным фиолетовым штемпелем. Грэг малюсенькими буквами, словно писал из тюрьмы, расписывал шотландские красоты: вересковый дух над вечерними полями, клочья тумана меж скал, руины замков — банально и в меру поэтично. В постскриптуме, втиснутом в угол открытки, упоминался некий Рональдо, танцор, с которым Грэг собирается переехать в Амстердам. Вместо подписи стояло кривое сердечко и буква «Г».

Полина, дочитав, хмыкнула и прикрепила вечерний замок к стене между портретом босого Льва Толстого и фотографией Чехова, которого все принимали за ее дедушку. С Грэгом ситуация

более или менее прояснилась. Профессора Саймона Лири она видела пару раз издали, разумеется, он ее не замечал. С профессором тоже все было ясно.

Третьего июля Полина защитилась, ее хвалили, завкафедрой славистики Левенталь два раза произнес слово «превосходно». На другой день было вручение дипломов, из Нью-Джерси приехали родители. Мать вытирала глаза зажатым в кулак платком, отец балагурил, говорил бодрым и громким голосом, знакомился с другими родителями. Он выставлял энергичную ладонь и рычал: Чарльз Рыжик. Полине, как всегда, было неловко за свою смешную фамилию. Стояла жара, Полина взмокла в фиолетовой мантии, сшитой в Китае из какой-то синтетической дряни. Когда подошла ее очередь, она чуть не грохнулась в обморок на подиуме, что-то пробормотала в микрофон, уронила шапку, кое-как вернулась на место. Отец воскликнул «ого!», ухватил диплом, пробуя на вес, словно приценивался, купить или нет. Полина разглядывала готические буквы, университетский герб, золотую раму, ей отчего-то стало тоскливо. Родители смеялись, мать гладила ее по голове, как ребенка, что-то спрашивала. Она улыбалась, молча кивала, закусив губу. Она боялась разреветься.

Через день на двери общаги появилась бумага, предупреждавшая, что все комнаты должны быть освобождены к концу месяца. Полина с минуты

глазела на объявление, весь текст угрожающе был набран заглавными буквами. В слове «администрация» вместо первого «и» стояла «е». Полина хотела исправить, но не нашла ручки. Она поднялась к себе, стала ходить от окна к двери, четыре шага туда, четыре обратно. С улицы долетал резкий женский голос, ругались по-испански. Полина захлопнула форточку. Подошла к столу, включила компьютер. Мрачно поглядела на экран. Потом тихо опустилась на кровать и закрыла лицо руками.

Она проснулась ночью, проснулась внезапно, будто ее кто-то выдернул из сна. Она резко приподнялась, вытянула шею, пялясь в темноту. Сердце ухало где-то в горле. Что ей снилось, она не помнила совсем, осталось лишь ощущение жутости. Полина встала, дошла до окна. Деревья черными лапами загораживали улицу, в рваных просветах маячили слепые фонари. Полине эти огни напомнили пристань, тихий прибой. Она распахнула форточку. Дух ночного города обдал теплом, она тихо стояла, вдыхая резкий запах асфальта и гари. Невидимый автобус, грозно рыча, мощно набирал обороты, и казалось, шел на взлет.

Два дня Полина не выходила из общаги, ее комната провоняла китайской лапшой, картонки от которой валялись по полу, стояли на подоконнике. Резюме продолжало выглядеть неубедительно, Полина несколько раз редактировала текст,

меняла шрифты — суть оставалась прежней: диплом Колумбийского университета и никакого опыта. Три статьи в студенческой газете «Квест» плюс летняя работа в библиотеке Конгресса год назад — вот и вся практика.

Полина вздыхала, копировала письмо, меняла имя адресата и название конторы. Цепляла файл с резюме, нажимала «отправить». Вычеркивала из списка. Эту операцию она проделала уже сорок семь раз. На краю стола лежали две последних сигареты. Полина несколько раз порывалась закурить, но каждый раз сила воли одерживала верх.

Последним в списке оказался журнал «Еврейское книжное обозрение», им требовался ассистент редактора со знанием русского языка. Полина захлопнула крышку ноутбука, потянулась. Нашла зажигалку, зажав в кулак, сбежала вниз по лестнице.

На бордюре клумбы сидела Мона, выставив вверх толстые бледные колени. Она говорила по телефону, курила, часто затягиваясь и стряхивая пепел в пустую банку из-под пива. Полина села рядом. Мона нажала отбой, спросила:

— Про Росса слышала? — и, не дожидаясь ответа, сразу продолжила: — Кафедра русского в Дюке — охренеть! У тебя, наверное, тоже все тип-топ? Видела твоего папашу — козырный такой!

Мона подмигнула.

— Не-е, — Полина помотала головой. — Мой же не сенатор. А ты куда?

— Я? — Мона ввинтила окурочок в дырку банки. — Я в школу. В Цинциннати.

— Школу? — растерянно повторила Полина. — В смысле?..

— В прямом. Учителем.

— С нашим дипломом? В школу?

Мона повернулась к Полине, на ней не было ее толстых очков в роговой оправе, близорукие глаза оказались по-детски светло-серыми.

— Я с февраля триста сорок резюме раскидала. Триста, твою мать, сорок! По всему миру! — Она снова закурила, выпустила дым Полине в лицо, замахала ладонью. — Триста сорок! На хер мы не нужны. Никому!

— С февраля? — поникшим голосом переспросила Полина.

«Господи, а я-то что с февраля делала? — Мысли запутались, неясная паника начала расти, она нервно вдохнула, закашлялась дымом. — Вот дура! Дура!»

Ей казалось, нет, она просто была уверена, что надо хорошо учиться, получить диплом, отправить несколько резюме, сходить на пару интервью, а потом начать работать. Просто начать работать. Это как ступеньки, ты идешь по ним, шаг за шагом. Ведь так и было всю жизнь — шаг за шагом.

— Ты чего? — Мона спросила с грубоватым сочувствием. Полина помотала головой, в горле стоял ком.

— А этот... — Мона подмигнула. — Профессор с международной? Не поможет?

Полина открыла рот, не зная, что сказать. Она сидела как деревянная, зажав между пальцев тлеющий окурок и чувствуя, как медленно разгораются ее скулы.

Утро добавило проблем — жилье... Вырвавшись из ненавистного Нью-Джерси, пошлого и провинциального вдвойне из-за унижительной близости к Нью-Йорку, Полина прожила четыре года на Манхэттене, вросла в его плоть, слилась с его ритмом, стала его частью. О возвращении к родителям не могло быть и речи — в Полининой шкале этот шаг располагался где-то между монастырем и самоубийством. Полина перерыла Интернет, просмотрела всю секцию аренды жилья в воскресной «Таймс»: цены на дрянную студию размером с кладовку начинались с тысячи. Не говоря уже о том, что рантье-кровопийцы требовали трехмесячный залог при подписании контракта. Короче, Манхэттен оказался просто не по карману.

На компьютерной карте Бронкс ничем не отличался от Манхэттена, те же улицы, площади, кубики домов, прямоугольники скверов. Такая же земля на другой стороне Ист-Ривер, тот же город Нью-Йорк. Просто другой район. Самовнушение начинало потихоньку работать, паника постепенно улеглась. Полина налила вина, забралась

с ногами на кровать. Устроившись по-турецки, раскрыла ноутбук, набрала в поиске «временное жилье в Бронксе». Отвергнув пару пансионов, она натолкнулась на темно-голубую рекламу мотеля «Стардаст». Чтобы у потенциальных клиентов не было сомнений, анимированная звездная пыль мерцала по всему переливчатому фону.

— Ну и кич... — пробормотала Полина, допивая вино.

Номер в сутки стоил двадцать восемь долларов. Самый дешевый. Полина прикинула, оказалось, что это даже дешевле, чем снимать квартиру в том же Бронксе. Она набрала номер, бодрый женский голос ответил почти сразу:

— «Стардаст» к вашим услугам!

«Вот именно такого оптимизма мне и не хватает», — подумала Полина и забронировала номер на послезавтра.

Мотель «Стардаст» напоминал длинный одноэтажный сарай, крашенный салатовой краской. Торцом он упирался в глухую стену склада. Все двери мотеля выходили на дорогу и были синими, на каждой по трафарету была набита лимонная звезда с номером комнаты, всего девять. За десятой дверью, со звездой и надписью «Контора», обитала хозяйка. Полине достался седьмой номер. Из ее окна был виден кирпичный угол склада, кусок эстакады и рекламный билборд над шоссе. С выгоревшего щита драными обоями

свисали ключья старых реклам. Шел дождь. Полина, упершись кулаками в подоконник, разглядывала трещины в мокром асфальте, мелкий мусор, застрявший в решетке стока.

Машину, ее дряхлый «Форд», вскрыли в первую же ночь. Брат там было нечего, шпана выгребла всю мелочь, даже медяки. «Форд» стоял за мотелем на бетонной площадке, усыпанной окурками и использованными иглками для шприцов. Там собиралось местное хулиганье, подростки-пуэрториканцы. Трусливые, но опасные, парни лет пятнадцати, вооруженные бритвами. Они были коренасты и жилисты, в мешковатых штанах и тупорылых солдатских ботинках. Они вились вокруг мотеля и возле складов, высматривая, чем бы поживиться. Караулили фуры на разгрузке, налетали стаями и грабили. Запросто могли полоснуть бритвой.

Дорис, хозяйка мотеля, она же портье, она же оптимистичный голос в телефоне, на деле оказалась теткой за пятьдесят, с желтыми, как у куклы, волосами и крепкими мужскими руками, на правом бицепсе синела татуировка — голова тигра и слово «Джаг». Слово оказалось именем, Джаг был ее мужем, он в феврале по третьему кругу отправился в Афганистан.

Полина перечитывала «Жизнь Арсеньева», курила и каждые полчаса подходила к компьютеру. Прошло две недели, ни одного ответа, ни одного интервью. Надежда, что все решится само

собой и как-то образуется, постепенно рассеивалась, сменялась тревогой, переходящей в тихую панику.

Полина вытащила сумку, порылась в бумагах. Нашла список, начала звонить. Через коммутатор добиралась до отдела кадров, спрашивала про свое резюме. Ответы можно было поделить на три группы: да, получили, но место уже не вакантно; нет, не получили, но посылать ничего не нужно, позиция занята. Ответ номер три — лицо, с которым нужно говорить, находится в отпуске, в командировке во Флориде или на Аляске, обедает, проводит встречу или просто страшно занят в настоящий момент. Полина записывала имена, фамилии, время, когда надо перезвонить, — постепенно бумага покрылась неразборчивой тайнописью, состоящей из жирных пятен, слов и цифр разнообразного калибра.

Телефонные разговоры выматывали. Говоря, Полина нервно ходила по комнате, жестикулировала. Через час у нее уже раскалывалась голова. Она курила, от курева голова болела еще сильнее.

Незаметно стемнело, она опустилась на край кровати, потом устало повалилась на бок и тихо заплакала. Ночью она проснулась от стрельбы, казалось, что стреляют совсем рядом, за шоссе. Полина лежала на спине, боясь пошевелиться. Потом завyli сирены, жутко и протяжно. Сначала вдали, едва различимо, сирены постепенно

приближались. Под конец истеричный вой уже раздавался под самым окном. Полина накрыла голову подушкой.

Утром она босиком подошла к окну, чуть отодвинув занавеску, с опаской выглянула наружу. Ничего. Там не было ни полиции, ни трупов, ни пятен крови на асфальте. Лишь на кирпичной стене склада появилось яркое граффити, похожее на узкое лицо с длинными ушами. Рисунок был набрызган по трафарету розовой аэрозольной краской. Полина поплелась в душ, открутила до упора горячий кран, вода полилась ледяная, потом чуть потеплела. С зубной щеткой во рту она, не мешкая, влезла под слабые струи, зная по опыту, что если упустить момент, то вода снова пойдет холодная.

Страшно хотелось кофе. Намотав на голову мотельное полотенце, серое, с подозрительными ржавыми пятнами, Полина собралась в «Контору» — хозяйка поила жильцов кофе с семи до десяти. Кофе был дрянной, но горячий, а главное, бесплатный. Никелированный термос с краном стоял на табурете у двери.

Пристроив картонный стакан на бордюрный камень, Полина достала сигарету.

— А мой дедушка умер от сигарет, — раздался за спиной ехидный голос.

Полина повернулась. Девчонка лет девяти, в соломенной шляпе с лентами и бумажными цветами, смотрела на нее хитрыми глазами и улыба-

лась. Глаза были как перезрелые вишни, почти черные.

— Тебя как звать? — спросила Полина, сунув сигарету обратно в пачку.

— Меня? — удивилась девчонка. — Меня зовут Глория.

— Ух ты! Вот это я понимаю имя! А сколько тебе лет?

— Мне? — снова удивилась Глория. — А дай мне кофе? Глоточек. Ты не бойся, я слюней не напускаю!

— Точно? — Полина сняла крышку со стакана, протянула девчонке. Та сделала глоток. Хитро глянула из-под шляпы.

— А можно еще?

Полина засмеялась:

— Валяй, допивай.

— Не, я только глоточек. Мне ж кофе нельзя. Бабушка если узнает, она меня знаешь как накажет! И тебя тоже. Хоть ты и взрослая.

Глория протянула стакан, вытерла ладошкой губы.

— А ты ангела видела?

Полина присела на корточки, поглядела ей в глаза.

— Опять хитришь? Какого ангела?

— А вон! — Глория вытянула руку в сторону склада.

— Так это ангел, — Полина засмеялась. — А я думала, что это уши. А это...

— Крылья! — Глория тоже засмеялась. Вдруг перестала и серьезно сказала: — Это ангел Индалесио, моего соседа.

Дверь конторы распахнулась, на пороге появилась Дорис.

— Опять? А ну давай домой! — Она грозно уперла руки в бока.

Полина вздрогнула, потом сообразила, что это не ей. Девчонка, придерживая рукой шляпу, припустила вдоль мотеля, бумажные ленты разноцветно вспыхнули и скрылись за углом.

— Как успехи? — спросила хозяйка.

Полина тоскливо махнула рукой.

— Ты это брось кукситься! — Дорис большими руками взлохматила свои яичного цвета кудри. Мужская линялая рубаха была ей велика, Полина подумала, что это рубаха Джага.

— А когда ваш муж возвращается? — спросила она первое, что пришло в голову. Говорить о себе ей совсем не хотелось..

Дорис оживилась, сбивчиво стала перечислять какие-то географические пункты — Карабастан, Забарастан, — они звучали одинаково нелепо и напоминали заклинание дервиша из арабской сказки.

— Обычно один тур — шесть месяцев, при учете военных действий, а если без, то девять, но кто сейчас соблюдает, могут загнать и на год, с них станется. Людей-то нет... — Дорис нервно вдохнула, словно ей не хватало воздуха. — Война

десять лет идет, а всем плевать, даже и не замечают: «Что, где, какая война? А, эта...» Всем плевать. Только если у тебя там муж. Или сын. А так... — Дорис вдруг осеклась, развернулась и скрылась в конторе, хлопнув дверью.

Полина постояла, глядя на лимонную звезду. По краю желтый цвет смешался с синим и стал ядовито-зеленым. Из конторы послышался грохот, словно уронили буфет с посудой. Полина вздрогнула и, тихо ступая, пошла к себе. В восьмом номере тоже проснулись, из-за двери женский голос с тупой настойчивостью повторял: «Ну? Ну? Ну?» Полина прислушалась. Женщина перешла на «Да! Да!», потом застонала.

Полина сглотнула, сунула руку в карман, ища ключ. Ключ оказался в другой руке. Ее интимная жизнь приближалась к нулю. Она попыталась вспомнить — да, последний раз это было с Саймоном, когда она забыла серьги на ночном столике. Замок заедал, она вынула и снова вставила ключ, повернула. В кармане запиликал телефон. Номер высветился нью-йоркский.

— Доброе утро! Мне нужно переговорить с мисс... Рыжик, это правильный номер?

— Да... — выдохнула Полина, застыв на пороге. — Да, это я.

— Меня зовут Бетси Кляйн. Я редактор журнала «Еврейское книжное обозрение».

Полина не шевелилась, боясь ненароком разрушить ткущееся из воздуха чудо.

— Мы ищем человека для работы с русским архивом. Вам это интересно?

О, волшебное, любимое обозрение милых еврейских книг! Полина страстно закивала головой.

— Але! Вы меня слышите? — заволновалась Бетси Кляйн. — Але?

— Да, да! Да, слышу! — закричала Полина. — Да, интересно!

— Тут связь такая... — пробормотала Бетси. — Вы когда могли бы подъехать?

Полина открыла рот, задыхнулась, сипло выдавила из себя:

— Это интервью?

— Ну да... — растерянно ответила Кляйн. — Интервью.

— А можно сейчас?

На том конце замолчали, потом Бетси сказала:

— В три?

— В три! — Полина нажала отбой, зажмурилась, подпрыгнула и заорала: — В три-и! В три!

Из восьмого испуганно высунулась женская голова с мокрыми волосами.

— У меня интервью! — прокричала Полина.

— Знаю. В три! — девица хлопнула дверь.

Полина вышла на 72-й, в подземке было душно, она боялась, что вспотеет и под мышками выступят пятна. Поэтому она держала руки чуть на отлете, словно собиралась взлететь. Полина прошла

несколько кварталов, искоса поглядывая на свое отражение в витринах: прямая спина, строгое платье, серьезный взгляд. Минимум макияжа, никаких духов — строго и стильно, серьезный специалист по русской словесности. Не вертихвостка, но и не синий чулок.

Здание одним углом выходило на Бродвей, другим — на Восемьдесят Первую улицу. Дом был старый, Полина поднялась на второй этаж, этажом выше шел ремонт, оттуда воняло сырой побелкой и слышалась задорная мексиканская музыка. Полина посмотрела на часы, глубоко вдохнула и толкнула дверь.

Редакция оказалась тесной. Бетси Кляйн, худая женщина за сорок, с властным лицом и крупными темными глазами, очевидно, некогда блиставшая семитской красотой, жгучей, но, увы, скоротечной, сидела в комнате с половиной окна, вторая половина принадлежала кому-то невидимому за перегородкой. Полина отказалась от предложенных на выбор кофе, чая, воды и почти сразу пожалела об этом — она начала говорить, и у нее тут же пересохло в горле.

Несколько раз звонил телефон, Бетси делала строгое лицо, брала трубку и скупно отвечала тихим голосом. Извинялась, кивала Полине, та продолжала. Закончив говорить, Полина застыла, костяшки кулаков у нее побелели от напряжения. Редакторша помолчала, потом сказала:

— У меня сын окончил Беркли год назад. Работу нашел только в марте. Получает... — она махнула рукой. — Господи, куда все катится?

Полина, кивнув, согласно вздохнула.

— Мы вас можем взять по контракту. На три месяца, — произнесла Бетси другим, официальным голосом. Полина радостно подалась вперед, хотела что-то сказать, редакторша перебила:

— Погодите, погодите. У вас диплом Колумбийского университета, вы специалист по Толстому, свободно владеете русским. Мы вам предлагаем место переводчика и помощника архивариуса, понимаете?

Полина весело кивнула:

— Да, да, я согласна.

Бетси поглядела на нее, грустно сказала:

— Вы ведь даже не спросили, сколько вам будут платить.

— Да! А сколько?

Полина занималась документами для музея Холокоста, которые в двух больших коробках прислали из России. По большей части это были копии протоколов допросов полицаев, старост, надсмотрщиков концлагерей. Часть документов оказалась на украинском. Полина сначала испугалась, но когда почитала, ей стало ясно, что украинский — тот же русский. Попадались смешные, непонятные слова, казалось, их вставили в текст ради шутки.

Полину пристроили в каморку без окон в самом конце коридора. Обстановка состояла из письменного стола с ящиком и тумбочкой, стула, прошлогоднего календаря с видами Северной Италии и настенных часов, умерших на половине девятого. В ящике стола среди конфетных оберток и скрепок обнаружилась пачка презервативов «Троян» с банановым ароматизатором. Полина сунула пачку в сумку и после тайком выкинула в мусорный бак на углу Восьмидесятой улицы.

Редакционный компьютер, неторопливый антикварный монстр, натужно гудел, как пылесос, и сильно грелся. Пришлось принести свой ноутбук. Еще она принесла большую белую кружку, прикрепила к стене грустного Чехова и босого Толстого, поменяла батарейку в часах. Прошлогодние виды Италии очутились в мусорной корзине.

— Ну, вот мы и освоились. Мило, — констатировала Бетси Кляйн, нюхая пестрый букетик, купленный Полиной только что у выхода из метро. — Зайди ко мне, я вазу дам. У меня две.

Полина поблагодарила, Бетси положив цветы на угол стола, сказала:

— Русские свалили все документы в кучу — сама видишь. Я не знаю, была ли у них какая-то идея систематизации, сильно сомневаюсь. Короче, наша задача, — Бетси улыбнулась, — твоя задача; — навести порядок. Просмотреть все копии и отделить

дела, относящиеся к Холокосту, от всех остальных. Все преступления против евреев на оккупированной территории, там Белоруссия, Россия, Украина. Расстрелы, отправка в концлагеря, кто доносил, кто составлял списки. Понимаешь?

Полина кивнула.

— Это первый этап. — Бетси выставила большой палец с вишневым ногтем. — Второй этап — перевод. Ты переводишь каждый документ на английский, сохраняешь как отдельный файл. Я думаю, оптимальный принцип систематизации будет географически-временной. Ты понимаешь?

— Дела, относящиеся к одному региону, будут располагаться в хронологическом порядке.

— Именно. — Кляйн улыбнулась. — Молодец. А что, телефон тебе не поставили?

— Телефон? Зачем — у меня есть. — Полина кивнула на мобильник.

Кляйн недовольно пожала плечами, открыла дверь.

— Миссис Кляйн... — позвала Полина.

— Бетси, — перебила та ее. — Зови меня Бетси.

— Бетси... — смутясь, произнесла Полина. — А что с другими делами мне делать?

— С какими? — редакторша удивленно подняла брови.

— Вы сказали, что я сначала должна найти все дела, связанные с Холокостом.

— Ну да, все дела, связанные с геноцидом евреев.

— А что мне с остальными делать? Которые не евреи.

— Нас они не интересуют. Пойдем, я тебе вазу дам, а то цветы завянут.

Полина раскрыла первую папку.

«Хорунжий Арсений Гаврилович, бывший кулак, 1905 года рождения, за особые заслуги перед немецкими оккупационными властями был назначен начальником Луговской полиции. Проводил облавы и аресты, принимал участие в обысках. Участвовал в карательных рейдах против партизан, собственноручно расстреливал и вешал коммунистов и неблагонадежных».

Полина перевернула несколько листов, ксерокопии были серыми, неразборчивыми. Машинописный шрифт, печати и штампы, записи от руки, некоторые с изящными петлями и завитушками, словно образцы каллиграфического искусства. «Инок Пафнутий руку приложил», — пробормотала она, усмехнувшись. Ей всегда хотелось научиться писать вот такой текучей русской вязью.

«... велел доставить арестованных в полицию Нижней Дувановки. Бывший односельчанин, их друг детства Наконечный, оказался предателем. По его приказу каратели арестовали коммунистов и расстреляли на льду у реки села Нижняя Дуванка. Это случилось незадолго до освобождения села войсками Красной армии в январе 1943 года.

Из показаний А. В. Свистунова».

Полина наугад вытащила лист из середины.

«... мы не знали, куда их отправляют. Моего брата, Глуценко Ивана, Хорунжий застрелил сам. Полицаи, Солод и Наконечный угнали корову и подожгли хлев. Когда мой дед, Глуценко Сидор, пытался потушить огонь, Наконечный ударил его вилами и убил».

Другой лист был ксероксом газетной статьи.

«Обеспечивая «новый порядок», полицаи на стенах домов, на столбах, на всех видимых местах наклеили объявления, призывающие всех евреев, коммунистов и комсомольцев явиться для регистрации в районную комендатуру. Весь домашний скот, имевшийся в личном хозяйстве, был взят на учет в сельской управе.

В селе был введен комендантский час, было запрещено собираться группами. Все это сопровождалось угрозой: за неповиновение — расстрел».

После обеда Полина принесла две пустых коробки. На одной написала фломастером «jews». Подумав, затушевала и вывела сверху русской прописью «евреи». Другая коробка осталась без названия.

В пять часов в коридоре захлопали двери, кто-то басовито заржал. Потом все стихло. Полина прошла по коридору, заглянула в пустой кабинет Бетси. В соседнем кто-то с чувством ругался по телефону, очевидно, с женой. Полина, стараясь не топтать, вернулась к себе, сунула мобильный в сумку и выскользнула на лестницу.

Возвращаться в Бронкс не хотелось. На Бродвее вовсю бурлила вечерняя толкотня, проезжая часть была забита желтыми крышами такси. Клерки, юристы, банкиры, секретарши, сменив туфли на кроссовки и кеды, ловко избегая столкновений, обгоняли друг друга, умудряясь при этом пить кофе и болтать по телефону. Полина подумала, что надо будет и ей оставлять туфли в редакции.

Она по привычке направилась вверх, в сторону Колумбии, потом вдруг развернулась и пошла на север, к Таймс-Сквер. Веселый негр с бритой, удивительно гладкой, словно отполированной, головой торговал с лотка соломенными шляпами разнообразных фасонов. Он балагурил, зазывая прохожих, и дымил толстой сигарой. Полина вспомнила девчонку из Бронкса, как же ее звали? Ту, в соломенной шляпе с лентами.

— Миледи! — не вынимая сигары, прорычал негр. — Для вас — невероятная скидка! Пятьдесят процентов, — он подмигнул всем лицом.

Полина смутилась, взяла в руки первую подвернувшуюся шляпу, покрутила.

— Нет! — негр возмущенно всплеснул руками. — Вот! Парижский шарм и венский шик!

Он протянул ей шляпу из черной соломки с узкими полями и алой атласной лентой вокруг тульи. Полина поглядела в зеркало — влитый черный гриб.

Полина зашла за ключом, Дорис записывала что-то в книгу за конторкой, подняла голову и хлопнула себя по ляжкам:

— Ух ты! Это что, там униформа у евреев такая?

Полина засмеялась.

— Ничего смешного. Это надо обмыть. — Дорис подняла загородку, мотнула головой: — Заходи.

Первая комната, тесная, с затхлым чесночным духом, совмещала кухню и гостиную. В углу беззвучно работал телевизор. Дверь во вторую комнату была раскрыта настежь, там виднелась растерзанная постель, из которой расползались по ковру чулки и еще что-то из нижнего белья. Дорис выудила стаканы, щедро плеснула бурбон. Протянула один Полине. Она осторожно отпила.

— Ну-у, что это? — разочарованно протянула Дорис. Полина выдохнула и допила до дна.

— Вот это другое дело! — обрадовалась Дорис и тут же налила еще.

Полина, аккуратно прицеливаясь, стряхивала пепел в пустую бутылку из-под содовой, Дорис попросила закурить, но сразу же закашлялась и, матерясь, придушила окурок в раковине.

— Я не знаю, наверное, я сама виновата. — Полина с благодушной печалью развела руками.

— Это — карма! — строго заявила Дорис. — С женатым мужиком зачем связалась?

— Ну, я ж не знала... Откуда мне... — она махнула рукой и засмеялась. — Что, у него там написано? Что он женатый!

Дорис тоже засмеялась. Полина сидела в кресле, ей казалось, что угол комнаты, где моргал немой телевизор, медленно поднимается. Как нос лодки, если сесть на корму. Она отхлебнула бурбона.

— Я просто с детства такая. У меня никогда и подруг-то не было, все эти барби, принцессы... Я с мальчишками дружила. Ну а в старших классах вся эта дружба можешь представить, во что вылилась. Я ж не думала, дура, что для них... — Полина сделала глоток, сморщилась. — Ну и дрянь... Поэтому я и хотела из Нью-Джерси вырваться. Не могла я там оставаться, в этой дыре! Понимаешь? Меня знаешь как в школе дразнили?

Все стены в комнате были увешаны фотографиями Джага. Одни в рамках, другие были просто приклеены к обоям липкой лентой. В военной форме на фоне флага Джаг выглядел застенчивым здоровяком, из молчунов, на которых так хочется положиться в сложной ситуации. На других, любительских снимках он позировал на фоне уродливых военных машин, на фоне тощих пальм, каких-то дымящихся руин, на фоне плоской желтой пустыни. Везде Джаг выглядел лет на десять моложе Дорис, Полина хотела спросить об этом, но передумала. Ей пришло в голо-

ву, что она никогда никого не будет ждать с такой страстью. От этого стало грустно, она вздохнула, с трудом выбралась из кресла.

Они вместе вышли на темную улицу. По эстакаде с ревом пролетел мотоцикл. Дорис протянула ей ключ и кивнула. Полина, покачиваясь на каблучках, направилась к номеру. Повернулась.

— Как ту девчонку звать?

— Какую?

— Ну, ту, в шляпе? С лентами? Она про ангелов еще говорила.

Полина кивнула в сторону склада. Дорис махнула рукой, пошла к себе. Не поворачиваясь, крикнула:

— Все, спать! Спать!

3

Коробки наполнялись равномерно. Спорные документы, где речь шла о коммунистах, партизанах, комсомольцах, а евреи только упоминались, Полина тоже отправляла в «еврейскую» коробку.

Голые факты, конторский сухой язык, списки расстрелянных, повешенных, списки отправленных в концлагеря и угнанных в Германию казались Полине архивной древностью, историей,

вроде кровавой экспедиции Кортеса или Крестовых походов.

Ровно в двенадцать она спускалась вниз, покупала итальянский сэндвич, банку колы и шла в Риверсайд Парк. Там она устраивалась на рябой от солнечных пятен траве, открывала Бунина в потертом переплете, лениво жевала, изредка поглядывая на резвых белок, суетливо снующих по деревьям. Иногда любопытный спаниель или терьер подскакивал к ней, тыкался черным носом в ногу, радостно фыркал, здороваясь, и тут же бежал дальше по своим собачьим делам. Сквозь просветы в листве проплывал острый парус яхты или рыжий бок баржи, вода Гудзона не была видна с травы, и Полине казалось, что кто-то тянет эти летние декорации для создания хорошего настроения. Без пяти час Полина снова сидела в своей кладовке на углу Бродвея и Восемьдесят Первой.

В редакции к ней относились по-доброму, но соблюдая дистанцию — всем было известно, что у нее трехмесячный контракт. Бетси не докучала, лишь изредка заглядывала проведать. Полина кивала на коробки, Бетси улыбалась, щурила темно-карие глаза и тихо притворяла за собой дверь. Сортировка подходила к концу, Полине самой хотелось поскорей заняться переводом.

В ту пятницу шел дождь, прогулку в парк пришлось отменить, Полина жевала свой бутерброд в кладовке, соря крошками на клавиатуру. Она бродила по Сети, хотела купить туфли, но пере-

думала, потом нашла вазу венецианского стекла всего за девять долларов, потом залезла в книжное обозрение воскресной «Нью-Йорк таймс», пробежалась по статьям и критике, зашла в список бестселлеров. Тут она застыла и перестала жевать — «Анна Каренина» стояла на четвертом месте по продажам за прошлую неделю. Между «Ватиканским оборотнем» и «Девственницами Кабула». Полина подозрительно перечитала название и имя автора — «Анна Каренина», Лев Толстой. Проглотила кусок, запила колой и пошла в поиск.

Оказалось, дней десять назад Опра Уинфри в своей телепрограмме расплакалась в прямом эфире, рассказывая о катарсисе, который она испытала, закончив вчера ночью читать эту книгу. И что каждая женщина непременно должна, просто обязана прочесть этот роман.

Полина усмехнулась, аудитория, скорее всего, неверно истолковала слово «катарсис». Но факт есть факт — миллионы телезрительниц тут же заказали Толстого. Полина взглянула на стену, с древнего фото грозный старик взирал осуждающе, сунув широкие мужицкие ладони под узкий ремешок и угрожающе выставив бороду. Полина пожалала плечами, виновато улыбнулась и развела руками. Потом сдула крошки с клавиатуры, вытерла губы. Смяв салфетки, сунула тугой, пестрый комок в мусорную корзину. Вытянула новую папку.

«Село Федотовка Новопретображенского сельсовета Нижнедуванского района немцы заняли 9 июля 1942 года в четверг в 13.00 часов дня. За время оккупации села с 9 июля 1942 года по 29 января 1943 года угнано мирного населения в Германию на каторжные работы 42 человека. Фашисты зверски издевались над гражданами, грабили их и били. Трех 65-летних стариков Вергуна Гордея Федоровича, Золотарева Андрея Тимофеевича и Рыжика Егора Ивановича запрягли в подводу и заставили подвозить бочкой воду из колодца для немецких лошадей. Старики были не в силах везти бочку с водой, за что были зверски избиты немцами, после чего они долго болели.

Из показаний Проценко Е.И., жительницы села Федотовка».

Полина взяла следующий лист, отложила, вернулась к предыдущему, перечитала. С минуты сидела неподвижно, потом выскочила в коридор, добежала до кабинета Бетси. Постояв с документом в руках перед дверью, медленно вернулась к себе.

— Але, пап, привет! — голос у Полины был запыхавшийся, словно она взбиралась по лестнице. — Не, все окей. Нет, все... Да я говорю, нормально все. Пап, ты не помнишь...

Чарльз Рыжик любил руководить, ему нравилось, когда все под контролем, включая телефонные разговоры.

— Редакция? Нормальная редакция, у меня контракт на три месяца всего... Не знаю... Нет, пока не думала. Да, да, надо искать... Буду... Буду...

Полина беззвучно выругалась, сделала страшные глаза.

— погоди... Да погоди ты! Я хочу спросить про бабушку.

Чарльз Рыжик наконец перестал говорить.

— Пап, ты не знаешь, где она жила во время войны? Ну там, в России. Верней, в Советском Союзе.

Полина барабанила пальцами по столу, потом ухватила ручку и стала чирикать на листе.

— А где в Белоруссии? Ну, какой город... Или деревня?

Лист покрывался каракулями: треугольниками, квадратами и черной соломой.

— А ты не помнишь, она не говорила про село Федотовка? Или про Нижнедуванский район?

В ручке кончилась паста, Полина скомкала лист и вместе с ручкой бросила в мусор.

— Нет, я просто наткнулась на документ один тут... Да, по работе. Ну, я им перевожу архив русский. Нет, почему? Нравится. Я не знаю. Может, на следующей неделе. Да. Да. Угу.

Полина нажала отбой, вышла в коридор.

Бетси выслушала ее, изредка поглядывая в компьютер, у редакторши был роскошный «мак» с монументальным экраном. Полина начала страстно,

убедительно, но под конец выдохлась и уже сама не понимала, зачем пришла и чего хочет. Она замолчала, протянула Бетси копию показаний Проценко, жительницы села Федотовка. Редакторша взяла бумагу, поглядела на нее, вернула Полине. Помолчав, спросила:

— А ты не еврейка?

Полина с сожалением помотала головой.

— Рыжик... — Бетси подняла дуги бровей, словно дегустируя. — Знаешь, звучит вполне по-нашему.

— Нет, это белорусская фамилия. Мне бабушка говорила.

— Жаль... — редакторша скосила черные глаза на экран. — Ну что же они делают... на семь процентов... — пробормотала, щурясь. — Извини. Понимаешь, если бы она была еврейкой, мы могли бы послать запрос и в немецкий архив, и в белорусский. И по нашим каналам попытаться узнать что-нибудь, через музей Холокоста. И здесь, и в Израиле.

Полина виновато кивнула головой.

Вот и Бронкс. Она вышла из метро, нацепила черные очки, прижала сумку к животу и, не обращая внимания на оклики попрошаек, перебежала на другую сторону улицы. Черный парень в бейсболке и в грязной бельевой майке попытался ухватить ее за запястье. Полина увернулась, парень заржал и весело выматерился вслед.

У мотеля что-то происходило, толпились люди, на обочине нос в нос стояли два полицейских «Форда». Будто секретничают, усмехнулась Полина и тут увидела, что дверь в ее номер распахнута настежь. Она подбежала, протиснулась.

— Ну вот! — закричала Дорис. — Я звоню ей, звоню! Эй, офицер! Тут она!

Замок был вырван с мясом, из двери веером торчала желтая щепка. В проеме на корточках сидел полицейский, он снимал отпечатки пальцев. На полу, в раскрытом стальном чемоданчике, блестели разные банки, тюбики, в ячейках лежали кисточки, похожие на макияжные. Точно как в кино, растерянно подумала Полина, пытаясь заглянуть в комнату.

— У вас есть документы? — Толстый мулат в мятом сером костюме выглянул из комнаты. — Я — детектив Льюис. Сэм, пропусти ее.

Обе створки шкафа были раскрыты настежь, тряпки валялись по всей комнате, с лампы свисал черный лифчик с лиловыми кружевами. Подарок Саймона. Полина протянула руку.

— Не трогать! — рыкнул толстяк. Он переписывал данные из ее водительских прав в блокнот. — Посмотрите как следует, что пропало. Деньги, украшения, электроника. Только не трогайте ничего.

Холодильник был распахнут, на двери у ручки чернела пудра для снятия отпечатков. Продук-

ты валялись на полу, бутылка кетчупа, купленная вчера, была разбита вдребезги о край мойки.

«Как кровь», — подумала Полина. Она с отвращением посмотрела на вываленное в красную жижу нижнее белье, майки. Ее замутило, захотелось немедленно уйти отсюда, все оставить и никогда не возвращаться.

— Не знаю... — она пробормотала. — Вроде все тут. Не знаю.

Исчезли черные джинсы и два совершенно новых платья. Почему-то сказать об этом показалось стыдным.

Толпа рассосалась, наступало время ужина, да и все интересное уже показали. Строгий детектив Льюис уехал, Полина держала в руках его визитку с тисненым, приятным на ощупь, полицейским значком города Нью-Йорк. Второй полицейский продолжал возиться с отпечатками. Полина присела на корточки рядом.

— Можно?

— Без проблем, — полицейский поднял голову. Он оказался молодым парнем ее возраста с нежным румянцем во всю щеку.

«Да он не бреется еще, — подумала Полина. — Милый какой».

Они сидели в проеме двери, парень возился с какой-то белой пастой, похожей на сливочный пломбир. Он размешивал ее деревянной лопаткой, такой врачи смотрят горло. Паста постепенно густела.

— Как в кино... — сказала Полина первое, что пришло в голову.

— Ага... Вот тут они, родимые... — парень начал намазывать пасту на дверной косяк. — Мне нужно ваши пальчики снять тоже. Чтоб исключить.

— Я с удовольствием, — кивнула Полина.

Из конторы выскочила всклокоченная Дорис, желтые патлы торчали дыбом, увидев Полину и полицейского, она замешкалась, махнула рукой и вернулась к себе.

— Теперь нужно подождать, когда подсохнет, — полицейский закончил с пастой и теперь любовался работой. — Латексная основа. Резина. Можно использовать ленту — удобней, быстрее, но результат не тот.

«Наверное, гей, — подумала Полина, разглядывая маленькие руки полицейского. — Господи, ну почему, как симпатичный мужик, так непременно гомосек?»

Он взял ее кисть и палец за пальцем прокатал по черной подушке, а после отпечатал на глянцевой, как пластик, бумаге. Парень все делал старательно, руки его были теплыми и мягкими, как у детского доктора. От него слегка пахло одеколоном, чем-то горьковато-цитрусовым. Полина почувствовала, что начинает краснеть.

— Я вот только не понимаю... — начала она, голос получился в нос, противный. — Это ж не какой-то матерый взломщик, это ж шпана. Вон они,

все там. — Она мотнула головой в сторону пустыря за мотелем.

Полицейский убрал ее отпечатки в пластиковый пакет, пакет надписал и спрятал в чемодан.

— Просто столько сил... — Полина продолжала говорить тем же противным голосом, хотела замолчать, но почему-то не могла. — Столько денег, времени. И все на какое-то обдолбанное хулиганье. Вот что совершенно непонятно...

— Конечно, непонятно! — неожиданно резко перебил ее парень. — Раньше суд вот за такое не моргнув давал три года, а сейчас — месяц колонии, а если малолетка, так вообще на поруки отпустят. Вон они — малолетки, с бритвами. Глотку за пару баксов перережут.

— Ну, так что делать? — спросила Полина растерянно.

— А что тут делать? Я вот собираю пальчики. Он завтра, сучонок, вскрыет тачку или попадет на взломе. Мы пальчики его снимем, сравним с этими. Совпадет — сразу пойдет по совокупу. А это уже три года минимум.

— А потом?

— Что потом? Потом выйдет, а мы его снова упрячем. Они ж больше месяца не гуляют. Главное, его, сучонка, в систему ввести, чтоб на коротком поводке был. — Полицейский выпрямился, подмигнул, закончил почти весело: — Вот я этим и занимаюсь. Вот салфетка, вытрите пальцы.

«Нет, пожалуй, не гей», — Полина улыбнулась.

Из конторы высунулась желтая голова, скрылась снова. Полицейский щелкнул замками на металлическом чемодане, протянул Полине руку. Они вместе вышли, он сел в машину.

— Телефон попросил? — Дорис подмигнула, зайдя в комнату. — Бог мой Джизус и мать его Мария! Вот ведь уроды! Ну что ты будешь делать... Слышь, у меня третий пустой, здесь ночевать нельзя. Да и замок только завтра, я Фрэнку позвонила, а он уже в ауте, такого тут навставляет. Хоть и мастер на все руки... Был бы Джаг, мигом бы... — она вздохнула. — Собери что надо, я дверь сейчас заколочу.

Полина нашла пластиковый пакет, сунула туда шампунь, зубную щетку. Все вокруг казалось грязным, она с отвращением дотрагивалась до своих вещей, словно боялась подцепить заразу. Полина подумала, что надо оставить все, теперь каждая вещь отсюда, даже отмытая, постиранная, будет напоминать об этой мерзости. Она вышла, прикрыла дверь.

Дорис вернулась с доской и молотком. Ловко вбила трехдюймовые гвозди, сунула молоток под ремень:

— Дуй в третий. Вот ключ.

Полина не выпалась. Всю ночь ей чудились шаги, кто-то скребся под окном, шуршал гравием на дорожке. Она придвинула стол к двери, свер-

ху взгромоздила стул. Больше в комнате не было ничего, телевизор оказался намертво прикручен к стене. Под утро, когда уже рассвело, ей удалось заснуть. Но тут началась стрельба, и кто-то заорал жутким голосом. Полина вскочила. Проснувшись до конца, поняла, что стрельба ей приснилась, а кричала она сама... Часы показывали шесть двадцать семь. Полина побрела в душ.

В редакции стояла ленивая летняя тишь. По коридору в косых лучах солнца светилась белесая пыль. Полину клонило в сон. Она принесла вторую кружку кофе, сделала большой глоток и обожгла язык. В дверь кто-то стукнул — один раз, громко и требовательно.

Вошла Бетси, положила перед Полиной лист.

— Я получила факс...

— Факс? — смеясь, не сдержалась Полина. — Ой, простите, я просто подумала, что...

— Мы имеем дело с такими конторами, которые пользуются до сих пор телеграфом, телеграммой, голубиной почтой и дымовыми сигналами, — назидательно сказала Бетси. — Тут про вашу бабушку.

Полина схватила бумагу.

— Я отправила запрос в эмиграционный архив, — мадам Кляйн усмехнулась, соболиная бровь изогнулась. — По своим каналам... Короче, вот что удалось узнать.

Бетси вышла. Полина начала читать, вспомнив, крикнула в закрытую дверь «Спасибо!». Она ожи-

дала увидеть официальный документ с гербом, печатями и орлами, что-то вроде сертификата или лицензии. На деле бумага оказалась копией корабельного списка. Сверху стояло название судовой компании «Гамбург-Америка Лайн», чуть ниже штамп «Эллис Айленд, эмиграционный центр». Под номером девять Полина нашла Нину Егоровну Рыжик. Пол женский. 1931 года рождения, русская. Прибыла из г. Бремерхавен, Германия.

Полина удивилась, она всегда считала, что бабушка приехала из Австрии.

«Здорова. Прошла натурализацию 3-го апреля 1946 года».

Все. Дальше шел некто Генрих-Отто Гонтмахер. Полина перечитала бабкину строку еще и еще раз. Положила факс на стол, опустила голову. Кровь стучала в висках, она закрыла глаза. И это все? Отец ничего не знает, бабушка умерла, никаких писем, никаких бумаг, никаких документов.

— Как же так... — пробормотала Полина. — Одна строчка в амбарной книге? И все? Почему она ничего не рассказывала?

Хотела все забыть. У нее на глазах сожгли дом, убили отца. Потом Германия, какая-нибудь фабрика или ферма. Про такое вряд ли хочется рассказывать детям на сон грядущий.

В полдень Полина спустилась вниз, вышла в раскаленный город. Слепящее солнце плавило

асфальт, в клочке тени у беленой стены сидел на корточках старик негр и читал газету.

От кофе во рту осталась горечь, есть не хотелось. Полина вспомнила, что у нее не осталось никакой одежды, что нужно купить новое белье. Она свернула на Восемьдесят Третью, зашла в «Конвей». Побродив вдоль бесконечных рядов разноцветных тряпок, она вышла на улицу, так ничего и не купив. Вдобавок у нее разболелась голова.

До конца обеда оставалось двадцать минут. Она села на жесткую скамью на самом солнцепеке, достала телефон. Открыла книжку, стала перебирать номера, имена, дошла до конца. Ей хотелось просто поговорить с кем-то, сообщить, что она жива. Что с ней не происходит ничего интересного. Ровным счетом ничего. Что ей грустно и она не знает, что делать дальше со своей жизнью. А главное, зачем.

4

Новый ангел появился на стене склада, он тоже был набрызган розовой аэрозольной краской по трафарету. Краска подтекла, тонкие розовые дорожки сбегали вниз до самого асфальта. Полина остановилась и зачем-то тронула краску пальцем. Вспомнила девчонку в шляпе с лентами и тут же

увидела ее — девчонка стояла на солнечной стороне улицы, держа за руку толстую старуху. На старухе было черное просторное платье, похожее на балахон, в одной руке раскрытый зонт, тоже черный, в другой телефон. Девчонка что-то сказала старухе и вприпрыжку подбежала к Полине.

— Так это ты рисуешь? — Полина пожала маленькую ладошку, еще горячую от бабкиной руки.

— Ты что! Я так не умею.

На загорелой коленке белел пластырь, невымытые руки были в мелких кошачьих царапках. «Котенок, — подумала Полина, — надо будет и мне завести, хоть кто-то рядом будет...»

— Это ангел Хорхито, видишь? — Девчонка ткнула в имя, выведенное рядом с ангелом. — Хорр-хи-то!

— Так ты читать умеешь? — Полина засмеялась, притворно удивляясь, она никак не могла вспомнить имя девчонки, голова болела с обеда. Больше всего ей хотелось доползти до комнаты и рухнуть в кровать. — Этот Хорхито твой друг? Ты играешь с ним?

Девчонка скривила рожицу, покачала головой и с сожалением взглянула из-под шляпы на Полину:

— Ты что, вообще того? Как же я могу играть с ним, если он ангел? — Она развела руками и сказала в сторону: — Не-е, ну вообще...

— Глория! — старуха закончила говорить по телефону и позвала девчонку.

«Точно, Глория!» — с облегчением подумала Полина.

— Ладно, пока! — девчонка протянула руку. — Бабуля будет ругаться.

Она вприпрыжку побежала к старухе, обернулась:

— А ты красивая! Я такая же буду красивая, когда вырасту!

Полина зашла в контору, Дорис оторвалась от толстой книги, кинула на стойку ключ. Чтобы жильцы не утаскивали ключи с собой, к ним были приделаны деревянные дули размером со среднюю грушу дюшес. На боку каждой кто-то старательно, но неумело выжиг номера комнат.

— Я тряпки твои отдала уборщице, как ты просила... Правильно? — Дорис сняла очки, положила на книгу. — Там Фрэнк седьмой заканчивает, жаль, краски нет, засохла, Джаг двери прошлым летом подкрашивал, крышку не закрыл. Вот засохла... Но ты, наверное, все равно в третьем останешься?

Полина кивнула, взяла ключ.

— Эй, слышь? — позвала Дорис.

Полина повернулась.

— Что?

— Ну, ты вообще как? — спросила Дорис.

— Нормально. — Полина хмуро пожала плечами, взялась за ручку. — Нормально. 1

— Да погоди ты...

Полина поняла, что Дорис просто хочется поболтать, но она явно не знает о чем. Полина, вздохнув, повторила:

— Нормально все у меня. Еще полтора месяца гарантированной зарплаты, — кивнула на книгу. — Читаешь?

— Слушай! — оживилась хозяйка. — Я исторические, да еще про иностранцев, не очень. Но эта... — она похлопала ладонью по раскрытому тому. — Это, я тебе скажу... Это...

Слов ей не хватало, Дорис от избытка чувств выпучила глаза и затрясла яичными кудрями.

— Там один, то ли поляк, то ли еврей, кавалерист, короче. Красавец! А у нее ребенок. Да и самой под сраку уже лет за тридцать, там не очень понятно про возраст. И муж у нее — тоже мужик в полном порядке, он в конгрессе или в сенате большая шишка.

Дорис частила, словно боялась не успеть. Передохнула и затараторила дальше:

— Но, судя по всему, у них секс не заладился. Хотя тот, муж ее, не пидор и не импотент. Видать, по работе у него много проблем. С мужиками так запросто бывает, это там очень точно все. Ну вот, она ему и говорит: раз ты, любезный муженек, меня удовлетворить не можешь, пойду-ка я к кавалеристу...

Полина кусала губы, сдерживалась, но тут ее прорвало. Она захохотала.

Дорис растерянно замолчала. Потом сказала обиженно:

— Дура ты... Потому что молодая. Там все очень жизненно.

— Да нет... — Полина выдавила сквозь смех, вытирая рукой слезы. — Нет... Читала я книжку эту, читала.

— Ну и? — Дорис подозрительно поглядела на нее.

— Хорошая... Очень хорошая книга.

Дорис настороженно улыбнулась:

— Ты только не рассказывай, что там в конце. Ладно?

Полина захлопнула дверь, сложилась пополам и, зажимая рот рукой, стала беззвучно смеяться. У седьмого номера на корточках сидел жилистый, краснолицый мужик в комбинезоне. Вокруг, в светлых завитках свежей стружки, валялись инструменты.

«Фрэнк, — подумала Полина, проходя мимо. — Мастер на все руки».

Тот подмигнул и ухмыльнулся. С лицом крепко пьющего человека, без переднего зуба и сломанным носом, Фрэнк был одним из тех неудачников, кого черные презрительно кличут «хонки», а свои называют — «белый мусор».

— И как же такую фифу занесло в эдакую помойку? — Фрэнк почесал небритое лицо. Он уже

врезал новый замок, теперь подгонял личинку, аккуратно тюкая молотком по косяку.

Полина хотела пройти, но повернулась и сухо ответила:

— Я тут временно.

Очевидно, Фрэнк только этого и ждал — любого ответа. Он усмехнулся:

— Ага, конечно! Временно! — довольно проворчал он. — Ну да, а то как же! Конечно, временно. Я тоже — временно. Уже тридцать с лишним, и все, мать твою, временно!

Он сплюнул. Полина повернулась и пошла.

— Эй, краля! — крикнул Фрэнк ей в спину. — У тебя курева, случаем, нет?

Полина хотела сказать «нет», но почему-то вернулась, вытащила из сумки пачку.

— Ты это, того, вынь сама... А то я тебе перепачкаю там. Руки-то...

Полина протянула сигарету, дала прикурить. Подумав, закурила тоже.

— Я ж не хотел обидеть... — Мужик глубоко затянулся, выпустил дым вверх. — Место тут гиблое. Да и не только тут... — Он многозначительно прищурил глаз. — Поломалась Америка.

Фрэнк прислонился к стене.

— Все эти черномазые да пидоры... Вся эта нелегальная сволочь мексиканская. Раньше знали свое место, а теперь — свобода! Теперь жопники и ковырялки по закону жениться могут. В церкви! Это ж... — Он взмахнул темными, словно про-

копченными, руками, затянулся. — А латиносы — эти вообще, что тараканы. Так и прут! Семьями, деревнями целыми. Я ж помню, когда в шестом округе их вообще не было. Вообще! А сейчас — вон! Щенки их, выблядки тринадцатилетние, с ножами! И наркоту толкают.

Он кивнул в сторону стоянки за мотелем. Там и сейчас крутилось несколько парней, тупо ухала музыка. Полина молча курила. Она не изменила своих либеральных взглядов, просто после вчерашнего отстаивать их казалось не совсем логичным. Тем более не хотелось спорить вот с таким Фрэнком.

— Вчера еще одного пацаненка подрезали — видала?

— О чем вы? — недружелюбно спросила Полина.

— Ну как же? Ангела видала?

— Ну... — Полина брезгливо пожала плечами. — При чем тут ангел?

— Это ж «Ангелы Бронкса», ты что, не слышала?

— Я на Манхэттене жила, — сухо проинформировала Полина.

— У этих щенков, — Фрэнк мотнул головой в сторону парковки, — у них там в банде ритуал такой — инициация. Вроде как экзамен. Новичков когда принимают. Вроде как клятва на крови. Но-

венькие должны найти жертву и... того. А после ангела рисуют. И имя.

Полина выронила сигарету:

— Да что вы несете? Это ж дичь какая-то! Какое-то средневековье — тут Нью-Йорк, полиция... Что вы чушь городите!

Фрэнк, снисходительно шурясь, кивал и ухмылялся.

Полина быстро пошла к третьему номеру. Ключ в руках ходил ходуном, она никак не могла попасть в замок. Наконец открыла, повернулась и крикнула:

— Вы дурак! Америка у него сломалась! Вот такие уроды, как вы, ее и сломали!

Полина хотела еще что-то сказать, что-нибудь хлесткое, обидное и злое, но в голову приходили только ругательства, и она с грохотом захлопнула дверь.

Выходные прошли бездарно. Субботним утром Полина составила список и отправилась за покупками. Она добралась до Мелроз-Мега, бросила машину на бескрайнем поле парковки и пошла по магазинам. Убив шесть часов и истратив раза в два больше, чем планировала, Полина, навьюченная разноцветными пакетами и коробками, с трудом отыскала свой «Форд» среди сотен других автомобилей. В багажнике оказался пляжный шезлонг, забытый после поездки на Кони-Айленд, все покупки пришлось втискивать на за-

днее сиденье. На обратной дороге, сдуру свернув на Пятое шоссе, она угодила в пробку у стадиона. Поток бейсбольных фанатов схлестнулся с потоком любителей субботнего шопинга. Квинтэссенция Америки — развлечение и потребление, стадион и универмаг, все остальное лишь скучное приложение к главному. Страна, начавшая свою историю поджарым, мятежным подростком, с Библией в одной руке и кольцом в другой, доползла к финалу ленивым брюзгой, заплывшим жиром, с телевизионным пультом в одной руке и гамбургером в другой.

Полина продвигалась со скоростью пешехода, потом и вовсе встала. Духота стояла страшная, она включила кондиционер на полную катушку, в конце концов, ее «Форд» закипел. Пришлось ждать, пока машина остынет и пробка рассосется.

Воскресенье вообще пролетело незаметно.

В понедельник Полина, как обычно, дошла до станции «Вебстер Авеню», спустилась вниз. Казалось, что прошел утренний дождь: платформу только что вымыли, по кафелю скакали наглые воробьи. Подкатил поезд, белое солнце пробежалось по окнам, двери, зашипев, распахнулись. Полина вошла в полупустой вагон. На ней было новое платье — ультрамариновое в белый горох, из тонкой, тягучей, как змеиная

кожа, материи. На ногах — узкие, с хищными носами туфли на шпильке. Туфли тоже были синие, каблук добавил Полине пару дюймов. Ее отражение в летящем пейзаже Бронкса — деревья, вывески, дома, столбы, — то появлялось, то исчезало. Потом нырнули под землю. В грохоте тоннеля под Гудзоном она решила, что все-таки была права — новая помада выглядела слишком красно. Тем более для «Еврейского обозрения».

На Тайм-сквер было битком — утренний час пик во всей красе, Полина пересела на желтую ветку. Протиснулась в вагон. Ее зажали между группой орущих школьников и четой туристов. По желтой все еще гоняли старые составы, кондиционеры едва справлялись. Полина повисла на поручне, отодвигая новые туфли от непоседливо гоношащихся подростков. Сзади кто-то вплотную прижался к ней, провел рукой по бедру. Полина дернулась, повернула голову. За ней стоял турист, мужик лет сорока, с веселым загорелым лицом. Жена тыкала ему в нос сложенной картой и что-то нервно спрашивала.

— Кэрол, не волнуйся. Расслабься. Успеем, — турист скосил глаз на Полину. — Расслабься...

Ладонь туриста скользнула по ляжке, застыла на ягодице. Полина вздрогнула, хотела отодвинуться, пальцы на ягодице сжались. Кэрол продолжала нервничать, что они пропустят десяти-

часовой паром и тогда пропадут билеты в Плазу, а ведь они договорились с Гордонами, которые специально приедут из Коннектикута.

Полина, тяжело дыша, закрыла дверь, опустилась в кресло. Достала бумажную салфетку, стерла с губ помаду. Руки тряслись, она выбросила комок в корзину, сложила ладони на коленях. Медленно провела вверх по скользкой шелковистой материи. Жутко хотелось пить, Полина сухо сглотнула и облизнула губы. В коридоре раздались шаги, грохнула дверь. Полина прислушалась, потом потянула подол платья вверх, развела ноги. Прижала ладонь к лобку, медленно провела пальцем вверх и вниз. Лицо горело, Полина задыхалась чаще, прикусила губу и закрыла глаза. Она откинулась назад, кресло с треском уперлось в стену. В коридоре кто-то громко ругался по телефону, кричал про какие-то цветопробы, что маджента совсем провалилась, а циан попер как сумасшедший.

5

В начале сентября к Дорис приехала младшая сестра. Она представилась Колиндой, на деле же ее звали Моника. Хмельная Дорис, наклоняясь к Полине, добавила, что сестру с детства считали

слегка не в себе. Сказала шепотом, словно сестра, отлучившаяся в уборную, могла ее услышать.

Они сидели в ресторане «Под оливами», одной из фальшивых итальянских харчевен, с пластиковыми побегамии винограда по античным муляжным фрескам, с дрянной едой, залитой кетчупом, дешевой кислятиной, безуспешно выдающей себя за кьянти. Полина, уткнув кулак в подбородок, рассеянно накручивала макароны на вилку, жирная красная жижа заворачивала, макароны соскальзывали, приходилось начинать заново.

— Она всем плела, что к ней каждую ночь прилетает волшебный эльф Альберих, — Дорис дышала чесноком в лицо Полине. Хмыкнув, добавила: — Знаю я, кто к ней прилетал...

— Знаю, это из Нибелунгов, у него еще плащ-невидимка, который Зигфрид потом... — заканчивать Полине было лень, да Дорис и не слушала.

Полина жалела, что согласилась пойти. Обе сестры действовали на нервы, но сидеть в мотеле было совсем тошно. До конца ее контракта с «Еврейским обозрением» оставалось меньше месяца, Бетси обещала похлопотать насчет продления, но это тоже зависело не от нее. «Оптимальный вариант — выбить постоянное место архивариуса. Кто-то должен навести порядок в архиве!» — убежденно говорила Кляйн. Полина вежливо кивала, улыбалась. Бетси начинала жаловаться на тупость начальства, бестолковость типографии,

безалаберность авторов, на свою мигрень и жуткий воздух Манхэттена.

«Кто ж тебя насильно тут держит?» — улыбалась и кивала Полина, ловя себя на том, что постепенно начинает ненавидеть не только Бетси, но и всех, у кого есть работа, есть зарплата, есть обозримое будущее. Ее личная перспектива постепенно сузилась до одного месяца. За это она ненавидела и себя.

Колинда-Моника (в одном лице), крупная, как и сестра, в высоких кавалерийских сапогах и кожаной куртке, звучно топая по кафелю, прошла между столиками, уронила салфетку, одним ловким движением подхватила ее с пола и, загадочно ухмыляясь, села. Она была тоже навеселе. Официантка шустро сгребла грязные тарелки, сунула им картонки с десертным меню. Сестры заказали крем-брюле, Полина начала читать меню, от одних названий ее начало мутить. Она попросила чаю.

На обратной дороге сестры пели, у Дорис неожиданно оказалось приличное контральтто, Колинда фальшивила, но пела громко и с азартом. Полина молча сидела сзади, воткнув кулаки в карманы куртки и с неприязнью разглядывая полную луну, скачущую по черным крышам неказистого Бронкса.

Потом, уже в мотеле, Полина приткнулась у окна, в руке теплый пластиковый стакан ка-

кого-то поила, то ли граппы, то ли кальвадоса. Колинда уговорила ее выпить на сон грядущий, сестра определила ее в пустующий номер со сломанным душем. Луна в окне забралась уже в самый угол, стала меньше, ярче и веселей, Полина с отворачиванием сделала еще глоток.

Колинда беспрерывно тараторила, по номеру были раскиданы вещи, очевидно, так происходил процесс распаковки чемоданов. Стянув сапоги и джинсы, сестра так и осталась в драных колготах, то ли забыв, то ли передумав надеть что-то.

Было тошно, хотелось уйти, но Полина сидела. Быть рядом с этой неопрятной глупой бабой ей казалось надежнее, чем остаться наедине с собой.

— А его брат, Вилли, он на меня глаз положил, сечешь? А Дорис, она сначала с Джимом, а после, когда «Синклер-Хаус» перевели в Вайоминг, это какой же год-то? — то она и с Донни Барковски шуры-муры закрутила. Во как! — Колинда вытащила туфлю из чемодана, а из туфли белые трусы, потом еще одни, красные. — Учись, как паковать надо!

Нервозность и злость сменились апатией и тоской. Комната, полуголая задастая тетка, луна, стакан в руке постепенно утратили реальность. «Не могу же я в самом деле здесь сейчас сидеть?» Полина даже хмыкнула — абсурд! Голова плыла, завтрашнее похмелье обещало быть тяжким, но эта мысль показалась пустяковой, и Полина влила в себя остатки то ли граппы, то ли кальвадоса.

— Донни Барковски, — Колинда закатила глаза, вытащила из чемодана литровую бутылку джина, завернутую в газету. — Знаешь, как мы его звали? Донни-Восемь-с-половиной! Сечешь? — Она заржала. Из соседнего номера стали стучать в стену.

Полина тоже засмеялась, уронила пустой стакан на пол, нагнулась и чуть не упала, в последний момент уцепившись за подоконник. Пол подпрыгнул, качнулся и встал на место, чуть более наклонно, чем прежде. Полина подняла мятую газету.

— Данциг? Это что, серьезно? — Газета называлась «Данциг кроникл».

— Ну! — Колинда, почесывая тугую ляжку, уставилась на Полину. — Данциг, штат Теннесси. Дикая дыра! На сто миль вокруг поля да леса. Озеро есть, Боден называется. Три ресторана на весь город. Ресторана! — Она плюнула. — Одно название, там даже бухла не подают.

— Это как? — Полина расправила газету на колене, передовица писала об открытии новой школы.

— Сухой город! Не слыхала? В городской черте ни одного бара, ни одной ликерной лавки... Хочешь бухнуть — сорок минут туда, сорок обратно. Единственный магазин в округе на седьмой дороге, за Старым кладбищем. Да и тот раза три поджигали.

— Кто поджигал?

— Немчура это чокнутая...

— Какая немчура?

— Поэтому вот и запасешься... — Колинда выудила из чемодана еще одну бутылку. — Впрок...

— Ну, здесь-то с этим проблем нет. — Полина перевернула страницу, там было интервью с директором школы со странной фамилией Галь. Одновременно этот Галь являлся проповедником Церкви Всех Святых города Данцига.

Ночью ей приснился город Данциг. Белая школа была похожа на Акрополь, вокруг, между дорических колонн и дальше, по густой траве, бегали румяные дети. Директор Галь, в тоге, шитой золотыми цветами, благосклонно взирал на белокурую детвору, на породистом арийском лице сияла улыбка. Горизонт раскрывался во всю ширь, как на полотнах Пуссена, а по небу сияли белоснежные облака, расставленные в симметричном порядке. Вокруг торжественно били фонтаны, вода весело звенела, искрилась, журчала.

Проснулась Полина от лютой жажды, голова тупо ныла, словно внутри зрел большой нарыв. Было без пяти десять. Нашарив в сумке телефон, позвонила Бетси. Сиплым голосом неумело наврала про месячные, что боль дикая и еле ползает. Вторая часть, впрочем, была истинной правдой.

Бетси притворно посочувствовала, под конец злорадно добавила:

— У меня, слава богу, с этим покончено. Мено-пауза.

К полудню Полина добралась до душа. Там, прислонясь затылком к скользкому кафелю, долго стояла под постепенно остывающими струями. Голову отпустило, а настроение отчего-то стало еще хуже. Пыталась высушить волосы, фен едва работал, потом завонял горелой проводкой. Полина намотала на голову полотенце тюрбаном, голая прошла из угла в угол, постояла у окна: ангел на кирпичной стене, шоссе, пустой рекламный щит над эстакадой. Она зевнула, залезла под одеяло и сразу заснула.

Около трех часов стуком в дверь ее разбудила уборщица. Полина, не открывая, крикнула, что все чисто, убирать не надо. Попыталась снова заснуть, не получилось. Надо было вставать, что-то делать, думать, решать. Детская уловка переспать неприятности больше не работала, Полине было ясно, что если ничего не делать, то к концу месяца у нее не будет работы, еще через полтора кончатся деньги и она окажется на улице или вернется в свою детскую спальню в Нью-Джерси. К родителям.

— Эй, подруга! Жива? — В дверь забарабанили, Полина узнала голос Колинды-Моники.

Прикрываясь пледом, распахнула дверь. Та вошла, поморщилась:

— Ну и дух... Перегаром-то разит, окошко хоть открой.

Смутившись, Полина открыла окно, уронила на пол плед.

— Да что ты стесняешься! Чего я там не видела? — Колинда засмеялась, плюхнулась в кресло. Полина натянула майку, джинсы. Села на край кровати.

— Держи! — Колинда кинула ей банку холодного пива. Полина поймала.

— Так ты это серьезно? — Колинда выудила из кармана вторую жестянку, с хрустом откупорила.

— Ты о чем? — Полине пива не хотелось, она положила банку рядом на кровать.

— Ну про Данциг? Про школу? — сестра опрокинула банку и влила в себя половину.

— Я?

— Ну не я же! — Колинда рыгнула. — Кто вчера кричал, пропади этот Нью-Йорк пропадом, хочу в деревню, детишек буду учить на свежем воздухе.

— Я?

— Ну, дает! Неужто не помнишь?

— Вообще... — Полина растерянно потеряла виски. — Что, правда?

Колинда укоризненно поглядела на нее, снисходительно улыбнулась, допила пиво и одной рукой сплющила жестянку. Поскучнев, спросила тихо:

— Я у тебя насчет сестры хочу узнать...

Полина вопросительно поглядела на нее.

— Ты здесь уже месяц, полтора...

— Два...

— Тем более. — Колинда помялась, сложила руки на груди. — Тебе как она? Ну, в смысле, как у нее тут... — она ткнула пальцем себе в висок.

— Дорис? — Полина растерянно откинулась назад. — Ну, я не знаю, конечно, когда муж воюет... Конечно, тяжело... Но, по-моему, она очень энергична, деятельна и вообще вполне оптимистична.

— Оптимистична... — Сестра сложила сплюсненную банку пополам и швырнула в угол. Полина вздрогнула. — Оптимистична!

Ее муж погиб три года назад. Застрелился, — мрачно сказала Колинда. — В Афгане. Его «Хаммер» подорвался на mine, когда они патрулировали какое-то село. Водитель выбрался из нижнего люка, мальчишки облили его бензином и подожгли. Когда Джаг вылез, водитель был уже мертв, Джаг расстрелял мальчишек, потом пошел по дворам. Тридцать семь трупов, включая грудных детей.

У Полины выступила испарина, она вспомнила лицо на фотографиях, флаги, униформа, медали, автоматы, уродливые военные машины. Представила кровь, детские трупы в желтой пыли.

— Господи, что происходит? — пробормотала она. Теперь собственные неприятности выглядят мелкими, глупыми. — Что тут происходит? Почему?

«Я только скулю, жалуюсь и жду, когда само что-то решится! Или кто-то решит за меня. Инфантильная сучка! — Полина от злости покраснела, соскочила с кровати, подошла к окну. — Куда кривая вывезет. Диплом у нее университетский! Надо же наконец самой что-то делать!»

— Слушай, — Полина резко повернулась. — А та газета у тебя осталась?

Колинда удивленно поглядела на нее, кивнула.

— Я могу позвонить Галлю, — она хмыкнула. — Боюсь, правда, моя рекомендация тебе скорей повредит.

6

Придя в редакцию, Полина сразу включила компьютер. Данциг на карте Теннесси нашелся сразу, Колинда оказалась права — жуткая глушь: вокруг зеленели поля и леса, синело озеро Боден, до ближайшего города Ноксвилла было сто сорок миль. До столицы штата Нешвилла почти двести. Полина переключила карту в спутниковый режим, кубики домов рассыпались по прямоугольникам приусадебных садов, особой симметрии или порядка в планировании Данцига не наблюдалось. Явно угадывалась центральная площадь и вытекающая из нее главная улица, которая разветвлялась по сторонам загогулина

ми тупиковых отростков с прилегающими участками.

Полина елозила курсором по чужим крышам, садам и улицам, разглядывала лужицы бассейнов и скорлупки автомобилей, постепенно осваиваясь с топографией. Нашлась и новая школа, и церковь, большое кладбище на окраине. Она улыбнулась, дотронулась пальцем до кубика школы и прошептала:

— Все так, все правильно...

В последние месяцы цель была одна — выжить. Удержаться на плаву. Любой ценой зацепиться за Нью-Йорк, остаться на Манхэттене.

«Зачем мне Нью-Йорк? И я ему не нужна, это очевидно. Почему же я цепляюсь за этот город, город, который хочет меня раздавить? Что за мазохизм? Меня учили понимать Чехова, Толстого, Достоевского, а не механизм работы фондовой биржи. Мои знания плохой инструмент для добывания денег. А Нью-Йорк — это деньги. Деньги как цель, деньги как средство. Деньги как смысл жизни».

Лев Толстой с мрачным торжеством глядел со стены, доктор Чехов одобрительно шурился сквозь стеклышки пенсне. «Да, все верно! Все так! И как же я не могла понять этого сразу, ведь так просто...»

Полина взяла фломастер, подошла к стене и прямо на обоях написала печатными буквами:

«На что бы ты ни был способен, о чем бы ты ни мечтал, начни осуществлять это. Смелость придает человеку силу и даже магическую власть. Решайся!»

— М-м, Гете!

Полина обернулась, в дверях стоял Грингауз, главред «Обозрения». За все время работы здесь это были первые слова, обращенные непосредственно к ней, здороваясь с сотрудниками, он обычно хмуρο кивал.

Полина поспешно спрятала фломастер за спину, отошла от стены, чувствуя, как наливаются жаром ее щеки.

— Мы тут швабры хранили... — оглядывая кладовку, насмешливо сказал главред. — Как проходит архивация? Миссис Кляйн вас хвалит. Очень.

— Спасибо, — Полина боком протиснулась за свой стол. — Мне тоже... — нашла колпачок, щелкнула, спрятала фломастер в стол. — Тоже очень.

Грингауз, кряжистый, с лобастой, непомерно большой головой (то ли медведь, то ли сердитый жук, — Полина не могла решить, на кого он больше похож) неожиданно рассмеялся.

— У вас контракт в конце месяца кончается, так?

Полина кивнула.

— А русский архив вы успеете закончить?

Полина кивнула опять.

— Так... — Грингауз оглядел потолок, посмотрел в вырез платья Полины и вышел.

Около пяти появилась Бетси. Загадочно торжественная в костюме изумрудного цвета с золотыми пуговицами, она молча прикрыла дверь за собой и вопросительно кивнула Полине:

— Приходил? Грин?

Она потеряла тонкие руки, на среднем пальце, рядом с обручальным кольцом, сиял здоровенный бриллиант.

— В Метрополитен с мужем иду, на Малера. Шестая симфония... Тебе нравится Малер?

— Шумно, — словно извиняясь, пожала плечами Полина. — Тем более для романтика.

— Вагнер? — с вызовом спросила Бетси. — Тебе, наверное, такое нравится.

— Да тоже не очень. Скорей уж Лист.

— Ну да! Славянские напевы, — пренебрежительно обронила Бетси. — А знаешь, в Третьем рейхе Малер был запрещен. Гитлер считал его музыку слишком еврейской.

— Насколько мне известно, славян он тоже не особо жаловал. Гитлер.

— Не сравнивай, — строго произнесла Кляйн. — Уничтожение евреев как нации было главной задачей Третьего рейха. Еще в «Майн кампф» он писал, в двадцатые.

— Разумеется. Славяне и прочие унтерменши просто под горячую руку попали.

Бетси засмеялась, на зубах краснела полоска помады.

— Гитлеру нужна была территория — лебенсраум, славяне уничтожались лишь потому, что жили там.

— Ага, — улыбнулась в ответ Полина. — Ничего личного. Издержки исторического процесса.

Бетси перестала улыбаться, внимательно посмотрела ей в лицо. Полина не к месту подумала, что все бы отдала за такие роскошные брови.

— Ну, объясни мне тогда, — тихо сказала Кляйн. — Почему ты, наполовину или-сколько-там русская, сидишь в «Еврейском обозрении» и архивируешь дела евреев? Для музея Холокоста, — она зло передернула плечами. — Где твои славяне, где их «Обозрение», где их музей жертв нацизма? Где?

Бетси пнула коробку с делами.

— Здесь?!

Она вышла, Полина тихо опустилась в кресло. Взяла из коробки верхнюю папку, раскрыла.

«В помещении бывшей школы были расстреляны, а затем облиты бензином и сожжены 12 человек из с. Богородицкое Покровского района, работавших на очистке дорог от снега. У моста в Верхней Дуванке фашисты расстреляли еще 9 человек, эвакуированных из Белокуракинского района. В селе Новониканоровка гитлеровцы расстреляли 11 человек, большинство из них были старики».

В Бронкс ехать не хотелось, Полина брела вниз по Амстердам-авеню, суетливая вестсайдская толпа недовольно обтекала ее. Полина неторопливо шагала, помахивая сумкой, неспешно курила, пуская дым вверх, словно праздный локомотив. На душе было пусто и на удивление легко. Впервые за много дней мысль не билась суетливо в поисках ответа, все было решено. Пожалуй, это можно назвать свободой.

Раскаиваясь, что надерзила Бетси — не стоило устраивать этот диспут, — Полина тем не менее ощущала восторженную детскую радость от того, что могла теперь сказать все, что придет в голову. Она взмахнула руками, словно собиралась подпрыгнуть, задела мрачного толстяка с зонтом под мышкой. Он выругался, а она засмеялась и крикнула:

— С Нью-Йорком покончено!

Покончено с «Обозрением», с Бронксом, с кошмарными ночами в мотеле, где за окном стреляют, а за стеной спариваются, покончено с душной подземкой, с грохотом и толкотней улиц. У «Дакоты» Полина перебежала через Парк-авеню и спустилась в Центральный парк. Здесь пахло листьями, пряно, по-осеннему. За деревьями стучали по мячу невидимые игроки, разноцветные бегуны мелькали между стволов, у фонтана кто-то терзал гитару. Полина села на скамейку, откинула назад голову, наверху в тем-

ных кленах гулял тихий ветер, шум города был едва слышен.

— С Нью-Йорком покончено, — едва слышно прошептала она.

7

Утром ее вызвал Грингауз. Все-таки скорее жук, чем медведь, решила Полина, разглядывая главреда.

Тот нудно отчитывал кого-то по телефону, восседая за двухтумбовым антикварным столом на резных ногах в виде когтистых лап. Сооружение напоминало тяжелый танк. Главред поманил Полину толстой ладошкой, указал на стул.

Она села.

— Поэтому не семь процентов, а двенадцать... — он страдальчески закатил глаза. — Именно, двенадцать. И можете уволить ту девчонку, которая там у вас выдает себя за бухгалтера. Да! Да, да, да! — Досадливо бросив трубку, Грингауз покинул укрепление, обошел стол. Остановился перед Полиной, сложив на паху скрещенные кисти рук. Полина где-то читала, что по форме ногтей можно определить характер человека. Ногти были плоские и квадратные, на пухлых розовых пальцах чернели редкие завитки волос.

Она хотела встать, но главред, коснувшись плеча, удержал ее.

— Во-от, — он мило улыбнулся. — Как же не повезло вашему поколению! С нынешней экономикой! Я ведь тоже Колумбийский университет кончал. Только тогда это дешевле обходилось. Раз в пять.

Полина согласилась, хотя со стороны жука напоминать о долге за обучение, который ей предстоит выплачивать до пенсии, было свинством.

— Во-от... — главред навис над ней, на лимонном галстуке она разглядела невнятный узор из клюшек для гольфа. Полина неуклюже встала и оказалась вплотную к тугому телу главреда.

— Для начала мы продлим ваш контракт еще на три месяца, — от Грингауза пахнуло теплым кофе и какой-то едой. Полина задержала дыхание. — А там дальше...

Он поймал ее запястье, мягко сжал:

— Думаю, все удастся решить в положительном ключе.

Полина смущенно кивнула, спиной открыла дверь. Закрывшись в уборной, она закатала манжеты, намылила руки по локоть, поглядела в зеркало и сказала:

— Ну, вот и все. Пора.

Она переписала номер телефона, сунула бумагу в карман, спустилась вниз. В парадном снова народ, беспрестанно грохала входная дверь. По-

лина вышла на улицу. Здесь было не лучше, городской гам, тормоза, гудки машин. Пошла в сторону Гудзона, в длинном сыром тоннеле под Риверсайд-драйв к ней прицепился пьяный старик, бородатый, со страшными глазами, он боком семенил за ней, выставив грязные крючки рук. Полина выскочила на солнце, сзади колодезным эхом донесся хохот.

— К черту... отсюда... — оглядываясь, она добежала до набережной, перешла на шаг. Несколько раз глубоко вдохнула, потом села на узкую скамейку. Передумав, встала и быстро пошла вдоль реки. Руки чуть дрожали, она вытерла ладонь о джинсы и набрала номер. Прочистила горло. На том конце взяли трубку.

Полина представилась и сказала, что хотела бы поговорить с директором школы Герхардом Галлем.

Женский голос с южным сдобным выговором искренне огорчился и посетовал, что директора нет и сегодня уже не будет. Полина растерялась, она приготовилась к небольшой речи. Женщина поинтересовалась, нужно ли передать что-нибудь. Может ли она чем-нибудь помочь?

— Извините, а вы кто? — Полина смутилась еще больше.

— Ой, простите... Я — секретарь мистера Галля, Вера Штаттен...

Конец фамилии, то ли ... хаммер, то ли ... майер, заглушил треск вертолета. Он сделал

лихой вираж над водой и свечой ушел в звонкую синь. Полина пригнулась, зажала ухо пальцем.

— Ой, извините! Тут шум такой... Я из Нью-Йорка звоню...

Вера промурлыкала что-то сочувственное. Полина не расслышала, она уже хотела проститься, но вместо этого выпалила:

— У меня диплом Колумбийского университета, я хочу преподавать литературу у вас в школе.

На том конце замолчали. Полина зажмурилась, ударила себя кулаком в лоб. «Дура! Дура!» — беззвучно прокричала, топая ногой.

— Алло, вы меня слышите? — вежливо-озабоченно возникла в трубке Вера то ли хаммер, то ли майер. — Я взяла карандаш. Пожалуйста, продиктуйте ваше имя и телефонный номер. Я все запишу и непременно передам мистеру Галлю.

Полина послушно продиктовала.

На том конце дали отбой. Полина выругалась и чуть не закинула телефон в реку, потом сунула его в карман и побрела к станции подземки на Семьдесят Второй.

«Дура! Вот ведь дура... — стучало в голове. — Отчего я решила, что они непременно возьмут меня? Что мне нужно лишь пожелать. А-а, — злобно ответила она себе, — оттого, что эта деревенская школа у черта на рогах, а у меня такой замечательный диплом? Триста резюме и кладовка в «Обзрении» ничему тебя, дуру, не научили?»

Пересекая Ист-Ривер и выходя в Бронксе, Полина словно совершала перемещение в параллельный мир, чужой и пугающий: каких-то двадцать минут на подземке, и она уже кожей чувствовала невнятную, но вполне реальную угрозу. Угроза исходила не только от людей. Уродливые дома, трещины в асфальте, пластиковые фламинго на пыльных газонах, дохлые кусты, выгоревшая краска машин, уляпанных наклейками с флагами латиноамериканских стран и тамошних футбольных клубов, даже воздух — смесь подгоревшей еды и сухой пыли — казались враждебными. На Манхэттене Полине нравилось побродить по Чайна-тауну или итальянскому кварталу, там экзотика веселила карнавальной нарядностью, была гостеприимной. В Бронксе ей бы даже в голову не пришло зайти в пуэрто-риканскую харчевню или кубинскую лавку.

За мотелем поперек тротуара стояла полицейская машина с зажженными фарами, на дальнем конце парковки еще одна. Полина нервно дернула дверь в контору, вошла. За стойкой было пусто. Сняв свой ключ с доски, она позвала Дорис, прислушалась, крикнула еще раз.

— Куда они все запропалились... — пробормотала Полина, кусая губы. От скверного предчувствия ее замутило.

На парковке четверо полицейских теснили группу пацанья в угол между мусорными бака-

ми и стеной склада. Полина узнала следователя в штатском, он, вытянув из окна полицейского «Форда» витой шнур, говорил по рации.

Раздался гортанный крик, смуглый парень, жилистый и юркий, вскочил на баки и, пригибаясь, побежал, гремя жестью крышек. «Стоять!» — заорал кто-то, Полина увидела пистолеты. Пацаны отпрянули, бросились ничком. Беглец ловко соскочил на асфальт и, звонко топая, понесся вдоль стены: белые подошвы кед так и мелькали. Кто-то снова заорал: «Стоять!», хлопнул выстрел, за ним еще несколько. Полина вскрикнула, она увидела, как парень упал. Она не могла отвести глаз от белых подошв.

Полину трясло, она захлопнула дверь в свой номер, дважды повернула замок. Вжалась спиной в дверь, прислушалась. Потом, зажав ладонью рот, вбежала в уборную, согнулась над раковиной. Ее вырвало.

Снаружи завывла полицейская сирена, Полина пустила воду. У нее дрожали руки, она зачем-то стала стягивать с пальцев кольца. Ее знобило, ей казалось, что у нее жар.

— Это все нервы, нервы... — пробормотала она, кольца весело зацокали по кафелю. Она махнула рукой, прошла через комнату к окну. Заходящее солнце било в глаза, шоссе превратилось в расплавленную реку. Полина прищурилась, сложила ладонь козырьком, подняла взгляд — на пустом билборде над эстакадой был нарисован

ангел. Ниже стояло имя «Глория». Полина раскрыла рот, впилась зубами в кулак и беззвучно сползла на пол.

На похороны Полина идти не хотела, Дорис силком вытащила ее. В церкви, тесной и душной, с фальшивыми пластиковыми витражами в окнах, воняло мастикой и прелыми лилиями. Полина протиснулась к стене, сложила руки на коленях, стала смотреть в пол. Краем глаза она видела мрачно-торжественных соседей: в проходе плыли черные гипюровые шляпы с вуалями, черные бальные перчатки в мелкую сетку. Латиноамериканцы явно относились к смерти серьезно, за два с лишним месяца в Бронксе Полина не видела такого парада.

Дорис пихала ее в бок острым локтем, что-то бубнила в ухо. Полина кивала, но не слушала, она впала в какое-то тупое оцепенение. Внешний мир отделился ватной прослойкой, звуки доходили, как сквозь войлок: шарканье подошв, хмурый шепот, где-то впереди заныл ребенок. В мозгу ворочалась невнятная мысль, но даже эту мысль додумать до конца не было ни желания, ни воли.

У алтаря низкий голос давал указания, Полина подняла глаза, мельком увидела подиум, белые гирлянды и больше туда старалась не смотреть. Разглядывая свои руки, она подумала, что завтра нужно собрать вещи и вернуться в Нью-Джерси, к родителям. Домой. Да, белый флаг, да, пораже-

ние. Да, да, да. Забиться в спальню, набрать книг. Не думать, читать и спать. Спать и читать, главное, не выходить на улицу. Не видеть соседей, этих Кларков, Райли, Макьюэнов, их умильные лица, фальшивые улыбки, сочувственное качанье головой: «Ах, кризис, конечно, трудно найти место, вот моя Мери тоже...», а за этими словами — злорадные ухмылки: «Мы так и знали, что из этой оторвы Полинки Рыжик ничего толкового не выйдет!»

Ей стало жаль родителей, себя, весь этот неказистый мир, где обитали Дорис, ее муж, то ли герой, то ли убийца, ее неприкаянная сестра с двумя именами, подростки с бритвами, мрачные полицейские, шоферюги-дальнобойщики, что за ее стеной каждую ночь до изнеможения совокуплялись со своими пьяными попугчицами.

Нестройно запиликал орган, после пяти тактов смущенно замолк. Кто-то зашелся кашлем, потом шум стих, и во внезапно возникшей тишине зазвучал хор. Полина прикусила губу, но все равно расплакалась.

8

— Главред говорил с тобой? — спросила Бетси приветливо, словно того разговора про Малера и не было.

Полина кивнула и улыбнулась, она тоже сделала вид, что ничего не произошло.

— Ну и?

— Еще три месяца. Продлят контракт.

— Чудесно! — Бетси восторженно вскинула брови. Полина заметила, что веки у нее были чуть припухшие, красноватые. Бетси повторила: — Чудесно!

Полина смущенно кивнула, быстро спросила:

— Вот тут у меня... Я не совсем уверена, куда мы должны это дело определить... — Она засуетилась, сделала вид, что ищет какой-то документ. Доктор Чехов со стены грустно смотрел сквозь стеклышки пенсне. Бетси притворила дверь, поглядела на стул с ворохом бумаг в углу и осталась стоять.

— Тебе сколько лет? — неожиданно тихо спросила она.

— Мне? — Полина растерялась. — При чем тут...

— Да нет... Не в этом дело...

— Двадцать четыре.

Бетси, с прямой спиной, забранными наверх тяжелыми чернильно-черными волосами, стояла вполоборота и с ненавистью разглядывала Чехова. Полина заметила, что на висках и у самых корней ее волосы были совсем седые.

— Как они вообще могут? — с отвращением прошептала она. — Тридцать лет семейной жизни! Первая попавшаяся вертихвостка — и все псу под хвост!

— Грингауз... — испуганно пробормотала Полина. — Господин главред... Он сам... Я вообще даже...

— Да при чем тут Грингауз?! — сорвалась на крик Бетси. — Я про мужа, своего мужа! Ведь все, все знают, что он эту сучку пресс-секретаршу...

Бетси запнулась, потом выговорила глагол с таким омерзением, от которого нецензурность слова увеличилась вдвое. Полина застыла: матерящаяся миссис Кляйн застала ее врасплох. Повисла тишина, потом кто-то грохнул дверью в коридоре. Редакторша вздрогнула, сжала острые кулаки и вышла.

Полина сидела, уставившись на дверь. Она пыталась вспомнить имя жены профессора Лири, той, которая нашла у себя в спальне ее сережки. В сумке запиликал телефон, Полина не пошевелилась, телефон пропиликал еще три раза и пискнул, включив автоответчик.

— Ребекка, — с облегчением выдохнула она. — Ребекка, Ребекка, Ребекка...

Достала телефон, незнакомый номер и слово, похожее на марку грузовиков, высветилось на экране — Штаттенхаммер. Включила запись: звонили из Данцига, штат Теннесси. Сдобным голосом Вера просила Полину Рыжик прислать свое резюме и рекомендации. Номер факса Вера повторила дважды.

Полина придвинула ноутбук, зашла в поиск: Данциг нашелся сразу, разумеется, после насто-

ящего, немецкого. Там были ссылки на веб-сайт местного шерифа Вальтера Ленца, на сайт пожарной охраны, офис мэра, даже на торговую палату. Был фан-клуб местной девичьей команды по лакроссу «Данцигские Волчицы». Школа не упоминалась вообще. В самом конце страницы Полину заинтересовала ссылка «Молот ведьм штата Теннесси»: ткнув туда, она оказалась на самодельном сайте с черным фоном, по которому плясали огненные звездочки. В глазах тут же зарябило, Полина уже было собралась выйти, но увидела заголовок «Колинда — ведьма Данцига». Усмехнувшись, она начала читать. Нет, речь тут шла не о сестре Дорис, это была историческая справка.

Почти двести лет назад в Данциге, тогда небольшом поселении пуритан-переселенцев из Баварии и Пруссии, случился падеж скота. Одновременно с этим вода во всех колодцах приобрела красный цвет, а в семье фермера Лоренца Адлера все три дочки заболели неизвестным недугом: девочки издавали странные звуки, кричали, прятались под мебелью, их тела стали невероятно гибкими, и они стали принимать необычные позы. Когда пастор Блотхерд пришел читать проповедь, они затыкали уши, а изо рта у них шла пена. Девочки жаловались, что кто-то невидимый колет их булавками.

Приглашенный доктор Вальтер Грингер объявил, что причиной всех напастей стало воздей-

ствии ведьмы. Он опирался на работу Коттона Мэзера «Memorable Providences Relating to Witchcrafts and Possessions» (1689), где описывался подобный случай. В 1688 году в Бостоне ирландская прачка была обвинена в колдовском воздействии на детей хозяина и повешена. Коттон Мэзер был выпускником Гарварда и являлся священником Северной церкви.

— Ну вот, Гарвард... — хмыкнула Полина, на секунду зажмурясь. От компьютерного мельтешения звездочек рябило в глазах.

Найти ведьму удалось без труда. Девочки указали на Колиндю — служанку-рабыню в доме Адлеров, по одним источникам она была африканского происхождения, по другим — индианкой племени чероки. Дети показали, что Колинда рассказывала им про колдовство, колдуний, показывала чудесные вещи: превращала воду в кровь, делала невидимым фасоленое зерно.

Подозреваемую допросили и подвергли осмотру в поисках признаков, что она является ведьмой. На левом бедре у Колинды обнаружили необычное родимое пятно, по форме напоминающее...

— Партитуру арии Мефистофеля из оперы Гуно «Фауст». — Полина закрыла крышку компьютера и задумалась. Идти просить рекомендацию у Бетси Кляйн не хотелось: не факт, что она согласится или напишет, что нужно.

Полина легко стукнула в дверь. Миссис Кляйн сжимала белый комок платка, очевидно, она совсем расклеилась. Полина хотела уйти, Бетси махнула рукой с платком — ничего, останься. Указала на стул.

— Бетси... — неловко выговорила Полина. — Мне нужна рекомендация. — Она выпрямила спину, прокашлялась и закончила отчетливо и громко: — Я подаю документы на новую работу.

Редакторша удивленно посмотрела на нее.

— В школу, — добавила Полина. — Преподавать литературу.

— У нас? На Манхэттене? — спросила Бетси. — Или через речку? — Она пренебрежительно мотнула головой в сторону окна.

— Штат Теннесси, — с достоинством проговорила Полина. — Там городок на четыре тысячи, Данциг называется.

Миссис Кляйн шмыгнула носом и рассмеялась. Потом, посерьезнев, произнесла:

— Истина старая — Нью-Йорк не каждому по зубам. — Редакторша гордо повела красивой головой на длинной шее, давая понять, что у нее, Бетси Кляйн, с зубами все в порядке. — Тут особая хватка нужна, умение выживать...

— А я не хочу... — Полина начала, понимая, что если ей нужна рекомендация, то она должна заткнуться немедленно.

— Чего ты не хочешь? — не поняла Бетси. — Ты про что?

— Не хочу выживать, — смутясь, ответила Полина. — Я жить хочу. Просто жить. Заниматься тем, что люблю и умею.

Редакторша высморкалась и уставилась на Полину, словно видела ее в первый раз. Полина молча встала, взялась за ручку двери.

— Погоди... — сипло проговорила Бетси. — Сядь.

Полина осталась стоять. Редакторша задумалась, повернулась к своему ополовиненному окну. По стеклу ползли серые потеки дождя, капли нудно тюкали по жести карниза.

— Не знаю... — Бетси пожала плечами, свесив вниз худые жилистые руки. — Может, ты и права. — Она говорила не поворачиваясь, будто беседовала не с Полиной, а с кем-то невидимым, сидящим на подоконнике. Полина отчего-то подумала, что редакторша вдруг стала похожа на усталую прачку.

— Может, ты и права... — повторила она. — Ведь тут, пока наверх заберешься, столько раз душу свою заложишь, что под конец уже и не понять — а ради чего? Чего ради? Ради денег? А деньги зачем? Чтобы быть свободным! Правильно? — Редакторша повернулась к Полине. — А на кой черт нужна свобода, если от души ничего не осталось?

Разобраться с аппаратом оказалось непросто, Полина ни разу в жизни не пользовалась факсом. Она вложила резюме и рекомендацию, сняла

трубку на витом шнуре, набрала номер и стала ждать. Пропиликали гудки, потом в трубке что-то хрипло затрещало, Полина вздрогнула. Листы медленно поползли внутрь, через минуту на экране появилась надпись, словно из старого фантастического кино про космические приключения: «Трансмиссия прошла успешно».

В полдень Полина спустилась вниз, вышла на промокшую серую улицу. Дождь перестал, от асфальта поднимался теплый сырой дух, солнце пыжилось, но ему удавалось лишь на миг зажечь края лохматых облаков. Хотелось курить, а есть не хотелось совсем. Полина дала себе слово курить не больше пяти раз в день, на сегодня оставалось три. Она pokrутила ненужный зонт, зажала его под мышкой и, нервно сунув руки в карманы, быстро пошла в сторону парка.

— Полина! Рыжик!

Полина остановилась, повернулась.

— Мона! — удивилась она. — Ты ж собиралась в...

— Не! — Мона прижала ее к монументальной мягкой груди. — В Бруклине осталась. Тоже школа. Но уж лучше, чем Цинциннати.

Мона засмеялась.

— Ты выглядишь... — Полина сделала шаг назад, восторженно развела руками. — Улет!

Мона похудела, белое платье в крупный красный горох было перетянута широким пунцовым поясом (кто бы мог предположить наличие

талии!), вместо курчавого афро, похожего на черное мочало, на голове была короткая стрижка, дедушкины окуляры с толстыми линзами, которые превращали глаза в беспомощные пороссячи глазки, на носу сидели стильные очки в красной оправе. Даже бородавка на подбородке выглядела почти пикантно.

— Да... Ты тоже... — Мона отвела глаза, потом сразу оживилась. — А ты как? Ты-то где?

Полина посмотрела на здание: в угловом окне, выставив живот с широким галстуком, маячил Грингауз.

— Нигде... — Она отвернулась. — Я — нигде.

Солнцу наконец удалось выбраться, мокрый тротуар вспыхнул зеркалом, витрины брызнули сотней зайчиков. Мона зажмурилась, улыбаясь сказала:

— И у меня выходной! Давай махнем на Кони-Айленд?

Полина скосила глаза на угловое окно, главный стоял с кружкой в руке и глядел вниз, прямо на нее.

Вагон, кляца на стыках, грохотал по Бруклинскому мосту. Половина неба расчистилась и сияла девственной, почти весенней голубизной, косматые серые тучи покорно уползали на запад. С высоты моста открывалась даль залива, утыканная крошечными парусами и лодками. Сбоку торчала зеленая фигурка статуи Свободы, мизерная, не

больше пешки. За ней стеклянным утесом поднимались из воды небоскребы Уолл-стрита.

Поезд снова нырнул в черноту, потом выскочил наружу, но уже среди коренастых кирпичных халуп с белыми тарелками на плоских, залитых гудроном крышах. Понеслись мимо по-деревенски убогие фасады магазинов и лавок, украшенных пестро и жалко, полетели пыльные деревья, заборы, стены, каракули граффити, линияые рекламные щиты страховых компаний и «Вестерн Юнион».

Доехали до конечной. Состав уткнулся в тупик, тяжело выдохнул, распахнул все двери и внезапно замолк, словно умер. Полина и Мона вышли на платформу, открытую, с низкой крышей, под которой, мешаясь с вонью горячего мазута и железа, гулял морской бриз. Мона радостно махнула рукой, там между серых зданий сиял океан.

Пляжный песок оказался полетнему горячим. Было безлюдно, широкая полоса пляжа полого спускалась в океан. Тихий, с ленивым прибоем, океан уходил вдаль и там упирался в небо. По горизонту беззвучно полз туманный, похожий на призрак круизный лайнер.

Они остановились у самой воды, песок здесь стал упругим и холодным. Полина поразилась тишине, простору, она вдруг подумала, что в Нью-Йорке нет горизонта, люди живут в нагромождении зданий, словно в лесу. «Все правильно — бежать. Город без горизонта, как можно

жить в городе без горизонта?» Она набрала полную грудь свежего соленого воздуха, задержав дыхание, зажмурилась, подставила лицо солнцу.

— Тихо как... — прошептала Мона.

Они молча побрели вдоль полосы прибоя, разглядывая ракушки, подбирая облизанные мутные стекляшки и забавные камушки, обходя черные склизкие гирлянды морской травы, медуз и мелкий океанский мусор. Иногда им встречались местные, по большей части пенсионеры с Брайтон-Бич, Полина безошибочным чутьем угадывала своих. На конце пирса она увидела одинокую фигуру: старуха, вся в черном, с прямой спиной, плоским затылком и тугим пучком на макушке, смотрела вдаль, словно ждала кого-то. Она прижимала к груди обувную коробку. Полине отчего-то стало жутко, она поежилась и отвернулась. Мона тоже заметила старуху.

— Как смерть... — сказала она. — Косы не хватает только. Как ты думаешь, что у нее там в коробке?

Полина сделала вид, что не расслышала, подобрала с песка ракушку, размахнулась и закинула ее далеко в воду.

— Я жрать хочу — сил нет! — Мона остановилась. — Пошли обедать!

Открытые веранды с пестрыми зонтиками прибрежных ресторанов остались позади, возвращаться не хотелось, Мона, поймав Полину за рукав, спросила:

— На первом или втором курсе, помнишь? Мы тут ели в каком-то русском кабаке? Верней, не русском, восточном каком-то, помнишь? Там хлеб такой был еще, с сыром внутри запеченным и мясо кусками на вертеле... Вроде мексиканского, только вкусней.

Полина не помнила, она помотала головой:

— Это без меня, похоже.

— Да ты что! Я помню — была ты. Роббинс был, Майк, Тим Кларк. Еще эта придурочная Тадеско врала, что она затащила Коллинза на крышу нашего факультета, а у того не встал! — Мона засмеялась. — Он высоты боялся, Коллинз, оказывается! Неужели не помнишь? Так ржали...

Полина вспомнила Коллинза, вспомнила крышу.

— Это я была, не Тадеско. На крыше...

Мона смутилась, перестала смеяться.

— Ну так помнишь ресторан тот?

— А вот ресторан не помню.

Они прошли под линией метро, состав как раз прогремел над ними. По обеим сторонам улицы теснились лавки, харчевни, вывески были только на русском, на фонарном столбе белело самодельное объявление с крупной надписью «Дантист Кацман — вор!», такой же плакатик висел на стене аптеки и на столбе через дорогу. Было людно, как в выходной, у дверей лавок курили продавцы, лениво разглядывая бюсты и зады проходящих мимо дам.

— Вот он! — Мона остановилась, тыча пальцем в вывеску «Ресторан Мзиури». — Опять не помнишь?

После яркой улицы Полина будто ослепла, дверь сзади завывла пружиной и с оттягом грохнула. Стало темно, как в колодце, Мона ойкнула и ухватила подругу за локоть. На ощупь отодвинув пыльную штору, осторожно ступая по невидимому полу, они пошли вперед. Там из-за глухой занавески пробивался желтый свет, оттуда тянуло табаком и кофе, вкусно пахло жареным мясом.

В тусклой комнате, похожей на низкий подвал без окон, было накурено до синевы. Столы были составлены в один длинный, накрытый белой скатертью. Там сидело человек двадцать — мужчины, юноши, старики, женщин не было. На стенах, небеленых, кирпичных, висели жестяные и медные то ли подносы, то ли доспехи с выбитыми узорами, несколько черных овечьих шкур, кривые сабли и длинные прямые кинжалы в ножнах. Полина с Моной вошли, но, смутясь, замешкались, так и остались в дверях.

Худой старик, седой, с выпуклыми строгими глазами замолчал, он стоял с бокалом в руке в конце стола. Полина поняла, что они прервали тост. Старик мрачно смотрел на них, постепенно и все остальные, один за другим, повернулись в их сторону. Стало тихо, в янтарном свете тусклых фонарей Полина разглядела на

столе блюда с помидорами, белыми луковичками и зеленой травой, какие-то плоски с соусом или подливкой. Сочные куски жареного мяса лежали в оловянных блюдах. Полина проглотила слюну.

Неожиданно сзади возникла старушка, мелкая, не больше пятиклассницы, маленькое печеное лицо, состоявшее из кривого носа и злых птичьих глазок, высывалось из тутого черного платка. Вынырнув из-под Полининого локтя и хрипло кудахча, она наступала на Полину, словно норовя клюнуть в грудь.

— Мы здесь — обед! — неожиданно встряла Мона. — Еда — очень вкусно!

Она говорила по-английски, без глаголов и с каким-то непонятным акцентом. Старуха замахала руками, седой с бокалом сердито то ли кашлянул, то ли каркнул. Тут же задвигались стулья, два хмурых мужика поднялись из-за стола. Полина ухватила Мону за локоть, потащила к выходу.

— Мы — тут! — убеждала Мона старуху, указывая на маленький сервировочный стол в углу. — Ваша вечеринка — не мешать.

— Заткнись! — прошипела Полина ей в ухо. — Двигай!

Столики ресторана «Волна» под яично-желтыми зонтиками выползали на дощатую набережную, седую от соленого ветра и дождя. Широкий

настил, похожий на палубу гигантского корабля, утыкался в песок пляжа. Рыжая официантка с полными розовыми руками, сияя кольцами и перстнями, принесла меню, подозрительно поглядела на Мону и снова исчезла в черноте ресторана. Меню оказалось на двух языках, английская часть была уморительной: крайне двусмысленно в разделе десертов выглядело сокращение слова ассортимент.

Мона хохотала, балагуря на тему, куда русские суют мороженое. Полина ущипнула ее, давась от смеха:

— Замолчи, они нас отравят!

Три официантки и тощий парень в тельняшке, выплыв из мрака кабака, стояли в распахнутых дверях. Парень курил в кулак, ловко стряхивая пепел сигареты мизинцем прямо на ковер.

Потом они хлебали наваристый борщ, горячий и душистый, и даже выпили водки — официантка уговорила, подбрав, когда услышала Полинин русский.

— Я-то подумала, ты тоже иностранка, — официантка покосилась на Мону. — А ты наша. А русскому человеку борщ без водки никак нельзя. По тридцать капель, а?

И рыжая тетка лукаво подмигнула, словно они были знакомы с детства.

— Школа — это временно, тут главное уцепиться. — Мона по-хозяйски разлила остатки водки,

поставила графин. — Все только начинается, вся жизнь впереди.

— Ты знаешь, — проговорила Полина, глядя в сторону. — Это как в детстве с летними каникулами случалось: майские дни тянутся долго, июнь быстрее бежит, июль несется, а уж август промелькнет, даже и не заметишь. Я боюсь, что и с жизнью так...

— Так что, у нас июнь? — усмехнулась Мона.

— Угу, — кивнула Полина. — Конец июня.

Когда ей принесли цыпленка табака, Полина уже есть не хотела. Мона тут же ткнула вилкой свою котлету по-киевски и обрызгала себя жиром. Стала тереть грудь салфеткой, только все размазала по платью. Пьяно махнула рукой, подалась вперед:

— У нас там такая история! Географ наш, мистер Бринкли, с ученицей... той пятнадцать, а она уже на третьем месяце! Представляешь?

Полина перебила:

— Ты мне лучше скажи, как там вообще... Ну, в целом? В школе.

— Да как... — Мона закинула локоть на спинку стула, выставив подмышку. — Нормально. Я ж тебе говорю — временно это!

Рыжая, покачивая полными бедрами, принесла счет. Закурила, выпустила дым, сунула пачку и зажигалку в карман передника. На прощанье посоветовала быть поосторожней, по-

скольку на днях завалили Гурама, а сегодня все окружное грузинье съехалось сюда, на Брайтон, на поминки.

9

— Мисс Рыжик! Вам факс! — Бетси, приоткрыв дверь, с насмешливой официальной подсунула Полине бумагу. Подмигнув, исчезла.

У Полины ухнуло в груди, она схватила липкую на ощупь бумагу, стала читать, перескакивая через строки. Дочитав до конца, тихо засмеялась, потом закрыла лицо руками. С улицы донеслась хрипая пожарная сирена, истошно взыв совсем рядом, стала удаляться и постепенно смолкла.

— Так! — Полина часто поморгала, проверяя, не потекла ли тушь, оглядела свою кладовку. — Так...

Решив не откладывать неизбежное, она взяла телефон, нашла родительский номер, набрала.

— Привет, мам! Не, все нормально. Да нет, все в порядке. — Полина закатила глаза, повторила по слогам: — Нормально! Просто работы много, потому и не...

Она выдвинула ящик стола, прикидывая, что надо взять.

— Ага... Ну... — она, кивая, вытаскивала мелкий хлам — жестянку мятных леденцов, красный карандаш с обломанным грифелем, две ручки, коробку разноцветных скрепок, синий значок с надписью «Иисус спасет!», который кто-то всучил ей у выхода из метро.

— Я поэтому... поэтому я... — Полина страдальчески выпучив глаза, перебила мать. — Я и звоню поэтому!

Мать встряла снова. Полина обреченно уронила голову на грудь, схватила шариковую ручку, стала щелкать кнопкой. Потом чирикать по факсу.

— Здесь все. Контракт закончился. Нет, это я не хочу... Как почему? Не хочу! — Полина вдруг ойкнула — она случайно зачирикала на факсе адрес и имя. — Нет, все о'кей. Меня тут зовут... короче, в субботу ждите, папе привет.

Дома (Полина усмехнулась — какую только дыру мы не называем домом!) вещей оказалось совсем мало, но Колинда все равно всучила ей свой чемодан, здоровенный, с оббитыми углами и оранжевой наклейкой «Аборт — мое право!». В чемодан легко уместилось все барахло.

— Я свое отъездила. Теперь мы вот вместе, — она притянула Дорис за талию. — Так, сеструха?

Сестры помогли впихнуть чемодан в багажник, обнялись еще раз. Дорис, шмыгая носом, уткнулась Полине в шею.

— Вот Джаг вернется, а тебя нет... — проговорила Дорис ей в ухо. — А я так вас познакомить хотела...

Полина закусила губу, смеясь, пробормотала что-то. Снова обнялась с Колиндой, быстро нырнула в машину, повернула стартер. Выехав с парковки, притормозила, включила поворотник. Посмотрела в зеркало: сестры, взявшись за руки, провожали ее взглядом, Дорис, словно угадав, что Полина смотрит, махнула ей.

— Господи... — прошептала Полина, глотая слезы. — Господи, не дай мне, Боже, вот так...

Она оглянулась на мотель, на голые деревья. Дверь с новым замком так и не подкрасили, зато билборд над эстакадой сиял свежей рекламой газировки — бутылка колы таинственно мерцала ледяной испариной, на лоснящейся этикетке выступили хрустальные капли.

Заморосил колючий осенний дождик. Полина включила дворники, левый елозил по стеклу, оставляя мутные полосы. Она выехала на Восемьдесят первое шоссе, до границы штата оставалось миль двести, подумала, что будет здорово, если удастся засветло перемахнуть через Пенсильванию. Полина включила радио, везде жизнерадостно болтали или крутили задорный рэп, она прошлась по всем станциям, остановилась на классической. Передавали что-то струнное, похожее на Моцарта, Полина слушала, постукивая в такт большими пальцами по баранке. Дождь ра-

зошелся и лил уже вовсю, асфальт стал походить на серый февральский лед.

Полина мягко давила на педаль газа, ей казалось, что машина летит, почти не касаясь дороги, стрелка спидометра дошла до восьмидесяти миль. Ощущение опасности волновало, Полина азартно подалась вперед, обгоняя ревущий грузовик. Огромные колеса, достигающие ее «Форду» до крыши, слились в сияющие круги, они были всего на расстоянии вытянутой руки. Полине стало жарко, она подумала, что в обыденной жизни смерть редко персонифицируется так явно и находится столь близко. Она нервно засмеялась и утопила педаль в пол, медленно поравнялась с тупой мордой, хромированным бампером, на капоте сияла фигурка бизона. Девяносто миль, девяносто пять.

Грузовик остался позади, Полина откинулась, блузка прилипла к потной спине; часто дыша, словно после бега, она вытерла лоб ладонью. Скрипки замолкли, после паузы пожилой женский голос ласково сообщил, что станция «Нью-Йорк Классик» передавала Опус 33 Йозефа Гайдна. Полина загадала, что если сейчас поставят Грига, то у нее все получится. Ну не все, что-то главное. Промелькнул указатель «Альтона — 70 миль», незаметно она уже добралась до центра Пенсильвании.

Радиотетка с материнским укором уговаривала любителей классической музыки сделать неболь-

шие пожертвования в фонд радиостанции, меценатам в знак благодарности обещала выслать тряпичные сумки с вышитыми портретами знаменитых композиторов. Полина рассмеялась. В динамиках, нарастая, послышался треск, станция выходила из зоны приема.

— Ну не тяни... — нетерпеливо прикрикнула Полина на радио, — Грига давай!

Ведущая послушно замолчала и сквозь помехи объявила:

— Программу «Романтическое настроение» продолжит композитор, которого называли...

Затрещало сильнее, Полина прибавила громкость.

— ... северный Шопен. Фортепианная соната ми минор норвежского композитора девятнадцатого века Эдва-а...

Треск полностью заполнил эфир, но Полина, радостно колотя по баранке, закричала:

— Грига! Эдварда Грига! Ми минор, твою мать!

На горизонте, прямо по курсу, появилась плоская серая полоса, казалось, там идет сплошной ливень. Полоса росла, темнела, уже можно было разглядеть вершины и хребты, складки отвесных склонов.

— Аппалачи... — прошептала Полина. — Настоящие горы.

До гор оставалось еще миль двести, нужно было заправиться и решить относительно ночлега.

10

Переночевала в страшноватом мотеле: деревянные кривобокие хижины, некрашенные и потемневшие от времени, сползли по пологому берегу к широкому ручью, другой берег круто уходил вверх, дальше и выше громоздились горы.

Ночью ручей ворчал, Полине казалось, что за фанерными стенками бродят дикие звери, хищные и коварные. Утром было смешно вспоминать эти страхи, солнце ярко светило в щели уютной хижины, вода ручья весело плескалась, старый «Форд» нежился в кружевной тени какого-то почти экзотического дерева.

Горный серпантин круто накручивал спирали. Исполинские деревья вплотную подступали к обочине, иногда за поворотом внезапно открывалась бездна, Полина невольно отстранялась, поглядывая вниз на дикие камни и острые верхушки сосен. Взобравшись на плато, она притормозила. Заглушив мотор, выбралась из машины. Голова кружилась, от тишины и простора у нее перехватило дыхание, она осторожно подошла к краю и застыла, разглядывая клочья молочного тумана, тихо плывущего внизу. Два орла беззвучными кругами скользили между лазурным небом и кудрявыми рощами тенистых долин, уходящих и тающих в романтическом мареве.

— Какая красота... — пробормотала Полина, разглядывая осенний красно-желто-оранжевый ковер внизу. — Какая ничемная красота! Бесцельная, бессмысленная и никому не нужная красота.

Она глубоко вдохнула, от недостатка кислорода голова чуть кружилась, Полине казалось, что она вот-вот поймет нечто важное, поймает какую-то главную мысль. Отчего люди стремятся в город без горизонта? И почему здешняя божественная красота никому не нужна, кроме проезжающих мимо неудачников? Да, именно неудачников. Вроде нее.

Орлы сместились дальше и теперь нарезали неспешные круги над гушевыми холмами между двух лиловых отрогов, по которым ползли ленивые тени одинаково круглых, полупрозрачных облаков. Полина вздохнула, села в машину. Уезжать не хотелось, она медлила, потом повернула ключ и запустила мотор.

После перевала дорога запетляла вниз, «Форд» весело катил на нейтралке, порой разгоняясь так, что Полине приходилось даже притормаживать на поворотах. Навстречу попался кряхтящий грузовик, древний, в бурых пятнах ржавчины, к решетке радиатора был приделан бычий череп. Полина, в меру суеверная, предпочитала толковать знамения по своему усмотрению, бычий череп в данном случае стал, безусловно, добрым знаком.

Горы, оранжевые кленовые рощи остались позади, дорога, поскучнев, вытянулась. Мимо поплыли скошенные долины, одинокие фермерские домики, долговязые южные тополя, уныло расставленные через равные промежутки, иногда попадались заброшенные амбары с продавленными черными крышами. Пахло сухой травой, пылью, южной осенью. Полина включила радио, эфир был пуст. Она перешла на длинные волны, пощелкала, там тоже была тишина. Ей стало жутковато, она дотянулась до карты, сложив ее и приспособив на баранке, пальцем провела по Восемьдесят первому шоссе на юг, через горы, вниз, все время вниз и на юг. Сбиться было невозможно. Она хмыкнула, кинула карту на сиденье.

— Ну и глушь... — прошептала она, потом спросила с вызовом: — Ты ж этого и хотела? — И добавила: — Дура...

Промелькнул указатель: «Данциг — 75 миль», сердце подпрыгнуло и заколотилось быстрее, тревога сменилась растущим азартом, нервным и суетливым, как перед надвигающимся экзаменом. В голове возник рой мыслей: сразу в школу? Или найти эту Веру Штаттен-как-там-ее? Или остановиться в мотеле, привести себя в порядок? И что надеть?

Ни одна мысль не была додумана до конца, когда начались пригороды Данцига: фермерские домики с разноцветными кровлями, плодовые

сады, пятнистые коровы. Долго играла в прятки макушка церкви; наконец, вынырнув из-за деревьев, засияла стальным крестом. На обочине появилась резная доска на двух чурбачках: «Добро пожаловать в Данциг!»

Полина улыбнулась, кивнув, сбросила скорость. Она разглядывала фасады беленых домов: на открытых верандах стояли деревянные шезлонги и кресла-качалки, на ступенях желтели большие тыквы, снопы соломы, огородные пугала в клетчатых рубашках. Точно — сегодня же тридцать первое октября, канун Дня всех святых, Хэллоуин! Увидела вывеску мотеля «Лорелея», не думая, тут же свернула.

Поднялась по белым ступеням, обходя здоровенные тыквы, в тыквах кто-то мастерски вырезал зверские рожи. В холле, уютном до жеманства (лавандовые веночки, рамки с фальшивыми старинными гравюрами романтического характера, запах приторных ванильных свечек пополам с еловым освежителем), за конторкой стояла и улыбалась симпатичная ведьмочка с зелеными волосами и в остроконечной черной шляпе с картонными полями. У ведьмы оказался южный говор, такой же, как у Веры, гласные звучали округло и ласково. Ведьма, не переставая улыбаться ни на секунду, аккуратно вписала Полину в гостевую книгу, протянула ключ. Если это обычное состояние, то интересно, что происходит с лицом, когда она действительно хочет улыб-

нуться, думала Полина, поднимаясь на второй этаж.

Комната оказалась солнечной бело-розовой кельей, с фотографией веселых котят в резной рамке и горкой вышитых подушек на туго заправленной кровати. Полина долго стояла под душем, когда вернулась в комнату, солнце уже село, по красив небу седым маревом с нежнейшим переходом из персикового в платиновый.

Спустившись вниз, Полина сунула в рот малиновый леденец, фаянсовая плошка в виде тыквы с разноцветным монпансье стояла на конторке, поболтала с ведьмочкой, та изнывала от скуки и, казалось, могла трещать до утра. Она сетовала, что сейчас на площади начнется маскарад, гулянье, будут раздавать конфеты и будет приз за лучший костюм, который в том году выиграла Лори Клопшток, хотя, на ее взгляд, у Линн Тотенберг костюм был куда эффектней и остроумней — ведь сколько можно наряжаться зомби и всякими упырями? Спасительный телефон зазвонил, ведьмочка отвлеклась, Полина помахала ей рукой и юркнула в дверь.

Снаружи быстро темнело. Следуя только что полученным наставлениям, она дошла до первого перекрестка, свернула на Кёниг-штрассе, миновала кирпичную каланчу и глухое здание пожарной охраны, похожее на тюрьму, повернула направо и оказалась на Курфюрстен-аллее. Гулянье там было в самом разгаре, ведьмочка оказалась

права — местные относились ко Дню всех святых весьма серьезно. Полина нырнула в маскарадный поток.

Прямо перед ней вышагивал, как осторожная цапля, князь Дракула в высоких ботфортах, к широкому поясу была приторочена женская голова с убедительной резиновой трахеей. Сбоку прошмыгнули два чертенка с эластичными пунцовыми рожками.

Гуляющие неспешно брели по проезжей части; светофор, свисающий на перекрестке, растерянно моргал желтым на все четыре стороны. Фасады домов были затянуты синтетической паутиной, летучие мыши размером со среднюю собаку свисали с карнизов, на тротуаре, за траурными черными столами, тускло освещенными рыжими лампадами, сидели ведьмы, вурдалаки и прочая нечисть. Они раздавали гуляющим конфеты. Полина подставила ладонь, пупырчатый зеленокожий упырь сунул ей пару пестрых шоколадок.

С орехово-пращиновым привкусом во рту она, влекомая ряженой толпой, оказалась на площади. Желтые фонари по периметру, невнятно стилизованные под какую-то эпоху, заливали площадь золотистым светом и придавали происходящему совершенно сказочный вид. Полина вытянула шею и поднялась на цыпочки. Площадь упиралась в ступени псевдоготического собора (Полина на втором курсе прослушала семестр по истории архитектуры и неплохо разбиралась

в нюансах) с одной центральной башней. Архитектор, очевидно, подражал не французской или английской, а немецкой готике, отличавшейся аскетичностью отделки и строгой, почти крепостной геометрией. Собор из светлого песчаника был построен совсем недавно, каменная резьба, колонны, стены сияли кремовой белизной, казалось, каменотесы и каменщики только вчера, разобрав леса, ушли отсюда. Полине неожиданно пришло в голову, что и Нотр-Дам, и Кельнский собор, и Шартрский, да и все остальные шедевры готики, изначально выглядели именно так — светло, легко, почти воздушно. Что хмурыми, закопченными, седыми монстрами их сделало время.

Раздались крики, толпа заволновалась, головы задрались вверх. Там, на высоте третьего этажа, по туго натянутому металлическому тросу пронеслась ведьма. Размахивая помелом и визжа, она скрылась в дальнем конце площади. Ряженные вокруг оживленно заголосили, кто-то очень похоже прокричал петухом, в ответ тут же закукарекали сразу из нескольких мест. Полина увидела, как на невысокий подиум у собора выходят какие-то люди, ярко вспыхнула рампа, отбросив на портал церкви корявые тени. Невидимые динамики ожили и басовито заворчали, потом, зафонив, заскрежетали, толпа отозвалась свистом и улюлюканьем.

— Ленц, сапожник! — засмеялся кто-то сбоку. Рядом с Полиной стояла развратная медсестра

в шапочке с красным крестом, белой юбчонке и сетчатых чулках на резинках. На ляжках и упругом бюсте зеленели весьма убедительные трупные пятна. Медсестра обращалась к бледному призраку в ржавых цепях.

По стене собора забродили крабьи тени, кто-то проверял микрофон, цокая языком. Потом наступила тишина.

Вдруг тревожно вскрикнули скрипки, Полина узнала «Полет валькирий». Ворвался оркестр с главной темой, толпа восторженно зашумела, раздались аплодисменты, на подиуме появился некто в высоком цилиндре и поднял руку. Вагнер настойчиво громыхал одной и той же фразой, вполне успешно пытаясь навечно ввинтить ее в память слушателей — Полина точно знала, что именно будет крутиться в голове перед тем, как ей удастся заснуть сегодня ночью.

— Ты думаешь, опять Хильде дадут? — спросила медсестра.

— Хильду прокатят! — Призрак потряс седыми космами. — В том году ей дали... Хорошего понемножку...

— Такая сучка... — процедила медсестра.

— Я думал, вы подруги. — Призрак зазвенел цепями, поправляя кованый ошейник. — На хер, кожу стер этой фиговиной...

— Я ж предлагала — пиратом. А ты — призраком хочу, призраком...

11

Какая-то птаха как заводная повторяла одну и ту же трель из трех нот, Полина замычала и, не открывая глаз, сунула голову под подушку. В мозг вплелся Вагнер с настырными валькириями, постепенно стало ясно, что самая сладкая часть сна — утренняя — непоправимо испорчена.

Не вылезая из-под подушки, она припоминала вчерашний вечер: призрак оказался прав — Лори прокатили, приз получил какой-то мужчина, изображавший игуаноподобного пришельца из космоса с зубастой пастью и мощным крокодильим хвостом. Потом начались пляски, Полину втянули в хоровод, она скакала между развратной медсестрой, которую звали Моника, и безымянным скелетом с жаркими ладонями.

Полина тяжело вздохнула и, смирясь, открыла глаза. Солнце светило вовсю, по потолку разливались радужные полосы, а на оконном карнизе сидел кардинал и, склонив к стеклу голову с красным хохолком, упрямо высвистывал свою трель. Полина зевнула, дотянулась до розетки, она оставила на ночь заряжать телефон. Сигнала не было. Подошла к окну — та же история.

Рядом с кроватью стоял телефонный аппарат цвета слоновой кости, угловатый, с квадратными кнопками и массивной трубкой, телефон напоминал бутафорию, но, как ни странно, работал.

Вера ответила сразу, словно сидела и ждала у телефона.

— О-о! Доброе утро! — грудным контральто пропела она; связь оказалась превосходной, Полина покосилась на дверь, будто Вера могла прятаться там. — Ждем вас, а как же! Вы где? Ну-у, это совсем рядом!

Действительно, школа оказалась совсем рядом. Вера Штаттенхаммер, секретарь школы, как значилось на дверной табличке, круглолицая, с румяными ямочками, сразу же выставила чай с бисквитами и затеяла пространную беседу на отвлеченные темы, которые она ловко меняла одну за другой, как партнеров в польке.

Они сидели за кокетливо кривоногим столиком с инкрустациями, будто специально сконструированным для таких вот милых чаепитий. На стене висел портрет Христа, мастеровито написанный под Хальса, в коричневато-золотистой голландской гамме с ярким боковым освещением, теневая часть головы контражуром рисовалась на охристом фоне иерусалимского неба. Иисус, чуть рассеянно, но в целом вполне добродушно улыбаясь, щурился на Полину, Полина тянулась за третьим бисквитом — она ничего не ела со вчерашнего дня.

— Это просто чудо, что за бисквиты! Правда? — восторгалась Вера. — Ангельские!

Полина поначалу нервничала, чашка мелко цокала о блюдце, но постепенно сдобный говорок Веры и ее домашние манеры сделали свое дело — минут через пятнадцать Полина уже улыбалась, закинув ногу на ногу, кивала и всю поддакивала миссис Штаттенхаммер.

Очевидно, сильно за сорок, Вере удалось сохранить свежесть, которая с годами трансформировалась в ядреность. Крепкая и ладная, она напоминала магазинное яблоко идеальной формы, краснобокое и гладкое, больше похожее на парафиновый муляж, чем на съедобный фрукт.

— Вы не поверите, у нас тут даже колибри водятся! — Вера пальцами показала размер птицы. — Вот такусенькие!

В окно заглядывал рыжий клен, за ним виднелась церковь, сегодня она показалась Полине гораздо менее внушительной, но насчет стиля она не ошиблась — церковь была миниатюрной копией Ульмского собора с вытянутой алтарной частью и двумя часовнями. Единственной вольностью местного архитектора оказалась роза на фасаде, разноцветный затейливый витраж, который отсутствовал в немецком оригинале.

— К сожалению, мистер Галь на теологической конференции в Далласе, вернется только в пятницу, — безо всякого перехода Вера заговорила о делах. — Но не беспокойтесь, мисс Рыжик, он мне оставил все инструкции относительно вас.

Руки у Полины снова затряслись, она быстро сложила их на коленях и выпрямила спину. Где-то вдали часы начали отбивать какой-то утренний час.

— Контракт, медицинская страховка, короче, все, что касается работы, вы обсудите с мистером Галлем. — Вера махнула пухлой ладонью, словно речь шла о вещах второстепенных. — Мне же поручено вас расквартировать и обустроить. По мере сил. — Она задорно рассмеялась.

Полина засмеялась в ответ. Все происходило как-то странно, совсем не так, как она себе это воображала. Ни интервью, ни разговоров о программе преподавания. Вера выудила из стола ключ с картонной биркой на бечевке, взяла лист бумаги и начала вычерчивать план.

— Домишко так себе, но поскольку принадлежит он школе, платить будете только за газ и свет. — Вера закончила рисовать план, поставила крестик и написала адрес: Розенкранц 17. И дважды подчеркнула. — Держите, — и протянула Полине бумагу и ключ.

В коридоре что-то загремело, грохнула дверь, послышался топот и визг. С неожиданной прытью миссис Штаттенхаммер выскочила из-за стола и распахнула дверь.

— Что тут происходит? — строго спросила она.

В ответ заголосили, перебивая друг друга:

— Гадюка!

— Дура, это аспид!

— Ленц змеюку притащил на химию, а она...

Вера подняла руку:

— Молчать! Всем в класс. Ленц, ко мне!

Полина поразилась перемене: Вера бисквитно-плюшевая вмиг обратилась в Веру железобетонную. Словно угадав мысль, она повернулась и сладко улыбнулась Полине:

— Выпускной класс. Ваши...

Полина ожидала увидеть мускулистого прыщавого наглеца, но Ленц оказался невысоким брюнетом с красными губами и явной примесью то ли итальянской, то ли испанской крови. Войдя, он притворил дверь, тихо поздоровался. Он простодушно разглядывал Полину, та, смутившись, опустила взгляд, успев заметить, что глаза у Ленца светло-серые, а ресницы темные и по-девичьи длинные. И еще румянец на скулах, тот, почти малиновый, особенно яркий на смуглой коже.

Вера Штаттенхаммер отчего-то тоже смутилась и спросила тусклым голосом:

— Михаэль, зачем же змею в школу?

12

Улица Розенкранц, вопреки пышности звучания, на деле была окраинным закоулком, упиравшимся в старое кладбище. Дом номер семнадцать

оказался предпоследним, следующим был запущенный двухэтажный особняк с линялым флагом и решетками на окнах. Полина вышла из машины, поглядела на серые кладбищенские камни, унылых ангелов и седые кресты, вздохнула и потащила чемодан на крыльцо.

Замок открылся легко, пахнуло сухими досками. Полина сразу вспомнила, что так пахло на летнем чердаке в их доме, там был сундук со старыми журналами, какие-то пыльные коробки, две пары лыж, которые так никогда и не увидели снега.

Оставив входную дверь нараспашку, Полина тихими шагами обошла первый этаж — тесная прихожая вела в гостиную с камином и двумя мутными окнами; она провела пальцем по подоконнику — пыль, между рам чернели мумии крупных мух. Посередине стоял круглый стол, простой, с глубокой царапиной через всю столешницу и светлыми кругами от мокрых стаканов, к столу были приставлены четыре ореховых венских стула, шатких и скрипучих даже на вид.

Из гостиной узкая лестница вела на кухню, там в углу темнела доисторическая газовая плита с духовкой не меньше крематорской печи. Холодильник был распахнут настежь. Полина нашла шнур, воткнула в розетку. Агрегат вздрогнул и утробно заурчал. Захлопнув дверь, Полина увидела снаружи сувенирный магнит «Нью-Йорк Сити Балет»; она улыбнулась — точно такой же был и у нее. Магнит прижимал цветное фото. Женское лицо

показалось знакомым, мелкие кудряшки черных волос, узкие скулы, по-детски крупные передние зубы. Рядом улыбался мужчина; вглядываясь в него, Полина застыла и непроизвольно открыла рот. На фотографии рядом с задорной брюнеткой стоял профессор Колумбийского университета Саймон Лири. За его спиной высилось здание международного факультета, из кустов на клумбе торчал бюст Сократа. Дальше шел Декарт, за ним Коперник. Два последних в кадр не попали.

Полина, не зная, что делать с карточкой, повесила ее обратно на холодильник, вернулась, перевернула лицом вниз, приклепнула магнитом.

Дверь из кухни вела на задний двор, квадратный, зажатый сплошным забором. Здесь пахло осенью. Двор походил на тесный ящик, с двумя голыми деревьями в солнечных бликах, сухая листва плотно укрывала землю, прятала какие-то непонятные предметы странных форм. Посередине стояло кресло-качалка из плетеной соломки, усыпанное мелкими, похожими на медяки листьями.

На втором этаже (два пролета узких скрипучих ступенек) обнаружилась огромная спальня в три окна с прекрасным видом на кладбище, мрачная кровать темного дерева с варварской резьбой, встроенный шкаф, на перекладине болтались пустые вешалки, а на верхней полке, узкой и пыльной, желтел толстенный корешок телефонной книги. Полина пошарила рукой, достала еще

одну книгу. Это была Библия Гидеоновского издания, из дешевых, какими снабжаются второсортные отели по всей стране. Стерев ладонью пыль с переплета, Полина сунула книгу обратно на полку.

На стене рядом с кроватью висел прошлогодний календарь с репродукциями Иеронима Босха. Полина усмехнулась: календарь был раскрыт на «Семи Смертных Грехах».

Соседняя дверь вела в туалетную комнату с ванной сомнительной чистоты, но внушительных размеров. Над ванной было большое окно, выходящее на соседний дом. Оттуда, прямо из-за забранного решеткой окна, на нее глазел какой-то старик.

— Только этого мне не хватало, — проворчала Полина. Она хлопнула дверь и пошла вниз за чемоданом.

В кособоких кухонных шкафах нашлась посуда, Полина свалила тарелки и чашки в раковину. Залезла под мойку, в дальнем углу притаились заплесневелые резиновые перчатки и пустая коробка из-под стирального порошка. Выбора не оставалось — нужно было ехать в магазин. Составлять список не хотелось, хотя она была уверена, что наверняка что-нибудь забудет.

Маркет «Глория» с одним кассовым аппаратом и спящей толстой кассиршей напоминал тысячу других захолустных магазинчиков, разбросанных

по всем штатам от океана до океана: те же полосатые маркизы на немых окнах, шахматные квадраты линолеумного пола, ряды пестрых консервов, коробок и банок чередовались с пыльными книгами в линялых обложках и скобяными изделиями. Нагрузив доверху тележку, Полина подкатила к кассе, бухнула коробку стирального порошка на прилавок. Тетка встрепенулась, затахтела клавишами.

— Извините, — спросила Полина, озираясь. — А где у вас сигареты?

Тетка перестала греметь, уставилась на нее.

— Мы этим... — мучнистое пористое лицо брезгливо сморщилось, будто речь шла о порнографии. — Этим мы не торгуем.

Остаток дня прошел в уборке. Нацепив наушники, Полина, громко и фальшиво подпевая Стефани, ползала с тряпкой по полу, терла стекла и двери, сметала из углов паутину. Кафель на кухне пришлось драить щеткой, в результате плитки пола оказались не коричневыми, а светло-серыми. Второй этаж продвигался легче, там уборка шла под лирическую подборку Боно.

Пару раз появлялся старик-сосед, один раз в окне, другой — на крыльце, где он курил, звучно сплевывая вниз. Седой, с белыми совиными бровями, он походил на актера, игравшего роль старого мерзавца. Полина терла подоконник и украдкой разглядывала его, когда он внезапно

повернулся и они встретились глазами. Она произвольно улыбнулась и прислонила ладонь к стеклу. Старик зло харкнул на газон и отвернулся.

«Занавески», — добавила она в список некупленных вещей, они шли сразу после бумажных салфеток, соли и свечек. Лист лежал на столе в гостиной и периодически дополнялся. Полина достала запотевшую бутылку газировки, сделала несколько больших глотков, сунула бутылку обратно в холодильник. Захлопнув дверь, вытерла о штаны руку, взяла фотографию. Открыла дверь в сад. Выйдя на свет, она снова стала рассматривать фото.

Когда оно было сделано, кто эта девица, почему фотография оказалась здесь? Девицу, похоже, она встречала, лицо казалось знакомым, наверняка тоже студентка. Может, позвонить Саймону, спросить? Полина вспомнила последний разговор на пустыре, серьги, царапину на крыле машины. Нет — Саймону она точно звонить не будет. Можно позвонить Вере, узнать, кто тут жил до нее.

Полина нашла мобильник, включила. Сигнала не было и тут. Она вышла во двор, потом на крыльцо, на дорогу, вытянула руку вверх — на экране упрямо мигала перечеркнутая антенна. Полина вспомнила, что видела телефон в комнате. Добежав, подняла трубку, оттуда низко и с уверенным напором загудело.

У Полины была дурацкая привычка копировать собеседника, его интонации, она делала это произвольно, но очень раздражалась, когда ловила себя на этом. Сейчас ей показалось, что, рассыпаясь в благодарностях и комплиментах, у нее появился Верин умильный говорок.

— Миссис Штаттенхаммер... — Полина застряла, не зная, как перейти к главному, плюнув, решила напрямик. — А кто тут жил до меня?

В трубке возникла гудящая тишина.

— А что? — осторожно произнесла Вера.

— Я тут фотографию нашла просто, вот, думаю...

Вера молчала.

— Мне кажется, мы с ней учились вместе в...

— Мисс Рыжик... — перебила ее Вера, потом что-то проговорила в сторону, Полина прислушалась, но ничего не поняла. — Ну вот... Я очень рада, что вам нравится. Очень! Тут ко мне пришли, вы меня извините великодушно... Кстати, у нас через полчаса Библейские чтения, это в соборе, вы найдете... Каждый вечер в пять, кроме воскресенья и среды. И не забудьте — послезавтра возвращается мистер Галь, я вас на десять утра записала.

Полина положила трубку и вспомнила, как Саймон кричал ей: «На блесну хотела? На блесну?» Вспомнился его резкий голос, надутая вена на лбу: «Неужели тебе могло прийти в голову, что я на тебе женюсь?!»

— Господи, стыдно-то как... — пробормотала она и быстро заходила по комнате, ежась, словно от холода. Она никогда, никогда не станет звонить ему. — Запомни, дура, — никогда!

13

В пятницу Полина сидела в приемной директора школы, из-за дверей не доносилось ни звука. Дверь своей дубовой внушительностью, тусклым сиянием бронзы ручек пугала Полину, неистребимый школьный запах — смесь пыли, мела, мокрой доски и детского пота — будил в памяти ощущения несправедливости, ханжества, унижения. Ее подташнивало, от волнения в животе урчало, и от этого она волновалась еще больше. Улыбчивая Вера принесла кофе; допивая вторую чашку, Полина вдруг испугалась, что во время встречи ей захочется в туалет. Она отставила чашку, в животе снова заурчало, Полина прокашлялась, заглушая звук. Стрелка доползла до десяти, замерла на миг и поползла дальше.

Утро не задалось с самого начала: она проснулась в шесть, попыталась заснуть снова, около семи сдалась и побрела в ванную. Невыспавшаяся и злая, распахнула встроенный шкаф — три пла-

тья одиноко свисали с вешалки. Полина опустила руки.

Как же она не догадалась купить больше тряпок в Нью-Йорке? Здесь она не видела ни одного магазина — где они вообще покупают тряпки в этом захолустье? Выписывают по каталогу «Альманах фермера»? Шьют по парижским выкройкам у данцигских модисток?

Остановилась на узком черном платье, вполне консервативном. Чуть выше колена. Смущала открытая грудь — на Манхэттене такой вырез выглядел почти монашеским, здесь... Полина решила не рисковать, повязала на шее воздушную тряпицу акварельных тонов. Шарф оживил, Полина влезла в туфли, довольная покрутилась перед длинным зеркалом на дверце шкафа — левый профиль, правый профиль, плоский живот. Провела ладонями по упругой груди, по талии, бедрам. Перешла к макияжу.

Помада не понравилась, слишком вульгарно, она салфеткой вытерла пухлые губы, сложила уточкой, чмокнула. Мазнула бесцветным блеском — так лучше.

Приблизила лицо к зеркалу и долго разглядывала. Для светло-русой блондинки у Полины были достаточно темные брови и ресницы, она чуть тронула глаза тушью. Серые, слегка раскосые, вкупе с высокими скулами, они выдавали славянскую кровь — что есть, то есть. Впрочем, именно это она и считала своей главной изюминкой.

Стрелка доползла до пятнадцати минут одиннадцатого, и тут дверь распахнулась. Полина вздрогнула, привстала. Из кабинета быстрым шагом вышел мужчина лет пятидесяти.

— Мисс Рыжик? — он протянул ей загорелую руку. — Извините, у нас с утра все наперекосяк.

Полина растерянно улыбнулась.

— Чтоб время не терять, может, по дороге переговорим? — Он продолжал крепко держать ее ладонь. — Заодно и окрестности Данцига посмотрите. Вы ведь только приехали?

Они спустились по широкой лестнице, он широко шагая, она мелко цокая шпильками по мрамору. В машине, включив зажигание, директор повернулся к ней:

— Забыл спросить: вы покойников не боитесь?

По дороге поговорить не удалось, директора постоянно вызывали по рации, похожей на полицейскую, он отвечал в микрофон на скрученном шнуре, который соединялся с допотопным приемником.

Полина искоса разглядывала его, на скуле заметила свежий бритвенный порез. Волосы светлые, для школьного директора, пожалуй, слишком длинные. Похож скорее на режиссера или модного писателя. Или какого-нибудь музыканта. Интересно, а он женат? Тайком покосилась — кольца нет. Тут же смутилась и отвернулась к окну.

Они неслись сквозь утренний Данциг, яркий и веселый, пестро-полосатый от длинных теней. Впрочем, городишко кончился, так и не успев начаться, непритязательные домишки сменились прозрачными садами, потом потекли желтые рощи и бурые холмы. Неожиданно блеснула ртутью полоска воды, дорога ухнула вниз, потом вверх, и они лихо выскочили на крутой берег озера.

Директор затормозил. Семеня ногами, сбежал вниз по косогору к воде. На полоске прибрежного песка сгрудились люди, полицейский в кавалерийских сапогах и светлой шляпе, заметив директора, быстро пошел навстречу. Толпа расступилась, и Полина увидела на берегу тело.

Она застыла, закрыв рот рукой. Директор подошел, склонился над трупом, что-то сказал полицейскому, указывая на шею и грудь. Полина перевела взгляд на воду, пронзительно-синее небо вверх тормашками глядело из озера, в приоткрытое окно откуда-то тянуло сладким дымком. Проворная муха влетела в салон, зажужжав, застучала по углам. Полина прихлопнула ее на коленке. Повисла тишина, остывающий мотор изредка цыкал, тихо и звонко, как кузнечик.

Полицейский и директор отошли в сторону. Полицейский, в тугих лаковых сапогах, в широкополой шляпе, был похож на упругий гриб, краснея лицом, он что-то доказывал, сжимал кулак и словно грозил кому-то. Директор, уперев

подбородок в грудь, молча слушал, иногда кивал. Минут через десять он, бегом взобравшись по откосу, сел в машину, застыл, словно собираясь с мыслями. Полине показалось, что он даже не заметил ее, она смущенно прокашлялась. Директор повернулся к ней, хмурый и рассеянный.

— Да... — он потер переносицу, будто припоминая что-то. — Короче, в понедельник, восемь утра. Первый урок в восемь тридцать, я вас представляю классу, ну а дальше уж вы сами...

— Ну, мы ведь... вы ведь даже... — Полина запуталась. — Вы толком не знаете, кто я, что я могу, что знаю.

Директор усмехнулся:

— Вы — Полина Рыжик, у вас диплом Колумбийского университета, еще есть рекомендация из «Еврейского обозрения» от госпожи Кляйн. Вы отработали три месяца, вам предложили продлить контракт, но вы отказались...

Полина удивленно поглядела на директора:

— Откуда вам известно...

— Ну не из резюме, наверное, — перебил ее директор. — Кто ж в резюме правду пишет?

— Я пишу... — фраза прозвучала с вызовом. Полина это поняла и смутилась еще больше.

Директор посмотрел ей прямо в лицо и улыбнулся: ровные зубы, загорелые морщинки у серых глаз — весь набор. Полина почувствовала, как наливаются краской ее скулы, и, отвернувшись, стала поправлять шарф на шее.

— Поймите, у меня не «Еврейское обозрение», у меня школа, — с родительской интонацией произнес директор. — Это школа в моем городе, это дети нашего города. Я сегодня все утро говорю банальности, — он усмехнулся. — Но моя школа — это будущее Данцига. И мне не безразлично, каким оно будет. Я лично отсюда никуда уезжать не собираюсь.

Он, разумеется, был прав, Полине стало неловко за выпад, пусть даже нечаянный, и она, шутя, сказала:

— Ну, выходит, мне рассказывать нечего, вы и так все про меня знаете.

— Ну, в общем — да, — совершенно серьезно ответил директор. И добавил: — Милый шарф, вам идет. Это шелк?

Когда Полина вернулась домой, ни фотографии, ни магнита на холодильнике не оказалось. Дверь в сад была приоткрыта. У нее заколотилось сердце, она закрыла дверь, дважды повернула замок. Зачем-то заглянула в холодильник, потом, перескакивая через две ступени, взбежала на второй этаж. Сразу заметила, что кто-то закрыл шкафную дверь: Полина отлично помнила, как, уходя, она обернулась и напоследок оглядела себя в зеркало. Из шкафа ничего не пропало. Растерянность и испуг постепенно сменились злостью.

— Извращенец. — Полина сжала кулаки. — Старый извращенец...

Сорвав с шеи шарф, бросила его на кровать, пестрая тряпица лениво сползла на пол. Скинула туфли, одна с грохотом улетела под кровать. Звонко шлепая пятками, сбежала на первый этаж, грохнув дверью, выскочила на крыльцо.

Старик-сосед на шум даже не обернулся, он покуривал на своем крыльце, покачиваясь в кресле-качалке. Кресло тонко стонало, повторяя одно и то же «у-у-и» снова и снова. Старика скрип явно не беспокоил, вокруг его головы сновала серебристая мошкара, а в углу на расстоянии вытянутой руки стояла ополовиненная бутылка бурбона.

«Так это ж кресло из моего сада!» — вдруг дошло до Полины, у нее затряслись руки от ярости, она резко крикнула:

— Эй, вы! — Ее лицо запыхало, она почувствовала, что красна как рак. — Я к вам обращаюсь!

Старик качнулся вперед («у-и-и»), дотянулся до бурбона, качнулся назад («и-у-у»), откручивая винтовую пробку. Сделал несколько глотков, аккуратно завинтил бутылку и поставил на место в тень. Сочно затаился и, прикрыв глаза, выпустил паровозную струю дыма вверх.

Полина стукнула кулаками по деревянным перилам.

— Вы! Там! — Голос сорвался на визг, Полина закашлялась, вполголоса выругалась. — Хам! Сво-лочь!

Старик сделал еще одну затяжку и ловко выщелкнул окурок на середину дороги, где он рассыпался крошечным фейерверком. Кресло запело: у-и-и, и-у-у. Полине показалось, что сосед ухмыляется.

— Как вы смеете? Я с вами разговариваю! Соизвольте хотя бы повернуться ко мне. — Она старалась говорить ниже, с угрожающими интонациями, но голос все равно получался визгливым. — У вас есть хоть малейшее представление о... — Она запнулась, пытаясь подобрать слова похлеще. Она перевела взгляд на кладбище — вдали среди серых камней бродила какая-то женщина в черной шляпе. Где-то едва слышно брехала собака. Неожиданно Полина почувствовала усталость и безразличие, она увидела происходящее со стороны: пьяного старика в скрипучем кресле, себя, орущую и пунцовую от злобы. Она молча повернулась и ушла в дом.

На кухне открыла до упора кран, вода загремела в сталь мойки; подождав с минуту, Полина подставила чашку. Сделала глоток, вода была теплая и ржавая. Она с отвращением выплеснула остатки в раковину. Подошла к холодильнику, потрогала дверь рукой, словно не доверяя глазам. Устало прошлась взад и вперед, повернула ключ и распахнула дверь в сад. Ее кресло, присыпанное круглыми листьями, похожими на мелкие монеты, стояло на месте.

14

Бледная и строгая, с прямой спиной, Полина покорно шагнула в распахнутую перед ней дверь, директор вошел следом. Она остановилась, оглядела класс и поняла, что пропала: это были не дети, за столами сидели вполне взрослые парни и девицы. Ей стало не по себе, она непроизвольно подалась обратно. Директор аккуратно прикрыл дверь, замок звонко щелкнул: трик-трак. Вот-так. Стало совсем тихо.

Они разглядывали ее с вялым любопытством, так львы после кормежки глядят на случайно попавшую к ним в вольер курицу — интерес, однако, не был вегетарианским. Сорок минут назад директор предупредил ее, мол, класс выпускной, переходный возраст — подростки, сами понимаете. Этого Полина не понимала, зато поняла, как чувствует себя шулер, пойманный с тузом в рукаве. Вспыхнула соблазнительная мысль — бежать, бежать прямо сейчас. Вспомнилась милая традиция: в южных штатах плутов и шарлатанов мазали дегтем и, обваляв в перьях, торжественно проносили по улицам города на шесте, а после бросали где-нибудь на окраине. Тут она услышала свое имя, вздрогнула и заставила себя улыбнуться.

— ... окончила Колумбийский университет, одну из лучших школ Америки, — торжественно продолжил директор. — Русский язык знает, как

родной. Ее бабушка в середине прошлого века бежала из большевистского ада в нашу свободную страну, бабушка научила свою внучку Полину любить русскую литературу.

Полину царапнул пафос и легкая историческая некорректность, но она, продолжая мучительно улыбаться, кивнула.

— Золотой век русской литературы вошел в фонд мировой культуры, сам Джереми МакБрайд считает этот период апофеозом, кульминацией мировой литературы в целом — ни до, ни после словесность не достигала такого накала.

Полина понятия не имела, кто такой МакБрайд, но полностью разделяла мнение этого господина.

— Что же особенного в русской литературе? — вопрос директор задал явно риторический, но очкастая русоволосая девица из среднего ряда тут же подняла руку.

— Чем русская литература отличается от немецкой, скажем, или французской, испанской или английской? — директор, улыбнувшись, кивнул очкастой выскочке, мол, я сам. Та разочарованно опустила руку. Полина брезгливо взглянула на нее, она со школы терпеть не могла этих подлиз-отличниц. Тем более таких смазливых.

— Нравственность и мораль, добро и зло, свет и тьма... — директор запнулся, — м-м...

— Преступление и наказание, — пискнул кто-то.

— Преступление и наказание, молодец, Крис, — поддержал директор.

— Война и мир! — не удержалась очкастая.

— Верно, Хильда! Моральный аспект войны, когда убийство своего ближнего, своего брата во Христе, может быть оправдано. Или не может? И что такое патриотизм? И как быть, когда надо выбирать между героической смертью и позорной жизнью, между родиной и семьей, между...

— Женой и любовницей!

Класс заржал, Полина замерла в ожидании бури. Однако директор засмеялся вместе с учениками. Она тоже улыбнулась, уже совершенно не понимая ничего.

— Ленц, как всегда, решил заострить вопрос, — директор довольно потер подбородок. — И он прав! Закрывать глаза, притворяться, что проблемы не существует, значит загонять болезнь вглубь, делать ее хронической.

Ленц, тот самый черноволосый красавчик, которого Полина видела у Веры, скрестив руки, манерно обвел класс победным взглядом. Этот тип Полине тоже был знаком по школе, этих она тоже недолюбливала.

Очкастая Хильда тут же встряла:

— А в «Докторе Живаго», — Хильда явно болезненно переживала любую конкуренцию. — Там этот вопрос решается писателем аморально!

Ленц, лениво повернув голову, бросил в ее сторону:

— Зато рационально!

Класс снова засмеялся. Хильда резко сняла очки, без них она оказалась настоящей красавицей, румяной и сероглазой, с волевым, чуть тяжелым подбородком и острыми скулами, которые могут придать тяжесть лицу где-то после тридцати. Ленц снисходительно ухмыльнулся:

— Доктор Живаго мастерски пудрит мозги обеим подругам, эксплуатируя миф о загадочности русской души, при этом без особых угрызений совести вступает в сексуальную связь как с женой, так и с любовницей. Ведь так, мисс Рыжик?

Класс замер. Кто-то уронил карандаш. Ленц тронул волосы за ухом и нагло уставился на Полину.

— В принципе... — получилось сипло, Полина прокашлялась, чувствуя, как щекотная струйка скользнула между лопаток и, пробравшись под резинкой трусов, побежала вниз. — Но нельзя... — она кашлянула еще раз. — Нельзя упрощать взаимоотношения между героями до фрейдистского примитивизма, необходимо учитывать исторические и социальные факторы, важно разглядеть движения души... — Полина сглотнула, она уже сама не понимала, что говорит, но с обреченностью продолжала:

— Движение души героя. Это как путешествие: душа растет, каждое испытание учит героя, а вместе с ним учит и читателя... — Полина ясно пред-

ставила деготь и перья, в дальнем углу ее сознания кто-то вопил: заткнись же ты наконец, дура!

— Чудесно! — перебил ее Ленц. — Мисс Рыжик виртуозно продемонстрировала, что подразумевается под феноменом так называемой «загадочной русской души», — он пальцами показал кавычки.

Класс загалдел; за Ленцем сидела грудастая нервная блондинка, она подалась вперед и что-то зашептала ему в затылок, а он добродушно улыбнулся, приоткрыв влажные губы, и кивнул. Полина узнала блондинку, это была порочная медсестра с маскарада. Медсестра вскинула руку и, не дожидаясь разрешения, громко спросила:

— Господин Галль! А это правда, что Колинда загрызла бродягу у озера?

Директор недовольно сунул руки в карманы. Полина только сейчас заметила, что он одного с ней роста, до этого он ей казался гораздо выше.

— Шарлотта! — строго обратился он к медсестре. — Вы взрослый, образованный человек. Как вам не стыдно говорить такие нелепости?

Класс загудел, Ленц, не повышая голоса, произнес в сторону:

— Отец с кем-то говорил по телефону, сказал: точно, Голодная свадьба — на шее следы от зубов.

Ученики заголосили, конопатый, хулиганистого вида парень ухватил себя за горло и принялся душить, пуча глаза и могильно хрипя. Очкастая отличница делала вид, что она здесь вообще слу-

чайно, Ленц, откинувшись назад, чопорно разглядывал свои ногти. Полина облегченно выдохнула — о ней, похоже, на время забыли. Она перебирала варианты, как ей выпутаться из этой авантюры. Остаться один на один с классом она могла минут на десять, максимум на пятнадцать, уж никак не дольше двадцати. Эти дети пугали ее, они видели ее насквозь, знали, что она никакая не учительница, а безработная самозванка. Обычная неудачница.

«Скажу директору, извинюсь — ничего страшного, он, похоже, славный и добрый, он поймет». Она искоса поглядела на Галля, директор улыбался, слушая несколько человек сразу, разнобой голосов в ее голове сливался в упругий шум, она не понимала ни слова. На стене висела старинная гравюра с каравеллой, в углу картины щекастый пузан, изображая ветер, дул изо всех сил в тугие паруса. Там еще была какая-то затейливая надпись, но разобрать ее не удалось.

«Да-да, вот так, на всех парусах! Ну какая я, к лешему, училка?» От принятого решения сразу стало легко, Полина даже заулыбалась. Происходящее в классе странным образом отодвинулось на задний план, перестало иметь значение. Полина стала смотреть в окно, там собирался дождь, булочник прятал тележку с калачами под навес, порыв ветра задрал полосатую маркизу на кондитерской и заодно юбку у проходящей мимо дамы. Где-то сухо, как выстрел, грохнули ставни, улица

потемнела, словно кто-то решил, что праздник кончился и пора гасить свет.

Настроение испортилось, ее расстроило, что придется уезжать в дрянную погоду. Ну и ладно, подумаешь, дождь, попыталась она подбодрить себя. Но вдруг поняла, что дело тут вовсе не в дожде. Просто ехать отсюда ей было некуда.

За окном хлынул ливень, капли бойко заколотили по жести карниза, ученики, вытянув шеи, уставились на улицу. Директор, поймав растерянный взгляд Полины, чуть улыбнулся и незаметно подмигнул.

15

«Скажу все как есть. — Полина сидела в кресле, разглядывая персидские узоры ковра на полу директорского кабинета. — Что я их боюсь, что я не умею преподавать, что все это учительство — глупая авантюра».

Директор закончил один разговор, тут же ткнул в селектор, попросил соединить с шерифом.

— Ну что ж ты, старик? Не ожидал... — Директор подбросил и ловко на лету поймал монету. — Сын твой сейчас на весь класс про зубы... — монета снова взлетела до потолка и шлепнулась прямо в ладонь. — Да я понимаю... Да понимаю...

«Этот томный красавец — сын того боровика в белой шляпе и лаковых сапогах?» — удивилась Полина, наблюдая за монетой.

— Ну что, испугались? — директор бросил трубку и, смеясь, обратился к Полине: — Решили бежать?

— Господин директор... — решительно начала Полина.

— Герхард, зовите меня Герхард. При детях можете мистер Галль, хорошо? А то все эти официальные церемонии только отвлекают от дела. Договорились?

Она кивнула и тут же пылко продолжила, словно боясь потерять кураж:

— Мистер Герхард... Галль... Я ж не учитель, я ж думала, будут дети, детишки, — она ладонью показала рост, отмерив два фута от пола. — Сказки Пушкина, «Записки охотника», белеет парус одинокий в тумане моря голубом... — Последняя фраза произвольно вырвалась на русском.

— О! — Герхард Галль вскинул брови. — Что это?

Она махнула рукой, закусила губу, боясь заплакаться. Опустив голову, сжала кулак до белых костяшек. Герхард быстро обошел стол, присел на корточки перед ней.

— Я все понимаю... — сказал он тихо, уверенность его голоса передалась Полине, ей вдруг показалось, что директор не только все понимает,

но и знает, как это исправить. Герхард тронул ее руку, улыбнулся.

— Давайте лучше обсудим вашу программу, с каким кнутом и каким пряником вы шагнете в клетку к нашим хищникам в следующий раз. — Он усмехнулся. — Тигры, а?

На стене в простой деревянной рамке висела чья-то цитата:

«Я могу лишь сказать, что Святой Дух открылся мне, и я пережил огромное наслаждение Его любовью».

Директор, заметив ее взгляд, спросил:

— Вы в нашей церкви были уже?

— Нет, к сожалению, нет. Только снаружи. — Полина смутилась. — Очень внушительно.

— Заходите непременно! У нас Библейские чтения, дискуссии... Иногда такие баталии случаются. — Герхард хмыкнул и по-боксерски, кулаком потер подбородок. — Я сам иногда веду дискуссии, модерую. Заходите, непременно заходите... Кстати, заодно и познакомьтесь с родителями наших тигров. Каждый вечер в пять, кроме воскресенья и...

— И среды, — закончила Полина.

— И среды... — смеясь, повторил он.

На улицу Розенкранц опускались ранние ноябрьские сумерки: полдня лил дождь, а когда наконец распогодилось, у солнца едва хватило духу позолотить края уползавших на восток туч да

подкрасить розовым кресты на кладбище. Красные листья налипли на глянцевый асфальт, как переводные картинки, Полина старалась на них не наступать.

Она уже подходила к дому. Сунув сумку под мышку, достала ключ. Поднимаясь по ступеням, она услышала шум с соседнего крыльца. Она повернулась — старик-сосед, поскользнувшись, неуклюже взмахнул руками, пытаясь то ли взлететь, то ли поймать ручку двери. В последний момент он уцепился за поручень, но скользкое после дождя дерево подвело, и дед с грохотом скатился по ступеням. Полина непроизвольно засмеялась, злорадное «так ему и надо» сменилось стыдом, а после испугом — старик не двигался. Он лежал на бетонных плитах дорожки, выставив вверх кадык и поджав под себя ногу. Другая штанина была пустой.

Полина, не отрывая взгляда от пустой штанины, медленно спустилась вниз. Наклонилась над стариком, опасливо вглядываясь в серое лицо. Дед простонал и открыл глаза.

— Ух, курва мач... — просипел он.

От него разило спиртным, Полина отстранилась.

— Дай руку. — Старик, кряхтя, приподнялся на локте. — Башку не расшиб? — спросил он. — Крови нет?

— Нет. Вроде. — Полина нагнулась, старик ухватил ее за шею, вместе они выпрямились, ста-

рик крикнул, вцепился в перила. Он оказался неожиданно легким, Полина запросто могла бы поднять его, как ребенка, и донести до двери, но сосед ловко, по-крабьи, подтягиваясь и прыгая на одной ноге, сам вскарабкался на крыльцо. Полина, поддерживая его, поднялась вместе с ним. Рядом с креслом-качалкой лежал протез — в черный ботинок маленького, почти детского размера была вделана стальная штанга, которая оканчивалась пластиковой культей тошнотворно телесного цвета с пуганицей кожаных ремешков, напоминавших сбрую. У двери стоял костыль; сосед, кряхтя, дотянулся до него, толкнул дверь. Оттуда пахло прокисшими окурками.

После улицы внутри было темно, как в чулане. Усадив старика в разлапистое кресло, Полина вернулась на крыльцо, брезгливо отставив руку, принесла протез и положила рядом со стариком.

— Эй, — сосед, морщась, тер локоть, — курево подкинь, вон пачка на столе.

Полина молча принесла пачку. Старик, прикусив сигарету зубами, быстро зашарил по карманам.

— Мать твою... — пробормотал, добавил громче: — Там, на кухне, спички.

Полина вернулась, гремя коробком. Старик глубоко затынулся, закрыл глаза. Полине невыносимо захотелось курить. Старик выпустил дым и жадно затынулся опять. Полина отвернулась.

Гостиная казалась огромной. Высокие потолки с лепниной по углам, люстра, закутанная в тряпку, похожую на саван, широкие доски темного паркета на полу. Сквозь три узких окна за пыльными шторами едва пробивался свет. Обои — золотые узоры на неясном фоне, выцвели, местами отклеились и свисали драными полосами, обнажая грязную побелку. В комнате почти не было мебели: в углу стоял темный низкий комод, из выдвинутого ящика которого свисал белый рукав рубахи, на стене рядом с жирным пятном, похожим на профиль турка, висела фотография, а над ней парадная сабля с золоченым эфесом. В другом углу стоял ломберный стол с инкрустацией и ожогами от окурков, рядом — длинная и неудобная на вид софа.

— Чего стоишь? — с грубой веселостью сказал дед. — Закуривай!

— Спасибо, я не... — Полина запнулась. Быстро, словно боясь передумать, вытянула сигарету из пачки, зажгла. От первой затяжки голова поплыла, нервотрепка сегодняшнего дня разлилась тяжестью по телу, Полина оглядела комнату и устало села на крышку комода, незаметно заправив белый рукав обратно в ящик.

— Тадеуш Стобский зовут, — старик сипло представился, стряхнув пепел на грязный дубовый пол. — Можно просто Тед.

— Полина... Рыжик, — ответила Полина и тоже стряхнула пепел себе под ноги.

— Чи пани муви по-польску? — ухмыляясь, хмуро спросил дед.

Полина отрицательно мотнула головой. Поглядела на люстру в балахоне, подумала, что похоже на повешенного карлика.

Докуривали в тишине. Тед Стобский, морщась от дыма, бросил окурок на пол и придавил ботинком. Полина так поступить не решилась, она сунула бычок под струю воды и кинула в мусорное ведро.

— Ну, я пойду, — Полина попятилась к выходу. — Если что... чего-нибудь купить... вы не стесняйтесь. Я с удовольствием.

Тед мрачно закивал и отмахнулся.

— Да, ладно, ладно...

Она улыбнулась, раскрыла дверь.

— Эй, слышь? — позвал старик. — Как тебя... Полина. Погоди...

Она повернулась, стоя на пороге.

— Как тебя занесло сюда? В этот... Данциг... — с отвращением проговорил дед.

Полина ждала, что он скажет дальше.

— Первый город, который захватил Гитлер, назывался Данциг. Порт в Польше. Оттуда война началась. Это наш город — польский, понимаешь?

Полина пожала плечами.

— Ты думаешь, там кладбище? — старик¹ ткнул пальцем в окно. — Нет. Тут везде кладбище, везде.

Этот город на костях стоит. На костях и крови. Бесово место... Сначала конкистадоры, испанцы. Эти всё золото искали...

Старик засмеялся, потом закашлялся.

— Золото, мать их... Перебили всех индейцев, после сами от болезней передохли. Золота так и не нашли. Из Вирджинии сюда перекочевали племена чероки, это лет триста назад. Ну а потом, когда белые от побережья решили двинуть на юг, — он корявой смуглой рукой показал, откуда и куда двигали белые. — Перед караванами поселенцев отправляли карательные отряды. Артиллерия против стрел и луков — сама понимаешь, много так не навоюешь. Недобитых чероки отправили в резервации, в Арканзас. Половина индейцев умерла по дороге. Ну а после сюда вся эта немчурка потянулась.

Он мрачно усмехнулся:

— Вот такой вот город Данциг.

16

«Он сеял зло без наслажденья, И зло наскучило ему». Чутье не подвело Полину — именно Лермонтов помог ей в самом начале ее робкого учительства. Мрачный романтизм, inferнальная желчь, безответная любовь русского лейб-гусара оказались созвучны проблемам американских под-

ростков. Их завораживала неприкаянность эгоиста Печорина, кровожадность наивных горцев, дуэльная пальба на фоне заснеженных хребтов, тусклое сияние дамасских клинков, шелест перепончатых крыльев тоскующего демона, сонные туманы в долинах, короче, вся та мишура, что интересует все поколения при переходе из детства непонятно куда.

Постепенно Полина перестала бояться своих учеников, они оказались все-таки детьми, вопреки вполне убедительной маскировке под взрослых людей. Учительство даже начало ей нравиться, если не считать легких приступов отчаяния, когда класс выходил из-под контроля и урок шел вразнос, превращаясь в базар, балаган, изредка в ад.

Почти все девицы, не считая долговязой Долорес Ригс, были влюблены в сына шерифа, чернявого красавца Михаэля Ленца. Даже высокомерная отличница Хильда кидала томные взоры в его сторону из-под толстых очков. Сам Ленц не отдавал предпочтения никому и был со всеми одинаково флегматично приветлив. Полину Ленц раздражал, она получала тайное удовольствие, если ей удавалось как-то уязвить его, подловить на неточности или ошибке. Знала, что это нехорошо, но ничего не могла с собой поделать.

Случались и темные дни. Иногда, без особой причины, на нее нападала меланхолия, она сла-

дострастно погружалась в самоистязание: жизнь проходит, сочится бесцельно, ни надежд, ни перспектив. В лучшем случае она состарится в этой дыре, в худшем ее выгонят и ей некуда будет податься.

В добропорядочном Данциге Полина чувствовала себя вызывающе одинокой, местные жители напоминали укомплектованные наборы: все были пристроены в пары, в семьи, в группы. Неприкаянным был лишь хромой сосед-поляк, который считался почти официальным изгоем и был терпим городской общественностью лишь как назидательный образец морального и физического падения человека.

Впрочем, Тед Стобский оказался не таким уж законченным негодяем. На самом деле он был майором военно-воздушных сил, бывшим вторым пилотом (если пилоты бывают бывшими или вторыми) истребителя F-4 «Фантом», ногу он потерял в самом конце вьетнамской войны. Историю эту Полина слышала уже раза четыре, дважды эта история стала центральным сюжетом ее ночного кошмара, полнометражного и цветного. У старика был сын по имени Грэгори, где-то в Калифорнии, но Тед о нем говорить не любил.

Раз в два месяца Теду доставляли «паек». Утром в среду, собираясь в школу, Полина видела из окна ванной, как к соседскому дому беззвучно подкатил черный пикап. Шофер выгрузил из багажника несколько безмянных коробок, проворно

заволок их на крыльцо, воровато озираясь, прыгнул в машину и, пыля, исчез за кладбищенской оградой.

— Зиг боится через город ездить, — объяснил вечером старик. — Его лавку и так поджигают каждый год.

«Паек», доставленный утром, был распакован, он состоял из дюжины бутылок «Джек Даниелс» и пяти блоков сигарет «Кэмел». Солдатских, без фильтра. Полина вспомнила, что именно эти сигареты ее соседская подружка Лори воровала у отца, потом они тайком забирались на чердак и там учились курить взятяжку. У Лори была своя система: набрав полный рот дыма, нужно было удивленно воскликнуть: «Ой, мама!»

Полина перемыла у старика всю посуду, нашла в кладовке швабру и ведро и уже хотела вымыть пол, но старик сказал, что если она не прекратит суетиться, то он двинет ее костью. Сошлись на венике, после Полина протерла пыль. Старик тянул бурбон, утонув в своем кресле, время от времени хмуро напевал:

— Прощай, моя рыжая Нэнси,
Не скоро увижусь с тобой,
Прощай, моя рыжая Нэнси,
Грохочет волна за кормой.

Дальше этого куплета дело не продвигалось, старик замолкал, курил, потом мрачно затягивал

песню снова. Иногда вместо Нэнси возникала Кэрол или Сюзан, Полина подумала, что, может, в этом и был смысл данного музыкального произведения.

В соседней комнате, обставленной, как кабинет, с дубовым письменным столом, медной лампой под толстым плафоном зеленого стекла, книжными полками и мертвым телевизором Полина открыла шкаф. В пустой черной утробе висела парадная форма, настолько белая, что ей показалось, что материя сияет. Полина потрогала бронзовые трилистники в петлицах, медали — она насчитала шесть, витые из золотых ниток аксельбанты, шевроны с блестящими пропеллерами и звездами.

На книжных полках, столе, телевизоре стояли пластмассовые модели военных самолетов, какие обычно дарят мальчишкам на Рождество в пестрых коробках с надписью «Собери сам!». Полина улыбнулась, спросила. Старик, смутясь, закашлялся, чертыхаясь, отмахнулся.

Через неделю она принесла ему коробку. Молча протянула, старик с хмурой торопливостью разодрал хрустящую подарочную бумагу.

— Матка боска! Это ж...

В коробке была сборная модель истребителя «Фантом» для детей от восьми до пятнадцати лет. Дед медленно поднял голову, посмотрел Полине в глаза. Она засмеялась, чтоб не заплакать. Горло

противно сжалось, она отвернулась, подошла к стене, сделала вид, что разглядывает фотографию рядом с парадной саблей.

Сборка модели истребителя прошла не совсем гладко, руки старика тряслись, мелкие детали выскальзывали из пинцета, крошечные шасси, пулеметы разбегались по столу, Тед злился, костерил глаукому и отчаянно матерился по-польски.

— Вот сюда, гляди, — дед тыкал желтым корявым ногтем в брюхо «Фантома». — Вот прям сюда гуки вlepили нам ракетой... Мы только отбомбились, а за день до этого Дюк Каннинхем сбил свой третий «Миг». Я был ведомым у Дюка, мы уже шли на базу, когда с севера появились четыре гука. Мы тогда все пытались завалить полковника Нгуена Туна, вьетнамского аса, — Тед засмеялся. — Потом оказалось, что никакого Туна не было, его придумали косоглазые комиссары.

Полина знала историю наизусть.

Ракета земля-воздух прошла по касательной, но управление заклинило. На горящем истребителе им удалось дотянуть до океана, где их могли подобрать сторожевые катера Второго флота. Катапультироваться над джунглями было самоубийством или грозило пленом, что было немногим лучше. Тед передал в эфир координаты и вслед за первым пилотом вылетел из кабины. Парашют едва успел раскрыться, но вода смягчила удар. Вынырнув, он увидел, как на горизонте вспыхнул огненный шар, потом долетел тугой

гром — там взорвался их «Фантом». Тед отстегнул парашют, спасательный жилет, включил аварийный проблесковый маяк, первый пилот Самми Аткинс из Сан-Диего барахтался метрах в двухстах на север. Тед, экономя силы, начал неспешно грести к нему. Вода была спокойной, волны медленно катили в сторону туманной береговой полосы. Тед был уверен, что катера появятся до захода солнца. Тут Самми замахал руками и что-то закричал — Тед решил, что он заметил катер. Это были акулы.

Полина торопливо закурила, обхватив колени и уткнув в них подбородок. Старик закурил тоже и глухим безразличным голосом продолжил:

— Сколько их приплыло — десять, двадцать? Они водили хоровод, постепенно сжимая кольцо. Я видел их острые спинные плавники, блестящие, словно отлитые из тугой резины. Для страха нужна информация, я вырос в Теннесси, Самми — на берегу Пасифика, он был в курсе. Когда они подобрались вплотную, Самми достал табельный кольт и выстрелил себе в голову. Акулы разорвали его на моих глазах. Вода бурлила розовыми пузырями, над нами орали чайки — они тоже рассчитывали поживиться; через пять минут все было кончено. Думаю, эти пять минут и спасли мне жизнь, Самми Адамс спас мне жизнь.

Старик затянулся и зло придушил окурок в пепельнице.

— Самми Адамс и моя трусость. Мне тогда показалось, что вокруг меня не меньше сотни акул, кровь привлекла всех окрестных тварей. Они кружили вокруг, пялясь своими мертвыми, как пуговицы, глазами. Я достал пистолет, начал стрелять в акул. Пули не причиняли им вреда, я считал выстрелы; когда остался последний патрон, я сунул ствол себе в рот.

Тед замолчал, поглядел Полине в глаза:

— Знаешь, я не смог нажать курок.

Он заморгал, отвернулся.

— Потом появился катер береговой охраны, ребята крошили акул из крупнокалиберного пулемета. Когда меня вытащили на палубу, нога болталась на сухожилии, из бока был выдран кусок мяса, в руке я продолжал сжимать свой кольт. Самое забавное — в обойме не осталось ни одного патрона, я просто обсчитался. Так что даже если бы у меня хватило духу спустить курок... — Тед хмуро ухмыльнулся и покачал головой. — А через неделю в госпитале Лам Шон я услышал по радио Никсона, президент сказал, что война была ошибкой.

Старик помолчал, потом вдруг спохватился:

— Что ж ты, холера ясна, номера на фюзеляж лепишь? На крылья, на крылья надо!

Полина, охнув, попыталась отодрать, но клей уже намертво прилепил кусочки прозрачного целлофана к корпусу «Фантома».

17

В воскресенье Полина наконец собралась в церковь. Уходя, Полина заметила, что колготки поехали. Она уже решила плюнуть и остаться дома – больше всего хотелось забраться обратно в постель и продряхнуть до полудня. Собрав остатки воли, она вернулась наверх и переоделась.

Служба уже началась, Полина, стараясь не шуметь, протиснулась в дверь. Орган между фразами вздыхал, словно страдал астмой, звуки в высоком регистре получались резкие, почти визгливые, но как только вступил хор, Полина перестала это замечать. Детские голоса, поначалу робкие, постепенно окрепли, зазвучали округло и нежно, перекликаясь с собственным эхом, они поднимались чуткими волнами и уплывали вверх. Полина подняла голову, сквозь витражи утренний свет разноцветными полосами врывается в собор, наполняя воздух мерцающим звоном.

Она устроилась сзади, рядом никого не было, прихожане прилежно заняли первые ряды. Опустившись на жесткую скамейку, она застыла, разглядывая желтые, синие и красные пятна, ползущие по каменным узорам дальней стены, по гипсовым ликам неизвестных святых, по складкам на их хитонах. Орган загудел басом, тугим и мощным, Полина ощутила звук низом живота, из хора

вдруг выпорхнул прозрачный фальцет и, взлетев на невообразимую высоту, принялся плести хрустальные кружева: «Прими, Святой Отче, Всемогущий Вечный Боже, сию непорочную жертву, которую я, недостойный раб Твой, приношу Тебе за бесчисленные грехи мои...»

Голос, беззащитный и одинокий, парил где-то в высоте, подpiraемый хрипатыми аккордами органа и гудящими басами хора. У Полины в горле встал ком, она непроизвольно всхлипнула.

— За грехи мои, — повторил хор, словно эхо от грозы прокатилось вдали.

— За грехи мои... — прошептала Полина, вытирая глаза ладонями. — За грехи...

Стало вдруг легко и горько, но, главное, бесконечно радостно, будто какая-то ложь, которая ее долго мучила, наконец раскрылась. Она ощутила стыд, но одновременно и свободу, она пыталась разобраться, что с ней творится, откуда этот восторг, пыталась не упустить какие-то нити, она чувствовала, что решение прячется совсем рядом.

На приделе, прямо над алтарным престолом, сияли золотом ковчеги и дароносицы, сакральные чаши, посередине стоял крест, но не распятие, а простой деревянный крест. Кто-то в длинных белых одеждах и островерхом капюшоне тихо вышел из ризницы, опустил перед престолом на одно колено. Сделав несколько крестных знамений, он легко поднялся, дошел до конца приде-

ла, взял большую книгу в сияющем окладе, поцеловал ее и раскрыл.

— Евангельскими изречениями да изглядятся наши прегрешения. — Сильный баритон перекрыл хор и орган, Полина с удивлением узнала голос школьного директора. Пропев Символ Веры, он снял парчовый покров с чаши, вознес хлеб. Музыка и пение оборвались, эхо испуганно шарахнулось меж стен и стихло.

— Непорочную жертву прими, — повторил Герхард Галль, Полина поразилась чистоте директорского баритона. — Всемогущий Вечный Боже, за грехи наши, бесчисленные и неоткупные. К доброте твоей уповаем, недостойные в раскаянье, омертвевшие в пороке. Святой Отче, прости нас, грешных, дай избавление.

Орган загудел, хор стройно запел: «Прости нас, грешных, дай избавление». Прихожане подхватили, громко и старательно, но вразброд, они с шумом опускались на колени, крестились, Полина тоже встала на колени и начала креститься, повторяя: «Прости нас, грешных, дай избавление». Кто-то, всхлипывая, зарыдал в голос. Герхард, с хмурым, бледным лицом, стоял перед престолом, белый и торжественный, он, протянув руки к пастве, держал чашу и хлеб.

Служба закончилась, мальчишки с серебряными подносами пошли по рядам собирать пожертвования. Полина, не стесняясь слез, вы-

нула десятку, положила в ворох мятых купюр. Церковь наполнилась гулом приглушенных голосов, кашлем и сморканием, люди потянулись к выходу. Высокие двери распахнулись настежь, с улицы сразу потянуло стылой свежестью, а когда Полина вышла наружу, небо вдруг налилось серым и оттуда повалили крупные тяжелые снежинки. Полина, улыбаясь, подставила лицо, снежинки были похожи на холодный гусиный пух.

Вернувшись домой, она поднялась наверх. Села на кровать, не отрывая взгляд от окна, от беззвучно кружащего снега. Она боялась расплескать это внезапное чувство тихого счастья. Ей казалось, что неосторожный жест, громкий звук могут в два счета разрушить состояние странной гармонии, состоящей из душевного покоя и болезненной легкости, какая бывает после трудного выздоровления.

Чуть улыбаясь, Полина подумала, что загадка оказалась на изумление проста: достаточно было выйти из круга и взглянуть на себя со стороны. Ведь порочность заключается именно в самом принципе, в том, что с младенчества нас приучают считать себя точкой отсчета, центром мироздания. «Я», наше эго является мериллом всего в этом мире, мы используем себя, как безупречный эталон; события, предметы, люди — все, абсолютно все получают оценку не

сами по себе, а лишь исходя из того, насколько они удобны, интересны, добры по отношению к моему «Я». Ведь любое явление, не меняясь по сути, может стать из скверного восхитительным, стоит нам взглянуть на него под другим углом. И угол зрения всегда один и тот же — наш эгоизм.

Полина вспомнила про Библию в шкафу. Она достала книгу, открыла на Евангелии, стала листать. На некоторых страницах были карандашные пометки, фразы и целые абзацы были подчеркнуты, в одном месте карандаш порвал бумагу. Полина прочла подчеркнутое: «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет».

На другой странице был обведен абзац:

«Истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную».

Полина задумчиво пролистала дальше. Кто-то с нажимом подчеркнул: «Если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники любящих их любят. А ты полюби врага своего, как брата родного».

— Врага полюби... — прошептала Полина. Она пролистала Библию до конца, последняя страница была вырвана. На обороте обложки проступали следы карандаша, давленная вязь букв; кто-то,

написав на последнем листе, вырвал его. Полина подошла к окну, наклонила под углом к свету, пытаясь разобрать. Ничего, кроме слова «наконец», понять не удалось.

Она выглянула в окно, снег сыпал плотной мягкой стеной, он уже завалил улицу, превратив машины на обочинах в могучие сугробы. Засыпал кладбище, там по белому бутристовому полю торчали аморфные кругляши, похожие на шарики сливочного пломбира. Полина прижала лоб к стеклу, затаила дыхание — все это происходило в полной тишине, торжественной и пугающей, словно во всем мире внезапно отключили звук.

Ближе к вечеру позвонила Вера Штаттенхаммер, воркуя, сообщила об отмене занятий на понедельник.

— Ввиду экстраординарных метеорологических условий, — ласково заключила она.

Полина поблагодарила и твердо спросила:

— Вера, скажите, а кто тут до меня жил?

— А что? — вопрос прозвучал настороженно. — Если какие-то недоразумения с отоплением или там с канализацией... или что-то по электрической части...

— Нет, тут всё в порядке. Просто я хотела...

— Что?

Полина почувствовала, что Вера тянет время и все равно ничего не скажет.

Пауза затянулась, госпожа Штаттенхаммер вежливо прокашлялась на том конце:

— Ну, я тогда вам завтра позвоню, мисс Рыжик. Спокойной ночи.

18

Снег растаял к концу недели, уже в пятницу вовсю жарило какое-то совсем летнее солнце, к решеткам ржавых водосточков говорливо бежали потоки талой воды, пористые остатки льдистых сугробов прятались по синим теням домов, деревьев и под стеной кладбища. Мокрый город отливал стеклянным блеском, до Рождества оставалось десять дней.

Полина, весело щурясь на солнце, была чуть на взводе — в конце урока она сдуру сцепилась с отличницей Хильдой, пытавшейся доказать, что сцена смерти брата Левина является ключевой в романе. Уже подходя к дому, Полина придумала чудесные разгромные аргументы, а тогда в классе в голову лезли банальности, неубедительные именно из-за своей банальности. Вообще, на «Карениной» настоял Герхард, Полина предлагала безопасную «Войну и мир», там ни сюжет, ни герои особых сюрпризов не таили: первый бал, старый дуб, картонный Наполеон, дубина на-

родной войны и даже пьяница и дуэлянт до слез любит мать-старушку.

С «Карениной» же с самого начала пошла неразбериха. Полина, перечитывая роман, неожиданно выяснила, что ей стал гораздо симпатичней Каренин, а Вронский, от которого она млела в юности, теперь выглядел туповатым эгоистом, к тому же он был лысоватым коротышкой, а не статным красавцем графом с золотистыми локонами до эполетов, каким наивно рисовался в ее девичьем воображении. Наибольшую угрозу таила сама Анна, но об этом Полина решила пока не думать — чтение и обсуждение застряло на середине романа, увязнув в Левинской женитьбе, смерти брата, деревенской жизни и несуразности ортодоксальной религии.

Майор в черных очках и распахнутой летной кожанке на голое тело грелся на крыльце, покачиваясь в кресле. Полина услышала знакомый скрип, подходя к дому. Старик, не доверяя особо солнцу, согревался изнутри, потягивая бурбон прямо из бутылки. Он махнул соседке рукой. Полина, звеня ключами, открыла дверь, сухо кивнула и попыталась побыстрее прошмыгнуть.

На самом деле не случилось ничего, просто Полина стала замечать, что старик как-то

изменился к ней. Теперь он называл ее «ясна пани», при встрече целовал мокрыми губами руку, а иногда и в щеку, при случае старался приобнять за талию или плечо. При всей жалости к Теду Полину передергивало от одной мысли, что за этим может скрываться какая-то физиология. Она была готова помогать, мыть посуду, клеить дурацкие аэропланы, развлекать — все это от чистого сердца, но представить себя объектом эротических фантазий старика — это было чересчур.

В дальнем уголке ее памяти пряталась давняя детская история, когда она, гуляя по подлеску у себя в Нью-Джерси, наткнулась на мертвую собаку. Это был золотой ретривер, кто-то привязал бедолагу к сосне и оставил. Полина сначала не поняла, заметив желтую шерсть, она подумала, что это мохнатый ковер или старая детская шуба. Подойдя ближе, она увидела натянутую веревку, грубую и толстую, приотанную крепким узлом к ошейнику, белозубый длинный череп с остатками шерсти. Тело липкой тряпкой лежало на земле, плоско, лишь ребра топорщились, как большой белый гребень. В районе живота что-то копошилось, Полина, уже против своей воли, сделала шаг, потом другой и увидела мелких белых червей.

История забылась, но ощущение омерзения, похоже, отпечаталось навсегда в ее сознании

и всплывало, словно послевкусие, время от времени. Вот и сейчас на Полину против ее воли накатывала тошнотворная волна от робких прикосновений старика и его собачьего взгляда.

— Ясна пани, заходи в гости! — услышала Полина, ей почти удалось захлопнуть дверь. Почти.

Соврав скороговоркой, сбивчиво и неуклюже, что занята, что надо подготовиться, что завтра трудный день, она, громко топая, поднялась в спальню. Разделась, зло раскидав тряпки по комнате. Стоя в душе под горячей, как кипяток, водой, она смотрела, как затуманивается от пара зеркало, как отражение ее розового тела постепенно светлеет, становится прозрачным и постепенно исчезает под белой пеленой.

— А может, я все придумала? — пробормотала она; от неожиданности этой мысли она застыла. Может, я приписываю несчастному калеке свои похотливые, трепетные мыслишки и желания? Только не врать себе! Мы-то знаем, какие сны нам снятся и чем мы занимаемся в спальне! Все эти потные нежности, липкие фантазии, сотканые из упругих погонь и страстных схваток. А, ясна пани?

Ее соски набухли, она чуть сжала их пальцами. Провела ладонью по животу вниз, кожа была скользкая и горячая, волосы на лобке отросли и щекотно кололи руку. Полина, прерывисто

вдохнув, подняла голову, подставила лицо под жаркие струи.

— Какая же ты, в сущности, сучка... — улыбаясь, прошептала она.

Солнце надулось красным и уже подбиралось к трубе. Полина, распахнув дверь, вышла на крыльцо. Сосед благодушно сдвинул очки на лоб, улыбаясь, повернулся.

— Тед, — решительно начала Полина. — Мне нужно поговорить с вами. Не поймите меня превратно, — она говорила быстро, чувствуя, как стремительно улетучивается азарт, ей стало абсолютно ясно, что если она не выскажется сейчас, то у нее не хватит духу сказать это вообще.

Сумбурно выпалив все, она, до боли сжав кулаки, с ужасом застыла. Старик, выслушал ее, щурясь и вглядываясь куда-то вдаль, словно предмет разговора не очень занимал его. Улыбка приклеилась к его лицу, но постепенно она стала похожа на гримасу. Слышалась музыка, мелодию было не угадать, доносился лишь бас, бродящий вперевалку где-то на другом конце города. Полина уже костерила себя, молила, чтобы старик не обиделся. Вот ведь черт ее дернул! Пусть усмехнется, скажет, ну, ты, дочка! Вот ведь напридумывала! Но майор молчал.

Потом он гулко стукнул костылем в доски крыльца, ухватившись сухой рукой за перила, резко поднялся. Кресло пискнуло и весело зака-

чалось на гнутых полозьях. Не глядя на Полину, дед прохромал к двери, стукнул ее резиновым набалдашником протеза. Повернулся, глядя исподлобья, тихо проговорил:

— Я очень хочу, чтобы через много лет, когда твоя сочная розовая манда превратится в сухую морщинистую щель, какой-нибудь остроумный юный кавалер повторил эти слова тебе.

И он с треском захлопнул за собой дверь. Полине показалось, что кто-то саданул ей под дых, она часто глотала воздух сухим ртом, но в горле стоял ком, она задыхалась. В голове сновали обрывки мыслей, какие-то фразы, отвратительное слово «манда» гудело, как колокол, постепенно до нее дошло, что она сделала что-то ужасное.

— Господи... — прошептала она, трогая лицо, как слепая. — Как все получилось ужасно...

Она не могла двинуться с места, словно разучилась ходить, стояла, беспомощно перебирая пальцами по одежде, словно оправляя складки. Солнце огненным боком выглядывало из-за трубы, вспыхнуло и скрылось. Полина медленно повернулась, хотела вернуться домой, но, бросив взгляд на пустое соседское кресло, бегом спустилась с крыльца. Подбежав к машине, дернула дверь, ключи остались дома. Полина, крикнув что-то злое в лобовое стекло, махнула рукой и быстро пошла в сторону центра, перескакивая через темные лужи талой воды.

Она очутилась перед собором, остановилась. Ноги промокли насквозь, стало холоднее, уже опускались сумерки. Поднявшись по ступеням, толкнула дверь. Оказалось открыто. Внутри стояла густая темень, тепло пахло воском и чем-то ванильным, алтарь моргал тусклыми свечками, отблесками на стекле и позолоте. Витражи налились сочными вечерними цветами — рубиновым, словно остывающие угли, и глубоким ультрамарином.

Бесшумно подойдя ближе к алтарю, Полина села на скамью, перевела дыхание. Свитер прилип к мокрой спине и противно охлаждал тело. Полина закрыла глаза, сложив руки, крепко сжала ладони. Она хотела молиться, но не смогла вспомнить слов, тогда она тихо зашептала:

— Господи, помоги мне! Скажи мне, почему я такая дура, господи? Такая испорченная, эгоистичная дрянь? Почему у меня ничего не получается, почему мне так не везет?

Она вздохнула, попыталась вспомнить то ощущение тихого счастья, которое она испытала здесь прошлым воскресеньем. Ногти до боли впились в ладони, от бессилия она тихо застонала — ничего не получалось. Полина сдалась, уткнулась подбородком в спинку передней скамьи.

Она заметила перед алтарем темную фигуру, свечи отбрасывали на каменные плиты церковного пола горбатую тень. Полине отчего-то стало неловко, она была уверена, что в храме никого

нет, что она тут одна. Разглядела непомерно большие рифленые подошвы резиновых сапог белого цвета. Молящийся, словно ощутив спиной взгляд, привстал, перекрестился и, гулко топая сапогами, тяжело побрел вдоль прохода. Просторный, рыбацкого покроя плащ с капюшоном, неуклюжие голенища высоких сапог, все казалось велико, словно ребенка обрядили во взрослую одежду. Под капюшоном сверкнули очки, Полина удивленно прошептала:

— Хильда?

Та, вздрогнув, остановилась.

— Вы? — отличница что-то пробормотала, смущенно добавив: — Я думала, вы...

Она запнулась, а Полина закончила:

— Атеистка?

Хильда смутилась еще больше, понуро замолчала, не зная, куда девать руки. Сунула наконец в карманы.

— Сядь, — тихо попросила Полина, отодвигаясь вправо по лавке. Хильда неуверенно присела, гремя сапогами.

В конце бокового нефа, под хорами у алтаря горел тусклый фонарь, похожий на тюремный. Желтый свет падал на вязанки соломы, какие-то бревна, изображавшие стойло. Раскрашенные манекены почти в человеческий рост — бородатый Иосиф, корова, две овцы, Мария в синей накидке с распущенными волосами. Она держала белый кулек, впрочем, самого Спасителя видно не было.

Разглядывая румяные кукольные лица, нелепость поз (Иосиф, очевидно, был неустойчив, он был привязан бечевкой к стене), Полина вновь вспомнила то ощущение счастья, чувство ни с чем не сравнимого покоя, тот абсолютный восторг.

«Неужели им не понятно самим, — с досадой подумала она, — ведь они же этим все только портят».

— Хильда, скажи мне, — тихо сказала она. — Кто у вас преподавал раньше... до меня?

Полина почувствовала, как девчонка, вздрогнув, выпрямилась, она не ответила, лишь скрипнула плащом по скамье.

— Это она жила в том доме, у кладбища? Где я сейчас...

Хильда вжала голову в плечи, засопела. Полина с трудом вытянула ее руку из кармана, нащупала холодный, как камень, кулак. Ее собственная ладонь горела. Она повернулась, приблизила свое лицо к темноте под капюшоном.

— Мне одиноко и страшно, — прошептала Полина. — Ведь ты веришь в Бога, я знаю, ты веришь... Пожалей меня. Пожалуйста, прошу тебя... Сделай, как Он, пожалей.

Хильда разжала кулак, Полина вцепилась в ее ладонь.

— Вам нужно уехать... — глухо сказала она, прокашлялась, эхо отдалось в сводчатом потолке. — Уехать.

— Куда? Почему?

— Она не оставит вас в покое... Волчица.

Полина хотела что-то сказать, но девчонка перебила ее:

— Это не сказки! Вы не здешняя, вы просто не понимаете. Не знаете...

— Знаю, я читала. — Полина неуверенно добавила: — Колинда, которую сожгли, да?

— Нет, нет, — девчонка замотала головой. — Вы ничего не понимаете, это Данциг. Данциг! Уезжайте, пожалуйста, просто уезжайте! Ничего не спрашивайте, уезжайте, и все!

Она откинула капюшон, сдернула очки, всхлипывая, закрыла лицо ладонью. Полина растерянно молчала. Хильда сквозь всхлипы повторила:

— Уезжайте! Я вас умоляю, уезжайте отсюда!

Полина перебила ее:

— Да некуда мне... Просто некуда.

Хильда вдруг замолчала, рассеянно опустила руки, открыв лицо. Нижняя губа ее была разбита в кровь, распухла и уже наливалась синим.

19

Усталая и окостеневшая от холода, Полина плелась домой по темным улицам Данцига, она хотела срезать, свернув на Принцен-аллее, но вышла к каким-то складам, потом повернула на-

право и окончательно заблудилась. В одноэтажных хибарах кое-где еще горели желтые огни, тусклые фонари на столбах светили себе под ноги, не освещая ничего, кроме мелкого мусора и трещин на асфальте.

Полина шла вдоль косых заборов и чахлах садов, она никогда не бывала в этой части города, даже не знала о ее существовании. Сквозь голые деревья пялилась полная луна, рыжеватая, раздутая, словно беременная. За все время ей не встретился ни один прохожий.

Она остановилась, огляделась по сторонам. С равным успехом можно было идти в любую сторону. Придется спрашивать дорогу: вздохнув, она выбрала дом с горящим окном, пройдя вдоль ограды, нащупала калитку, открыла. Тихо ступая по дорожке, поднялась на крыльцо, постучала в дверь. Прижав ухо, прислушалась. Постучала еще раз, уже громче. Свет в окне погас. Полина хотела стукнуть еще, но передумала и побрела назад.

Подойдя к соседнему дому, она прокралась вдоль стены, заглянула в окно с нарядной тюлевой занавеской. За кухонным столом сидела толстая тетка в бигудях и розовой ночной рубашке, перед ней стояло плоское оловянное блюдо с крупной жареной курицей. По столу лениво гулял кот. Тетка толстыми пальцами ухватила птицу за ноги и беззвучно разорвала тушку пополам, желтый жир потек к локтям, тетка ловким

языком слизнула каплю с руки. Кот зевнул и выгнул спину. Полина почувствовала, что ее сейчас вырвет, она сглотнула и отвернулась.

Она решила вернуться назад, но вдруг поняла, что не может понять, откуда пришла — заборы, деревья, дома, все вокруг казалось одинаковым, она дошла до фонарного столба, остановилась в желтом конусе дохлого света. Рывком расстегнула куртку, потрогала лоб — неужели жар? Только этого не хватало... Она прислонилась спиной к фонарю, растерянно огляделась по сторонам и пошла наугад.

Луна поднялась, стала ярче и белей, от рыжей хворобы не осталось и следа. Сетчатые тени от голых деревьев лежали на слепых стенах домов, змеились по асфальту, Полине мерещились трещины, и она инстинктивно обходила их. Вдали завyla собака, лениво, будто зевая. Заборы кончились, Полина очутилась на окраине. Вдаль уходили пустынные холмы, пологие, с тусклыми от лунного света макушками.

— Как океан, — пробормотала Полина, стерла рукавом пот с лица. — Точно жар. Вот некстати...

Сразу после черной роши начиналась какая-то стена, похожая на ограду, за стеной толпились тени, дальше шли крыши, трубы, верхушки деревьев, вдали силуэтом торчала какая-то башня. Полина вскрикнула — она узнала пожарную каланчу.

Словно разгаданная вдруг оптическая шарада, пейзаж вокруг сразу приобрел смысл, Полина тихо засмеялась: «Это задняя стена кладбища, прямо за ним моя улица». Она быстро пошла, стараясь не наступать на тонко затянутые стеклянным ледком лужи.

С одной стороны стена упиралась в заброшенный склад и старую мельницу, там и днем было не пролезть, Полина решила обойти кладбище с другой стороны. Она шла вдоль стены, наступая на свою уродливо прыгающую по асфальту тень, где-то снова завыла собака, Полина обернулась. У мельницы скользнула тень. Полина остановилась, часто дыша, вглядываясь в чернильную черноту. Завыла собака, теперь, кажется, ближе. Полина пошла быстрее. Задние ворота на кладбище были распахнуты настежь. Она остановилась. Если пройти через кладбище, то от главного входа до ее дома двести шагов. Если идти в обход... Сзади что-то хрустнуло, словно кто-то ступил в замерзшую лужу. Полина резко обернулась — никого.

— Ну! — она сжала кулаки и, будто преодолевая физическое препятствие, заставила себя войти в ворота. — Тебе сколько лет? Это ж по прямой, раз — и дома!

Оказалось, что не по прямой, аллея почти сразу уперлась в круглый то ли газон, то ли фонтан с ангелом посередине. Ангел, раскинув крылья, беззвучно дул в длинную трубу. Полина взяла

налево, дорожка запетляла между надгробий и крестов. У высокого склепа с пузатыми колоннами она свернула направо, попыталась вспомнить, где должна быть луна. Верней, где была луна, когда она входила на кладбище. Полина не помнила, она подняла голову — луна стояла в зените.

— Черт с ней, с луной. — Полина остановилась. Белесый свет, как просыпанный мел, тускло мерцал на макушках памятников, на каменных крыльях тоскующих ангелов. От лунного света тени казались еще глубже, еще черней. Полина отчетливо услышала хруст щебня за спиной. Она повернулась, кровь застучала в висках, ей показалось, что она сейчас потеряет сознание.

— Эй! — громко сказала она в темноту. Голос получился плоский и чужой, она почувствовала, как трясутся ее руки. В тишине опять завывла проклятая собака. Теперь уже совсем близко. Полина вздрогнула — собака? А кто тебе сказал, что это собака?

Она побежала, петляя между надгробий. Влетела в глубокую лужу, поскользнулась и упала, больно ободрав ладони. Лизнула — кровь с песком. Сплюнула, понеслась дальше. Неожиданно выскочила к ангелу с трубой — выходит, она просто бегала по кругу. Но это был не тот ангел, у этого одно крыло было отбито до половины. Полина, ухватив ангела за ногу, подтянулась,

влезла на постамент. Она сразу увидела каланчу, крышу своего дома, арка главного входа оказалась совсем рядом.

20

— Ну конечно, конечно, милочка! Выздоровивайте, — проворковала в трубку Вера Штаттенхаммер. — Тем более завтра, — голос секретаря радостно вспорхнул, — каникулы!

Полина повесила трубку, швырнула будильник в распахнутый шкаф, сморкаясь и кашляя, рухнула обратно в постель. Утреннее солнце уже доползло до кровати, но у Полины не было сил снова встать и задернуть шторы, она со стоном нахлобучила на голову подушку и проспала до часу дня.

В час она доплелась до ванной, распахнув дверцы, тупо тарасилась в шкафчик с коробкой тампонов, медицинской склянкой какой-то зеленой гадости и пустой упаковкой из-под аспирина. Градусника не было, но, взглянув в зеркало, она решила, что и так все ясно. Припав губами к крану, она долго глотала теплую, противную воду. Чай с малиной, вот что нужно. Или с медом. Полина, шатаясь, вернулась в спальню, заползла в постель и уснула снова.

Жар держался три дня, Полина спала или устало разглядывала унылую географию потолка: ветвистая река впадала в залив Лошадиной Головы, в углу желтел остров Протекшей Крыши, напоминавший камбалу с ногами.

Зазвонил телефон, помолчал минут пять, потом начал трезвонить снова. Говорить не было сил, она дотянулась и рывком выдернула шнур из стены.

После полудня солнечная трапедия доползала по стене до календаря, репродукция «Семи Смертных Грехов» сияла, как витраж, деталей было не рассмотреть, но Полина помнила эту картину по Прадо: позапрошлым летом она ездила в Европу и почти неделю провела в Мадриде. К живописи Босха, по-голландски педантичной, она осталась равнодушна, ей больше пришелся по душе пылкий Веласкес, но она отчего-то запомнила именно эту, пугающую своей примитивностью, картину.

Сюжеты на тему алчности, блуда, гнева напомнили ей тогда картинки по технике безопасности: толстяк, азартно пожирающий разносолы, что ставит на стол хозяйка, очевидно, совершал грех чревоугодия — внизу так и было подписано «Чревоугодие». Под вывеской «Гордыня» худосочная голландская дама вертелась перед зеркалом, которое ей подсовывал дьявол в образе служанки. Прелюбодеи, разумеется, занимались сексом,

а гневливые голландцы колотили друг друга кулаками и дубинами. Сюжеты грехов складывались в круг, что символизировало Господне всевидящее око, в зрачке которого расположился Христос, назидательно демонстрируя зрителям свои раны. Для особо непонятливых внизу стояла подпись: *Save save Deus videt* — «Бойся, бойся, ибо Господь все видит».

Полина перетекала из душного, липкого сна в полуобморочное пробуждение, отличить одно от другого было сложно — она и не пыталась, плыла по течению, покорно участвуя в замысловатых кошмарах. Кошмары имели фактуру влажной вязаной кофты грубой деревенской вязки; Полина, вывернув, никак не могла стянуть ее, потную и тяжелую, голова застряла в узкой горловине, шерсть лезла в рот, жарко царапала губы и глаза. От кофты жирно воняло жареной курицей.

Утро четвертого дня началось с грохота. Полина испуганно открыла глаза — внизу кто-то колотил в дверь. Крикнув «Сейчас, сейчас!», она кубарем сбежала по лестнице, звонко шлепая босыми ногами.

На пороге оказалась Хильда. Губа у нее почти зажила, желтоватый синяк был старательно запудрен, за спиной сияло волшебное утро. Хильда стояла в обнимку с продуктовым пакетом, из которого торчал зеленый хвост ананаса. Поли-

на вдруг поняла, что жар спал и что она выздоровела.

— Заходи, чего стоишь? — сказала она, пропуская Хильду в дом. Та прошла напрямиком на кухню, ухнула пакет на стол, молча стала вынимать снедь. Тем временем Полина, поднявшись наверх, натянула на пижаму мятый халат, стянула сальные волосы в хвост, нашла одну тапку, плюнула, сунула босые ноги в кроссовки. После кладбищенской прогулки они были покрыты коркой засохшей грязи.

Ананас, апельсины, ярко-зеленые яблоки, еще какая-то пестрая мелочь в сетке, бутылка рыжего сока — Хильда, распахнув холодильник, деловито распаковывала по полкам пакеты и коробки.

— Тут — яйца, тут — грудинка, вот в этой штуковине... масло я сюда положу, хорошо?

Полине страшно захотелось яичницы с беконом, скворчащей, прямо со сковородки, она проглотила слюну. Откупорив бутылку сока, налила в стакан, жадно выпила до дна. Поглядела на этикетку — вполне сносно, даром что морковь с какими-то петрушками.

— Я тебе сейчас деньги...

— Это не надо, это не мои. Сахарная... ой, миссис Штаттенхаммер дала... — Хильда захлопнула холодильник, посмотрела в потолок.

— Ты сядь... — Полина выдвинула табуретку.

Хильда не очень уверенно уселась, сталаковырять ногтем лакированный бок ананаса.

От голода и болезни Полина была словно пьяная, рассеянно улыбаясь, она села напротив. Пустая, легкая голова тихо плыла, с ней вместе плыла кухня. Безумно хотелось яичницы.

— А ты оказалась права... — разглядывая расцарапанную ладонь, усмехнулась Полина. — Насчет волчицы.

Хильда вздрогнула, настороженно уставилась на Полину.

— Я той ночью через кладбище пошла... — Полина, взяв яблоко, дохнула на него, быстро протерла о рукав. — Так она за мной...

Полина с хрустом и брызгами впиалась в бок яблока, кислый сок стек по подбородку. Полина тыльной стороной руки вытерла лицо. Хильда, опустив глаза, снова принялась царапать ананас.

— Ты можешь мне объяснить? — Полина, протянув руку через стол, взяла девчонку за запястье. — Что тут происходит?

Хильда сняла очки, положила на стол. Без очков ее лицо было не просто славным, оно было по-настоящему красивым. «Красота классическая, — не без зависти подумала Полина, — таких на плакаты о пользе физкультуры надо. Неужели она не понимает, что эти старушечьи очки ее уродуют?» Полина провела ладонью по столу, словно сметая крошки, невзначай взяла очки за дужку, покрутила в руках. В очках были простые стекла.

Хильда облизнула губы.

— Двести лет назад в Данциге сожгли ведьму...

— Колинду, — встряла Полина. Девчонка настороженно замолчала.

— Да, Колинду... — она замялась. — Но... Колинда была не виновата...

— Не ту сожгли... — ляпнула Полина, но тут же прикусила язык, увидев злой взгляд Хильды.

— Да, — дерзко ответила она. — С тех пор Колинда стала волчицей Данцига...

— Ее сожгли, а она назло им стала волчицей, — жуя яблоко, сказала Полина. — Понятно.

Хильда надулась и замолчала. Полина выбросила огрызок в ведро, вымыла руки.

— Все! Молчу! — садясь, пообещала Полина. У нее было отличное настроение, она выздоровела, ей хотелось дурачиться. Но еще больше хотелось разобраться во всей местной чертовщине.

Девчонка исподлобья поглядела на учительницу, буркнула:

— Настоящее имя Колинды — Иму-Лой — Собирающая Росу, она была дочерью вождя племени чероки. Думаю, и сожгли ее поэтому. А там, — Хильда кивнула в сторону окна, — там было индейское кладбище.

Полина посмотрела в окно, там и сейчас торчали кресты. У ворот слонялся здоровый малый в бейсбольной кепке.

— Там был еще молельный камень, это где шаманы совершали жертвоприношения, делали предсказания...

— Гаруспики, — не удержалась Полина. Девчонка, не поняв, замолчала.

— Ну, это в Риме, Древнем Риме. Этруски, которые по потрохам будущее предсказывали. — Полина быстро добавила: — Все, молчу!

И сделала жест, будто застегнула рот на молнию.

— Когда появились первые белые, индейцы жили рядом, там, где озеро сейчас. Потом переселенцы стали прибывать, они основали Данциг, среди них много немцев было, потому так называли. Первым бургомистром стал Арчибальд Галль...

Полина удивленно вскинула брови.

Девчонка кивнула.

— Да, наш господин директор потомок того самого Галля, — произнесла Хильда с тихой гордостью и покраснела.

Полина взяла рыжий апельсин, царапнула ногтем маслянистую, тугую кожуру, поднесла к лицу, вдохнула.

— Тот Галль, Арчибальд, основал школу, построил церковь. Наш собор новый, но на том же месте... вот. Потом случилась история с ведьмой, потом индейцев согнали в резервацию, тех, кто выжил после карательной экспедиции генерала Роджерса. Индейское кладбище, — девчонка снова кивнула в сторону окна, — сровняли с землей; белые и раньше хоронили своих рядом, а уж

после... Там, кстати, закопали останки Колинды. Могилы нет, но она где-то там.

Полина посмотрела на улицу. Там прохаживался какой-то парень в бейсбольной кепке, изредка он лениво кидал камни, стараясь попасть в фонарный столб. Ей показалось, что она видела парня раньше.

— Ну и теперь... — осторожно начала Полина, глядя девчонке в глаза, — Колинда в образе волчицы мстит всем белым? Да?

— Нет. Не всем.

— Выборочно. Понятно.

— Ничего вам не понятно, — дерзко сказала Хильда, откинув назад пшеничные волосы. Она встала, прошлась по кухне, остановилась у двери в сад.

— Колинда хотела жить в мире с белыми. Она... она была беременна от Арчибалда, он пытался спасти ее, но толпа... Там еще приехал какой-то судья, специалист по ведьмам, из Гарварда. Короче... — Хильда замолчала.

— Специалист по ведьмам из Гарварда, — рассеянно повторила Полина. В сад залетела сорока, уселась на забор и стала сердито разглядывать бурые, мокрые кучи опавшей листвы.

— А потом появилась волчица... На Голодной свадьбе. Я сама не знаю, почему так называют, но теперь каждый раз, когда волчица выбирает жертву, люди говорят: Голодная свадьба.

Полина поежилась, спросила:

— А кто жертвы? Есть какой-нибудь принцип... — она старалась говорить без иронии, — отбора?

— Плохие люди, — неуверенно, совсем по-детски сказала Хильда.

Переход от взрослой рассудительности к инфантильной непосредственности происходил мгновенно и ставил Полину в тупик. Ее подмывало съязвить, сдержаться стоило значительных усилий.

— И тот бродяга у озера? Тоже плохой человек? — спросила она.

Хильда молча кивнула.

Полина впила ногтями в рыжий бок апельсина, подцепила корку, начала чистить, толстая кожура брызгалась во все стороны. Очистив до половины, положила на стол, подошла к окну. Здоровяк в бейсбольной кепке продолжал швырять камни, теперь в воробьев.

— С тобой? Кто это?

— Большой Райан, — небрежно, как о соседской собаке, отозвалась девчонка.

Полина вспомнила: молчун Райан Дикс, прыщавый битюг с последней парты. У него было странное прозвище Глина.

— Хильда? — спросила Полина. — А зачем ты носишь очки? У тебя ведь хорошее зрение.

Девчонка удивленно дернула головой, медленно сложила дужки очков, сунула очки в боковой карман куртки.

— Вы когда-нибудь были в сумасшедшем доме? — тихо спросила она. — В психушке?

Полина растерялась.

— Там был старик, Стивен... а может, и не старик, — Хильда грустно усмехнулась. — Когда тебе нет двенадцати, все старше двадцати кажутся стариками. Он называл себя человек-ключ. Он подходил к стене, стучал в нее и говорил: «Ты дверь, я ключ». Кажется, он не спал. Вообще не спал. Он ходил и стучал, ходил и стучал: тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

Хильда прижала ладони к вискам и затрясла головой. Полина молча с испугом следила за ней. Хильда подняла на нее светлые глаза с темными точками зрачков.

— Я и сейчас его слышу. Тук-тук-тук, — она хитро улыбнулась, словно у них был общий секрет. — Вы ведь меня понимаете?

Полина беспомощно улыбнулась и согласно кивнула. Где-то вдали завывла сирена «Скорой помощи», тут же загавкали окрестные псы. Полина встала, прошлась, быстро потерла ладони, будто согревая руки. Хильда смотрела в стену с тенью какой-то болезненной усмешки, почти гримасы.

— А кто тебе губу разбил? — Полина была уверена, что девчонка что-нибудь соврет, но Хильда просто ответила:

— С Шарлоттой подралась. Из-за Ленца. ¹

— Я думала, ты к нему равнодушна.

— Да мне плевать на него! Я сказала этой идиотке, что ей ловить нечего, — она зло засмеялась. — Что у нашего красавчика новая зазноба.

— И кто ж это?

Хильда посмотрела ей прямо в глаза:

— Вы.

Полина застыла, растерянность боролась с тщеславием, впрочем, тщеславие легко одержало верх. Полина отвернулась и тихо улыбнулась в стекло.

— Мисс Рыжик, — школьным тоном спросила Хильда. — Можно мне в уборную?

— Конечно, — не поворачиваясь, ответила Полина.

Хильда прямым ходом протопала по лестнице на второй этаж, хлопнула дверью. Потом по трубам водопадом понеслась вода.

— Там полотенце, это, кремовое!.. — крикнула Полина, вдруг осеклась и посмотрела на потолок — а откуда она знает, что на первом этаже нет уборной?

21

Стиральная машина с пожелтевшей эмалью и ржавыми, оббитыми углами, с клеймом сгнувшей много лет назад фирмы, была старше Полины лет на десять, но работала отменно. Перести-

рав все, включая постельное белье и кроссовки (она сунула их в старые рейтузы и завязала узлом штанины, чтоб не громыхали по барабану), Полина залезла в горячую ванну. Лежала без единой мысли, глядя на темнеющее небо в окне и изредка проносящихся по диагонали молчаливых птиц.

Пена, хвойная или можжевелевая, — Полина не посмотрела на этикетку шампуня, поначалу пышная, вздувшаяся, как снежные облака, тихо таяла с нежным шелестом, обнажая прогалины темной воды и мокрые колени. Запах напомнил о елке, Рождестве, о том веселье, что прошло, о нынешнем одиночестве. Настроение постепенно испортилось окончательно, с привычным чувством вины она пообещала себе сегодня же позвонить родителям. Пожалев себя еще минут пять, она вылезла из ванны, закуталась в халат и намотала на голове тюрбан из банного полотенца.

Походив из угла в угол, вздохнув, она обреченно взяла телефон с запутанным шнуром, лениво завалилась на кровать. Вдруг оживилась, быстро набрала номер Веры.

— Хочу вас поблагодарить... — Полина вспомнила, как Хильда назвала Веру — Сахарная.

— Не стоит, милочка, не стоит.

— Ну как же, продукты...

— Какие фрукты?

— И апельсины, яблоки и ананас.

— Вас?

— Нет, от вас. Хильда Эммерих принесла.
Утром. Сегодня.

Сахарная Вера замолчала на том конце.

— Але? — Полина дунула в трубку.

— Милочка... — настороженно начала Вера. — Как ваше здоровье? Вы себя как чувствуете? Я не понимаю, о чем вы говорите, — с ласковой осторожностью, словно ступая на мягких лапах, продолжила Сахарная. — Я лишь объявила классу, что вы заболели. И все.

Полина накручивала черный телефонный провод на палец, конец пальца от притока крови покраснел и надулся. Нужно было что-нибудь сказать.

— А что такое Голодная свадьба? — неожиданно спросила она.

На том конце что-то звонко упало, вроде ложки на каменный пол. Или ножа. Нет, пожалуй, все-таки ложки.

— Местная легенда. Про ведьму-оборотня. Мужчина, которого она любила, решил жениться на другой, ведьма обернулась волчицей и в первую ночь загрызла новобрачную.

— Логичней бы жениха.

Вера проигнорировала, потом спросила:

— А почему вы спрашиваете?

Полина с удивлением заметила, что патока исчезла из голоса секретаря, говорила она нормальным человеческим голосом, пожалуй, даже чуть прохладней нормального.

Телефонный разговор с родителями, начавшийся с восторженной сердечности (они умудрялись беседовать с ней одновременно по параллельным телефонам, ласково поддерживая друг друга, словно не могли справиться с дочкой в одиночку) постепенно перетек в привычную поучительно-обвинительную фазу, Полина уже мученически закатывала глаза. Раньше в этом месте беседы она бросала трубку, сейчас дала слово принять страдания до конца — не девочка все-таки, да и еще Рождество вдобавок.

Избавление пришло неожиданно в образе почтового фургона. Он вырулил на Розенкранц с Принцен-аллее, поравнявшись с ее домом, затормозил. Полина видела только крышу фургона с длинной ржавой царапиной по всей длине, услышала, как хрястнула водительская дверь, потом с визгом отворилось багажное отделение, грузно затопали шаги по ее ступеням, по крыльцу.

— Признавать собственные ошибки, — вещал отец. — Да, для этого нужно мужество! И немалое.

— Но ты ведь умная девочка, — подхватывала мать. — Умная и смелая.

— И не станешь заниматься самообманом, — заканчивал отец.

У них здорово получалось. Полина отдавала должное слаженности исполнения, но, поскольку речь шла о ее жизни, в полной мере насладиться родительским дуэтом не выходило.

— Лучше раньше, чем позже! В любом случае...

Что там в любом случае, Полина не узнала — во входную дверь заколотили с полицейской настойчивостью.

— Что это? — испуганно спросила мать.

— Это почта — бегу открывать! — крикнула Полина. — Все, целую. С Рождеством!

Негр-почтальон с выпученными желтоватыми глазами улыбнулся, небрежно взял под козырек, на голове у него был пробковый шлем.

— Мэм, счастливого Рождества! Вот тут распишитесь.

Он сунул ей какую-то штуковину, похожую на детскую электронную игрушку, Полина нацарапала свою подпись в углу экрана. Почтальон проверил, одобрительно кивнул и, гремя рыжими строительными башмаками, прихрамывая, побежал к фургону. Полина, ничего толком не поняв, сделала шаг на крыльцо. Там стояла елка. Настоящая, пушистая, с синеватым восковым отливом длинных иголок. Полина зачем-то дотронулась до колючих веток, провела рукой, понюхала пальцы. Пахло свежей хвоей. Почтовый фургон зарычал, развернулся, лихо скрипнув резиной, и покатил в сторону центра. Полина недоуменно проводила его взглядом до поворота.

Елка была невысокая, футов пять, на железной крестовине, выкрашенной красной краской. Из-за елки выглядывал бок почтовой коробки с надписью «хрупко».

Полина ухватила дерево за ствол, иголки щеkotно кололи лицо, она, зажмурясь, толкнула дверь и внесла елку в комнату. Коробка, вопреки солидным размерам, оказалась вполне подъемной. Нетерпеливо разодрав ногтями упаковочный крафт, раскрыла коробку. Сверху был насыпан розовый пенопласт, похожий на хлопья воздушной кукурузы. Сунув руки в розовый попкорн, нащупала жесткий угол, вытащила. Это была упаковка елочных украшений — шары, красные и золотые. Снова нырнув в розовое по локоть, она достала коробку с гирляндой разноцветных лампочек, похожих на леденцы — малиновые, лимонные, за ней — золотого ангела на макушку. С самого дна вытащила увесистую продолговатую коробку желтого цвета — в ней оказалась бутылка шампанского.

Полина, румяная, с потными висками, обеими руками нетерпеливо шарила в упаковочной туже, азартно раскидывая розовый мусор по всей комнате. Кто прислал? Не родители — это точно. Может, ученики? Вряд ли. Полине очень хотелось наткнуться на открытку, изящную, без пестрых выкрутасов, просто белый прямоугольник с золотым обрезаем, на нем немногословное поздравление, сдержанное, с юмором, но без шуток, внизу уверенная мужская подпись: «Директор школы Герхард Галль». Нет, без директора, просто «Герхард». В коробке было пусто.

На кухне, вздрогнув, тоскливо забормотал холодильник. Полина поднялась, отнесла шампанское, не вынимая из коробки, сунула на полку рядом с бутылью рыжего сока. Вернулась, свет включать не хотелось. Она опустилась на колени, ползая по сумрачной гостиной, стала собирать розовый мусор обратно в коробку.

Закончила, устало села на пол. В комнате пахло лесом. Полина уныло оглядела пестрые упаковки с шарами, ангел мерцал золотым крылом сквозь прозрачный пластик коробки, темный силуэт елки чернел затейливым узором на фоне вечернего окна. Там, за рамой, уже кончился день, в нижнем правом углу еще тлело что-то похожее на нарыв, а в верхнем, на идеальном ультрамариновом фоне тускло засветилась ранняя звезда.

Полина старательно наряжала елку. Аккуратно развесила тяжелые шары, гирлянды лампочек, пристроила золотого ангела на макушке. В памяти промелькнули прежние елки: тонкие стеклянные сосульки, серебряные бубенцы, ватный Дед Мороз, настоящий, русский — бабушкина находка на блошином рынке, печеный гусиный дух с антоновской кислинкой, плывущий из кухни.

Дотянув провод до розетки, включила огни. Комната наполнилась тусклым мерцанием, разноцветным и таинственным. Пятясь, Полина отошла к двери и застыла, в горле встал ком, вниз

по щеке скользнуло щекотное и горячее. Она вытерла лицо ладошкой, выпрямилась и, закусив нижнюю губу, прошептала неизвестно кому:

— Спасибо, спасибо...

22

Каникулы закончились, в новогоднюю ночь налетела гроза, лихая, летняя, какие случаются на юге в конце августа, с хлестким косым ливнем, пушечным громом и непрерывными сполохами молний. Одна, в руку толщиной, саданула прямо в центр кладбища, вся округа вспыхнула страшным голубым светом, небо вздрогнуло и в тот же миг треснуло с таким грохотом, что Полина отскочила от окна. В углу протек потолок, сначала потемнел и набух, а под конец весело закапал, пришлось возиться с ведрами и тряпками до часу ночи. Елка грустно моргала разноцветными лампочками в пустой гостиной, шампанское так и осталось в коробке мерзнуть на полке холодильника, Полина, уже в кровати, вспомнила бабушкину присказку: «Как встретишь Новый год, так весь год и проживешь».

Что могли означать мокрые тряпки и эпическая гроза, Полина так и не решила, но, во сне она каталась на велосипеде по берегу моря. Гнала вовсю по тугому мокрому песку, даже слышала

писк чаек, хотя самих птиц видно не было, потом, с неожиданной бесшабашностью (в хороших снах бывает эдакая лихая уверенность в собственной неуязвимости), резко крутанула руль и направила велик на глубину, но тонкие шины продолжали скользить по поверхности волн.

Она крутила педали, вода под колесами темнела, яркая бирюза постепенно налилась малахитовой хмарью, дюны за спиной вытянулись в слюдяную полоску, некто без особой фантазии воткнул в берег пару чахлых пальм. Азарт сменился тревогой, толща хмурой воды под ногами пугала, колеса стали пробуксовывать, вязнуть, словно в сыром песке, педали черпать воду. Полина начала погружаться. Отчаянно налегая на педали, она поняла, что это не спасет, надо плыть. Хотела соскочить с седла, но оказалось, что ладони приклеились к рулю, а ноги намертво приросли к педалям.

Под ней клубилась бездна, медленно ушли под воду и тускло мерцали спицы, стальные обода колес, вот погрузился руль, вода дошла до подбородка. Полина жадно вдохнула и опустилась в бутылочную мглу. Утонуть оказалось не больно, она тихо скользила все глубже и глубже, подняв голову, увидела, как солнце, став тусклой звездой, постепенно погасло. Тьма сгустилась, вода стала тягучей, как кисель. Света не было, какие-то громоздкие тени ворочались рядом, задевая ее скользкими боками. Полина ощутила

вдруг тоску, нестерпимую, как ожог. Ей захотелось выть, кричать, позвать кого-то на помощь, но рот не открывался, губы намертво слиплись, и она продолжала лениво падать все глубже и глубже.

К утру второго января дождь все-таки закончился, в рваные дыры серых туч осторожно выглянуло голубое небо, Полина крадучись вела свой «Форд» по затопленным по колесо улицам Данцига. Город напоминал Венецию, впрочем, она там никогда не была, но сама мысль казалась ей забавной и романтической: плеск весла, гондольеры, серенады. Но главное — велосипедный сон был растолкован.

Класс поредел наполовину, Полину подмывало отменить занятия. Решив посоветоваться, она пошла к директору. Кабинет Герхарда был заперт, Полина постучала к секретарю, Веры тоже не оказалось, но дверь к ней была открыта. Полина заглянула, рядом с письменным столом ядовито желтели резиновые сапоги миссис Штаттенхаммер. Аккуратная Вера подстелила под них свежий номер «Данцигского Вестника».

Полина оглядела пустой коридор, прошмыгнув в кабинет, тихо притворила дверь. Подошла к шкафу, на полках теснились канцелярские папки, к корешкам были приклеены ровные этикетки: «Мед. страховка», «Налоги», «Благотворительность», «Внеклассная работа» и дальше

в таком же роде. На нижней полке стоял архив, разобранный по годам. Полина вытащила прошлогодний том с личными делами учителей. Сразу после тренера по плаванию Дональда Манна, кривоногого лысеющего коротышки, пытавшегося приударить за Полиной, шла некая Лорейн Андик, преподаватель литературы. Полина раскрыла ее папку, на фотографии была девица с холодильника. Дальше шел ворох невразумительных справок, каких-то выписок с печатями и без, копия университетского диплома — Лорейн окончила Колумбию четыре года назад.

Поэтому я ее не помню: я только начинала, она уже защищала диплом. Полина вздрогнула — кто-то бойко шел по коридору, быстро приближаясь к двери. Подколотые документы топорщились, застревали в кольцах скоросшивателя. Толстая папка не хотела вставать на место, Полина сунула папку сверху и шагнула от шкафа.

Вера распахнула дверь, остановилась удивленно.

— Половины класса нет, — торопливо заговорила Полина. — Из-за воды этой... Хотела у мистера Галля узнать, но его нет, зашла к вам...

— Что узнать? — улыбаясь, холодно спросила Вера, ее взгляд остановился на полках с папками. — Что узнать?

— Может, отменить надо. Занятия. Мы важный момент проходим. Если половина класса пропустит... — Полина ступевалась, замолчала.

— Не надо. Зачем же отменять, — подходя к шкафу, сказала Вера. — Дети пришли учиться, преодолевая непогоду, а вы — отменить. Зачем же. Не надо.

Она вытянула папку с личными делами, поправила торчащие документы, аккуратно поставила на место.

— Что-нибудь еще? — спросила, глядя Полине в глаза.

В классе стояла особенная тишина, ученики, добравшиеся почти вплавь, действительно хотели быть здесь. Полина раскрыла старую пухлую книгу, суперобложка давно потерялась, малиновый коленкор полинял и был в пятнах. Начала читать. Голос, поначалу глухой и скучный, постепенно стал живей, звонче.

«В этом коротком взгляде Вронский успел заметить сдержанную оживленность, которая играла в ее лице и порхала между блестящими глазами и чуть заметной улыбкой, изгибавшею ее румяные губы. Как будто избыток чего-то так переполнял ее существо, что мимо ее воли выразался то в блеске взгляда, то в улыбке. Она потушила умышленно свет в глазах, но он светился против ее воли в чуть заметной улыбке».

Полина дочитала и остановилась, подняла глаза.

— Я вернулась назад, чтобы напомнить вам, как все начиналось, — сказала она. — Прежде чем

вы броситесь оглашать свои инквизиторские вердикты. Помните эпиграф: «Мне отмщение, и Аз воздам»? Что хотел сказать автор, какое напутствие давал нам, читателям?

— Не суди, да не судим будешь? — Ленц ласково посмотрел на Полину, она отвела глаза, быстро заговорила:

— Михаэль прав, это слова апостола Павла из «Послания к Римлянам»: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь».

— Что является логическим продолжением позиции непротивления злу, — продолжил Ленц. — Возлюби врага своего! Миссия истинного христианина — любовь! Карать предоставь Господу.

— Или наоборот. — В дверях стоял директор, Полина не заметила, когда он вошел. Герхард, в овечьем свитере грубой вязки и мордатых резиновых сапогах, напоминал исландского рыбака. — Дело в том, что Павел сам цитирует эту фразу, первый раз она встречается в «Последней песне Моисея», в части «Второзаконие» Ветхого Завета и имеет более суровый смысл, а именно: «Меня оскорбили, и я отвечу на оскорбление».

— Автор призывает к мести? — с хитровой наивностью спросил Ленц. — Мы про Толстого говорим, да?

Герхард улыбнулся, провел ладонью по скуле, Полина заметила, что он не брился сегодня,

а проступившая щетина оказалась совсем седой, белой, как соль.

— Настоящий писатель не кормит читателя готовым блюдом, он дает нам все ингредиенты и сообщает кулинарный рецепт. Настоящая литература — это не харчевня фастфуд, где даже и жевать почти не надо, лишь проглотить.

— Так что, выходит, одну и ту же книгу можно трактовать по-разному?

— Хорошую, да! — Герхард уверенно сунул руки в карманы, вышел на середину класса. — Если это не инструкция для газонокосилки, книга должна заставлять наши мозги шевелиться, нашу душу работать. Западная цивилизация, в инфантильном желании не утруждать себя ни в чем, уже наполнила гробницу мертвыми. Правительство наивно усмотрело для себя выгоду в лени своих граждан, принялось развлекать их. Даже новости превратили в веселое шоу, иногда жуткое, иногда умильное, но никогда не скучное.

Директор зло усмехнулся:

— Скука — страшная сила! Скучающий человек начинает думать, у него появляются мысли, он анализирует и делает выводы. Человек скучающий есть человек мыслящий! Но именно такой человек западной цивилизации и не нужен, с таким слишком много хлопот.

Голос директора стал жестким, Герхард больше не улыбался. Полина видела, как класс посте-

пенно подобрался, с лиц исчезли ухмылки. Его слушали.

— Сегодняшний американец похож на пиявку, — брезгливо сказал Герхард. — Он присосался к большому экрану телевизора, или к среднему дисплею компьютера, или к маленькому экрану смартфона. Что ж его там так заворожило? Математическая задача, хитроумная шарада, научный трактат, ниспровергающий ошибочную теорию? Нет. Или, может, он изучает иностранный язык, какой-нибудь испанский, чтоб прочесть Сервантеса в подлиннике? Или разбирает этюды Фишера? Или изучает документы комиссии о причинах последнего финансового краха? Нет! Нет и нет!

Директор звонко ударил кулаком в ладонь.

— Нет, — сказал он тихо. — Он смотрит, как Снуки из Нью-Джерси ест третье пирожное подряд и жалуется на депрессию, которая вызвана тем, что она весит три центнера и ее никто не любит.

При слове Нью-Джерси Полина испытала привычную неловкость. Как при упоминании семейного порока.

— Или там показывают уморительного терьера, которому отрезали задние ноги и приделали вертлявые колесики и как теперь потешная автосина гоняет забавных утят по двору. — Герхард шел между рядов, говорил, внимательно взгляды-

ваясь в лица. — Еще очень смешно смотреть, как шимпанзе курит, затыгивается, кашляет до упаду. Это тоже очень смешно.

Директор замолчал, Полина видела его прямую спину, затылок и сжатые до белых костяшек кулаки. В тишине прогремел звонок, никто не пошевелился. Эхо отзвенело в коридоре, и снова стало тихо.

— Это лицо современной цивилизации. — Герхард развернулся, устало пошел к доске. — Изменить глобальный ход событий мы не можем. Но мы можем и должны оставаться людьми. Здесь, в Данциге.

Директор взглянул на Полину, она растерянно опустила глаза, делая вид, что ищет что-то в классном журнале.

— А начинать нужно здесь, в классе, — уже обычным голосом сказал Герхард. — На уроке литературы. Прошу продолжать, мисс Рыжик.

И директор, бухая сапогами, вышел из кабинета.

23

Второй час занятий начался с сюрприза. Обсуждали образ Анны, ученики горячились, спорили, Полина их не прерывала, воздерживалась

от комментариев. Неожиданно Хильда Эммерих, угрюмо молчавшая до сих пор, подняла руку и встала.

— Все, что вы тут говорили, — она оглядела класс, — полная чушь.

Указательным пальцем она поправила очки.

— Анна страстно любит Вронского? — с мрачным торжеством спросила она. — Анна не может жить без своего сына? Анна жертвует всем ради своей любви, она бросает вызов бездушному свету, ибо не может состоять в браке с холодным, циничным карьеристом-мужем. Анна глубоко чувствующая, страстная натура.

Хильда взглянула на Полину. Потом на притихший класс.

— Где вы это все вычитали? В какой книге? — она усмехнулась. — Я так, интересуюсь, потому что Толстой такого не писал.

Тут заголосили все сразу, Хильда высокомерно поглядывала сквозь толстые стекла очков, не вступая ни с кем в пререкания.

— Она — королева! Это ж какая женщина! — кипятилась медсестра-Шарлотта, толкая Ленца в спину. — Чего молчишь? Скажи ей!

— Зачем? У Хильды Эммерих в стальной груди вместо сердца жестянка с гвоздями, — снисходительно ухмыльнулся Ленц. — Какой смысл говорить о любви с роботом?

Шарлотта резко засмеялась, будто залаяла. Другие охотно подхватили — Ленц был классным

любимцем. Полине даже стало жаль Хильду: бедная девчонка всего добивается своим горбом, зубрит, наверное, от темна до темна, не то что этот смазливый Ленц.

Хильда побледнела, ее румяное лицо стало пепельным. Она подняла руку, смех смолк.

— Давайте оперировать фактами. — Хильда нарочито повернулась к Ленцу спиной. — Вы позволите, мисс Рыжик?

Полина неохотно кивнула, у нее внутри словно кто-то завязал узел и с иезуитской медлительностью стягивал концы.

— Итак, — Хильда вышла к доске и повернулась к классу. — Впервые Анна появляется в романе с целью примирить супругов Облонских. Ей удастся восстановить мир в семье своего распутного брата хитрыми женскими уловками и ложью. Параллельно она мимоходом обольщает Вронского, безжалостно разрушив его помолвку с Кити. Последняя из-за этой травмы чудом остается жива.

Хильда вдохнула, быстро и прерывисто, продолжила:

— Мимоходом упомянем брата Анны: Стива — зеркальное отражение сестры, лживый, никчемный развратник, промотавший приданое жены, проводит жизнь в кутежах, пьянствует в чужих поместьях, на охоте. Обаятельный плут, причем он осознанно использует свое обаяние. Использует, как оружие.

Толстой упомянул еще двух родственников этой славной фамилии: тетку-приживалку княжну Варвару и другую тетку... — Хильда замялась, пытаясь вспомнить имя. — Этой второй чуть ли не шантажом удалось в свое время выдать племянницу Анну за добропорядочного Каренина.

Полина наблюдала за лицами учеников, недоверие и усмешки сменились мрачной сосредоточенностью. Дылда Глина за последней партой сидел, приоткрыв рот. Хильда, поначалу нервная, стала говорить уверенней, весомей.

— Автор беспощадно показал равнодушие Анны к своей дочке. Как же так? — ведь это плод их великой любви. Вронский сходит с ума от невозможности назвать этого ребенка своим, Анна абсолютна индифферентна. Даже хрестоматийная любовь к сыну при внимательном анализе текста оказывается скорее капризом взбалмошной бабенки, она преспокойно обходилась без Сережи несколько лет.

Ленц громко подвинул стул и, сложив руки на груди, вытянул в проход ноги. Хильда не обратила внимания.

— То, что Анна ненавидит Каренина, особенно его знаменитые уши, не мешает ей брать у него деньги, огромные деньги — аппетит у барышни отменный, ей не совестно присылать ему счета из модных магазинов. Точно так же она

доит и простодушного Вронского — какая милая семейная традиция, как это похоже на Стиву! Путешествия по Италии, старинная вилла, заказ портрета у модного художника, бесконечные наряды, украшения, потом роскошная реконструкция родовой усадьбы Вронских. Скромную, порядочную Долли тошнит от этой показухи, она бежит оттуда.

Полина заметила, что простодушная Шарлотта слушала, приоткрыв рот.

— Толстой — мастер, у него нет случайностей, если он что-то нам сообщает, то это неспроста. В начале романа подробно описывается спартанский быт Вронского, он офицер, его не интересуют мишура и побрякушки. Честь, удаль и мужская дружба — вот Вронский в начале. Из чего мы можем сделать вывод — причина роскоши, мотовства в Анне.

Хильда передохнула, поправила очки.

— На протяжении книги эта женщина несет только горе, в ней ярко выраженное разрушительное начало. Честнейший Каренин, благородный Вронский, двое брошенных детей, Долли, которой почти удалось вырваться от мерзавца мужа, Кити, едва не умершая после расстройтва помолвки. Этому виной лишь...

Она остановилась, словно потеряла нить. За окном задорно, словно цикада, затарахтел генератор.

— Анна... — продолжила Хильда не очень уверенно, стрекот генератора отвлекал и мешал сосредоточиться. — Анна красива. Убийственно красива. Толстой постоянно подчеркивает манящую, соблазнительную прелесть этой женщины. В этой красоте есть что-то завораживающее, что-то сверхъестественное. Что-то дьявольское. — Хильда замолчала, потом повернулась к Полине и тихо сказала: — Я думаю, что она — Сатана.

Генератор фыркнул и замолчал. Конец фразы прозвучал в тишине, Полина понимала, что это уже слишком, что надо что-то сказать, но, увидев холодный взгляд Хильды, промолчала.

— В Писании сказано — явится он в мужском или женском обличье, в сияющих одеждах, подобных золотому дождю, красотой лика своего будет пленять взоры, а сладкими речами смущать души. — Голос Хильды Эммерих не изменился, но спина выпрямилась, а в лице вспыхнуло что-то хищное и настороженное.

— Обольщать он станет любовью и состраданием, но ядом обернется любовь и желчью станет сострадание. — Хильда повернулась к классу, голос звучал в полную силу, ученики заворожено слушали. — И горе тому, кто поверит лживым речам, прельстится фальшивой красотой, ибо ждет его юдоль скорби и страдания.

Хильда сделала шаг, медленно повернулась к Ленцу, глядя сверху вниз, громко сказала:

— По движению души своей узнаете его. Обманутся глаза красотой лика его, уши поверят патке сладких речей, но душа, — Хильда вскинула руку. — Душа не обманет!

Ленц, лениво вытянув в проход ноги, поднял взгляд на Хильду и брезгливо, словно плевок, процедил сквозь зубы:

— Юродивая...

У Полины екнуло сердце, она беспомощно подалась вперед, толком не зная, что сделать, что сказать. Тишина казалась осязаемой, Полина видела, как Хильда заторможенным, неуверенным жестом сняла очки, сунула их в карман. Потом, размахнувшись, медленно и неуклюже вlepила Ленцу пощечину.

Кто-то ахнул, звон от пощечины, казалось, все еще висит в воздухе. Ленц сидел не шевелясь, он инстинктивно дернул руку к лицу, но сдержался. Его щека медленно наливалась алым.

Полина застыла, в голове мячиком прыгало гадкое слово «юрoдивая», до нее вдруг дошло, что именно она, мисс Рыжик, учитель, несет ответственность за происходящее. Именно ответственность, то есть отвечает за все происходящее, включая вот это.

За окном снова бойко и уверенно застрекотал генератор, кто-то зычно хохотнул и запел фальшивым тенорком: «Лу-унная река-а, в сирени берега, утопи мою печаль, ах, лунная река...»

24

Полина не знала, что делать с руками: поправила волосы за ухом, тронула губы, шею, заложила за спину. Наконец, зажав большие пальцы в кулаки, сунула руки в карманы.

— Великолепно! — Директор резко повернулся к ней и снова начал быстро ходить из угла в угол. Из-за толстого ковра шаги звучали ватно и глухо, как далекий тамтам.

— Конечно, ваша ответственность! А то чья же? — Он зло взглянул на Полину.

— Вот поэтому... — мрачно повторила она. — Поэтому и увольняюсь.

— Потрясающе! — Директор ударил кулаком в ладонь. — Просто потрясающе! — Он остановился, потом заходил снова. — Великолепно.

— Я никакой не учитель, вы сами знаете, — насупившись, проговорила она. Полина чувствовала тошнотворную пустоту внутри, сосущую и изматывающую, ее мучило от ощущения несвободы и несправедливости, казалось, словно она вернулась на десять лет назад и вся эта пытка разворачивается снова. То же притворное раскаянье, тот же страх, неистребимо тоскливый запах коридоров и классных комнат — казалось, что она никогда не покидала их.

— Я ненавижу школу, — сказала она тихо. — Ненавижу.

Директор внимательно посмотрел на нее, Полина почувствовала, почти физически ощутила, что она сделала шаг и что обратной дороги, скорее всего, уже нет.

— У меня не было выхода, — Полина резко вскинула голову. — У меня и сейчас его нет. Мне твердили: учись, будь паинькой, и у тебя все будет хорошо. Мне ведь ничего особенно не надо, я ж не требую дворцов и нарядов, лимузина с шофером или яхты под парусами. Нет! Я хочу заниматься своим делом, я согласна получать за это гроши, мне не нужна карьера и ученые степени. Дайте мне просто спокойно жить...

Она запнулась, глядя в глаза директору, спросила:

— Но почему мне не сказали, что это невозможно? Почему не предупредили с самого начала? Зачем морочили голову сказками про равные возможности? Ведь это... — Полина закусил губу, отвернулась. — Ведь это... это нечестно... — едва слышно закончила она.

Директор с интересом разглядывал ее, словно неожиданно увидел нечто такое, чего не замечал раньше.

— А чего ты хочешь? Ты? — Он подошел, хотел взять ее за руку, но, раздумав, потер рассеянно ладони. — Чего ты хочешь, извини за банальность, от жизни?

— Я? — Полина посмотрела на него, больше всего сейчас она боялась зареветь. — Я хочу,

чтоб меня оставили в покое и дали делать то, что я хочу.

— Да-а... — грустно усмехнулся директор. — Беда именно в этом.

Он подошел к окну, постучал пальцем в стекло, будто приманивал рыбок в аквариуме.

— Сегодняшний мир стоит на двух китах — страхе и жадности. Людей выдрессировали желать постоянно, хотеть непрерывно. Страсть обладания сжирает сегодняшний мир. — Герхард повернулся к Полине, сел на край стола. — Самоубийственная страсть, безумная, бессмысленная — человек жаждет ненужных вещей, пустых привилегий. Самое страшное, он готов за это платить своим благополучием, благополучием своей семьи.

Голос директора постепенно приобрел округлую баритональную красоту, словно он выступал перед аудиторией. Таким голосом он говорил тогда в церкви. Полине стало неловко, словно для нее одной показывали спектакль на сцене.

— Человек сегодня покупает не просто дом, он покупает хоромы, раз в десять больше, чем ему нужно. Он будет платить за этот дом всю жизнь, он знает это. Знает, но покупает. Но кроме дома нужны машины, нужна одежда, нужно членство в гольф-клубе, нужно отдать детей в престижный колледж. Как быть?

Герхард недобро ухмыльнулся, что-то волчье мелькнуло в лице.

— А никак! Бери сейчас — плати потом. Пользуйся, наслаждайся, главное, ни в чем себе не отказывай. Ведь ты же этого достоин! Если не ты, то кто? Только не забывай, ты теперь наш, — директор отрывисто засмеялся. — Наш, с потрохами!

Полина слушала внимательно, но с недоверием, ей всегда казалось, что мир устроен более хаотично, чем ей того хотелось. Желание нащупать что-то похожее на структуру выглядело, конечно, заманчиво, но в коварную систему международного заговора она никогда не верила, сомнительно звучало это и сейчас. Славянская кровь шептала ей про незадавшуюся судьбу, она видела в неудачах скорее цепь роковых совпадений, чем злой умысел. Беда выглядела случайностью, а не чьей-то тщательно спланированной и разыгранной постановкой. Полина, разглядывая ковровый узор, хмуро пожала плечами.

Герхард снисходительно улыбнулся, будто угадав ее мысли, сказал:

— Это не конспирация, не заговор — это эволюция. Система выработала новые элементы самосохранения, за этим не стоит злой гений вроде Джокера или одноглазого злодея из кино про Бонда. Нормальная мутация, теория Дарвина.

— Я думала, вы не верите в Дарвина, — безразлично сказала Полина; она дико устала и хотела, чтобы муторный разговор поскорее кончился. Результат ее уже не волновал, почти не волновал.

Герхард не обратил внимания ни на тон, ни на замечание.

— Раньше система использовала полицию, армию. Теперь она просто покупает всех, всех и каждого, от президента до последнего мусорщика. И тот и другой одинаково боятся потерять свое место, поскольку оба по горло в долгах. Каждый месяц нужно выплачивать за жилье, за машину, за медицинскую страховку, за тряпки и цапки жены, купленные в кредит, за детский сад, школу, колледж своих детей.

Полина с досадой вспомнила про свой университетский долг.

— В этой стране средний человек, если он теряет работу, то оказывается выброшенным из жизни через два месяца. Два месяца! — Герхард повысил голос. — Всего два месяца — и из добропорядочного обывателя с уютным домиком, садиком, милашкой женой и симпатичными детишками ты превращаешься в бездомного бродягу, обитающего под мостом в коробке из-под холодильника. Два месяца!

Директор снова зло рассмеялся.

— Я не знала, что вы коммунист, — вяло улыбнулась Полина. Начинала болеть голова.

— Чушь! — отмахнулся Герхард.

— Но я-то тут при чем?

— Я не хочу, чтоб ты уходила, — он тронул ее за рукав. — Ты нужна школе, Данцигу.

— Вы что тут, Город Солнца хотите выстроить? — Полина засмеялась, сморщилась, прижав пальцы к вискам. Голова уже болела вовсю.

— А почему нет? — он начал снова быстро ходить. — Почему? Но сделать это можно только всем вместе. Вот так! — Он сжал кулак и энергично потряс им перед Полиной. — Мои предки приплыли сюда двести лет назад, основали Данциг. Здесь не было ничего — дикие поля, лес, озеро. Мы все построили сами. Вон, пойдти на кладбище — погляди, сколько там камней с моей фамилией. Этот город — мой! И я не позволю развратить его и превратить в балаган. Мы строили его из поколения в поколение, наши прадеды, деды, отцы — будут строить и наши дети.

— Но дети вырастут и уедут. Это ж провинция... — она запнулась.

— Насколько я помню, ты сюда из... — директор закатил глаза, вроде припоминая. — Да, точно, из Нью-Йорка приехала. В провинцию. В дыру. — Герхард сердито посмотрел ей в глаза. — Кто тебе дал работу? Жилье? Провинция и дыра, вот кто!

Директор дошел до окна, мрачно глядя в стекло, сказал:

— Оставайся. Эту ерунду с пощечиной я улажу. — Он повернулся, подошел. — Неужели тебе самой не хочется делать что-то действительно нужное? Ну, не считая чтения твоих замшелых русских классиков?

За окном, на небе происходила спешная смена декораций: кто-то ловко сматывал мохнатые тяжелые тучи и на их место проворно вытягивал звонкую весеннюю синь.

25

Вода спала, кое-где остались большие лужи, все вокруг было мокрым, свежевывытым и сияло ртутным блеском, от которого слепило глаза. Полина свернула на Розенкранц, осторожно объехала лужу размером с маленький пруд, запарковалась у дома. Не выходя из машины, она оглядела соседский особняк: на открытой веранде скучало пустое кресло, окна привычно темнели гардинами, на верхней ступеньке сверкала пустая бутылка из-под бурбона. Полина не видела майора со дня ссоры.

Безусловная уверенность в своей правоте через пару дней сменилась сомнением, которое перешло в досадное сожаление, постепенно переродившееся в раскаянье. Теперь Полина не могла без стыда вспоминать ту историю, во всем винила себя и была готова просить прощения. Ее останавливал нрав майора, судя по всему, компромиссы не входили в арсенал его общения с внешним миром.

Полина вытащила большой крафтовый пакет, туго набитый продуктами, — по дороге она заехала в «Глорию». Захлопнув багажник, еще раз искоса взглянула на соседскую дверь, неспешно пошла к себе.

В доме было светло и жарко, пахло сухими иголками. Елка еще выглядела молодцом, но чуть поникла ветками и уже начала осыпаться. Бухнув пакет на стол, Полина распахнула холодильник. Стала рассовывать покупки: пинта молока, упаковка чего-то шоколадно-муссного в пластиковых баночках, склянка медовой горчицы, гроздь зеленых бананов, гигантское алое яблоко подозрительно идеальной формы.

В очередной раз поразила своей способностью — как всегда, это был набор продуктов, из которых невозможно было сочинить сколько-нибудь внятный ужин. Капризная бутылка апельсинового сока не хотела влезать на полку, Полина достала шампанское, на его место плашмя засунула сок. Шампанское так и оставалось в коробке, Полина никак не могла найти подходящего повода откупорить бутылку. Провела пальцем по золотистому картону, по тисненым буквам «*Veuve Clicquot*». Из-под крышки торчал уголок белой бумаги, Полина подцепила ногтем, достала. На листе печатными буквами было написано:

«Счастливого Рождества, пани Полина!»

Полина замычала, как от зубной боли, сложив, бросила записку на стол. Саданув дверью холодильника, быстро встала, прошла в гостиную, увидев елку, остановилась, сжав кулаки, закричала:

— Ну что ж это такое! — закрыла лицо руками, пробормотала: — Что ж я за дрянь?! Ну почему, почему все так...

Взбегая по ступеням на соседскую веранду, она сшибла пустую бутылку, кинулась было поднимать, махнула рукой. Громко постучала в дверь, прислушалась, постучала еще.

— Ну! Ну же... — нетерпеливо пробормотала она.

Дверь раскрылась.

— Господин Стобский, — горячо начала Полина, запнулась. — Тед... Я хотела... Я бы хотела...

Майор стоял на пороге; седая щетина, белые филиньи брови, окурок прилип к губе и дымил в глаза. Майор щурился и ухмылялся. На нем была относительно белая майка и галифе на широких пестрых подтяжках.

— Простите, пожалуйста... Я... — Полина не закончила, закрыла лицо ладонью и разревелась.

Майор, опираясь на костыль, другой рукой обнял Полину за плечи.

— Ну, ну... Ладно, ладно. Прости и ты дурака старого... — пробормотал он. — Да погоди ты, осторожней, дай сигарку выплуну. Прижгу ведь ненароком.

По гостиной плыл сизый дым, низкое солнце пробивалось сквозь ветхие шторы, наполняя комнату чем-то тягучим и золотистым, вроде сиропа. По драным обоям бродили косые полосы света, оживляя линияльй орнамент из хищных хризантем. Полина сделала глоток, поморщилась и отпила еще. Она ненавидела бурбон, но после сегодняшнего это было как раз то, что надо. Она прикрыла один глаз, поймала в фокус лицо майора — он что-то рассказывал, она не слушала, — улыбнулась.

Бок комода затейливо сиял узором орехового дерева, Полине казалось, что пахнет мебельной мастикой, пряный запах с восковой горчинкой прямиком из детства, он напоминал бабушку, лето. Где-то сонно тикали часы, тикали медленней, чем положено.

— ...короче, с тех пор мы с Галапагосом больше не встречались, — закончил майор какую-то историю. — Говорили, что его эскадрилью перевели на Окиनावу... но точно не скажу. Не знаю.

— Да-а, — протянула Полина, не отрывая взгляд от хризантем на обоях; золотистые листья и цветы едва заметно колыхались. Надо же, как трава в реке, лениво подумала она. Ей хотелось расспросить майора о Галле, о Данциге, но раскрывать рот не было сил.

Тед выбрался из кресла, доковылял до спальни, вернулся с альбомом. Сел на диван рядом

с Полиной, начал листать картонные страницы, похоже, что-то искал. Замелькали старые семейные фотографии, мутные, с бледными овалами безмянных лиц, пятна, тени, призраки. Красотка, словно из немого кино, с длинным мундштуком и тревожным взглядом, девчушка лет пяти в воздушном платье, как облако, да и сама просто ангел, развеселый гусар с саблей и внушительным гульфиком, какой-то гордый пузан, внизу надпись вязью «Варшава 1912 год», неизбежные монокли и сигары.

«Господи, они ж все умерли, — неожиданно подумала Полина. — Все эти улыбки, важные позы, стремления, страсти и желания, подлости и измены... Господи, как же так? Тлен и прах...»

— А я тоже один раз чуть не умерла... — туманным голосом проговорила она. — Мне три года было. Воспаление легких. Пневмония. Родители думали, что все — конец. — Полина задумчиво царапала ногтем обивку дивана, грубый гобелен с турецким орнаментом. — Я думаю, что из-за этой болезни они после так тряслись надо мной. Ничего не разрешали — ни в футбол, ни с мостков в воду, все боялись, что я убьюсь, расшибусь или еще что... Какие я им истерики закатывала... Дура.

Майор застыл, словно вспомнил что-то свое, уставился в стену.

— Жутко, что понимаешь это, когда уже ничего исправить нельзя. — Полина задумчиво водила

пальцем по контуру вытканного цветка. — Как глупо устроена жизнь. Будто специально.

Она сделала маленький глоток, Тед, словно проснувшись, снова стал перелистывать альбом.

— Вот! — он ткнул в серое фото какой-то хибары, за хибарой высились лесистые горы. На переднем плане стояли люди, двое мужчин, старик и помоложе. В молодом Полина тут же признала Теда.

— Отец?

— Батя, — ухмыльнулся майор. — Батя. Наше родовое гнездо, он сам построил.

— С ума сойти... Это что — в Польше?

— Калифорния, — засмеялся майор. — Северная Калифорния, место называется Биг Сур.

— А-а-а... — протянула Полина. — Не слышала.

— Вот там дальше, — он провел пальцем от конца забора до корешка альбома. — Там обрыв, скала, жуткая высота, как десятый этаж. Может, выше. Внизу океан, ночью лежишь, засыпаешь, а он шумит. А уж когда шторм...

Полина подскочила и выпрыгнула из дивана до того, как она поняла, что произошло. Треск и звон стекла — на пол со стуком грохнулся камень размером с кулак. Упал и замер среди осколков, похожих на колотый лед. Вечерний стылый ветер лениво поднял шлейфы штор, демонстрируя вдребезги разбитое окно.

Майор порывисто встал, протез поехал по паркету, подвернулся, Тед взмахнул руками, грохнул-

ся на диван, матерясь по-польски. Альбом шлепнулся на пол, раскрылся, оттуда выглянул усатый чернявый молодец.

Полина распахнула дверь, выскочила на веранду. На улице было пусто, один конец Розенкранц, отмеренный фонарными столбами, уходил в сумрачную синеватую даль, другой, сияя закатной ртутью, втыкался в распахнутые кладбищенские ворота. Солнце, пунцовое и надутое, выглядывало приплюснутым боком из-за беспорядка надгробий. Полина, прикрыв ладонью глаза, пыталась разглядеть что-нибудь там, ей померещились какие-то быстрые тени среди могильных камней, она прищурилась, нет — показалось.

Хлопнув дверью, на веранду вывалился Тед.

— Гляди! — он сунул Полине под нос мятую бумагу. — Вот суки!

Перед глазами плыли яркие круги, Полина взяла лист. На нем печатными злыми буквами (в двух местах карандаш порвал бумагу насквозь) было написано: «В ад!»

— Камень был завернут... — майор закашлялся. — Пся крив!

Полина расправила лист, зачем-то посмотрела на просвет, словно искала водяные знаки.

— Что это? — она растерянно повернулась к майору. — Кто это?

— Кто? — Тед хмыкнул, закуривая. Огонек подрагивал, Полина заметила, что у майора мелко

дрожат руки. Он выдул струю дыма и, кивнув в сторону города, сказал:

— Да кто угодно. Практически каждый.

Над кладбищем разливалась малиновая дурь, а на востоке в нежно-сиреневой глади еще совсем светлого неба проступила бледная, словно недопроявленная фотография, полная луна.

Полина собрала большие осколки в ведро, мелкие долго выметала из щелей паркета. Свет не зажигали, майор мрачно курил в кресле, изредка сердито мотал головой, как усталая лошадь, и что-то бормотал. Шторы медленно вздувались парусом и вяло опадали, словно обессилев, потом вздувались опять. Полина зябко повела плечами, в гостиной становилось холодно.

— Заклеить чем-то надо, — она повернулась к майору, тот махнул рукой.

На кухне нашлась картонка — коробка из-под пиццы завалилась за холодильник. Стерев пыль и паутину, Полина приспособила ее, прилепив кусками пластыря к раме.

— Да-а, — проворчал Тед. — Теперь уже поздно.

Полина не поняла, повернулась.

— Мне поздно, — майор затыкнулся. — Упустил время. Бежать отсюда к чертовой матери. А теперь уже поздно.

Он опустил голову и стал похож на подростка. Полина подошла, осторожно положила ладонь на плечо.

— Ну почему же... — она замялась, в голову лезли какие-то банальности, ей хотелось утешить старика, сказать что-нибудь ласковое и умное. Ничего лучше, чем «никогда не поздно начать сначала», на ум не пришло. Она решила промолчать.

— И тебя тоже касается, — он поднял голову. Полина улыбнулась, майор мрачно покачал головой. — Ты всегда будешь здесь чужой. Эти сволочи не примут тебя. Как не приняли меня.

— Не очень-то и надо. — Полина выпрямилась, села на диван. В комнате стало совсем темно, в синем окне висел черный квадрат, над ним робко зажглась ранняя звезда.

— Не так все просто, вельможна пани. Тут не признают нейтралитета, ты или с ними, или... — майор чиркнул спичкой, огонь выхватил из тьмы страшное, морщинистое лицо какого-то тролля. У Полины прошел холод между лопаток.

— Меня поначалу еще как-то терпели, из-за Греты. После, когда она... — майор запнулся. — Когда я остался один с сыном, тут-то все и началось.

— А что с ней, с Гретой? — Полина спросила и тут же пожалела. Старик замолчал, тишина, казалось, длилась вечно. Он курил, дым поднимался над головой, сизой пеленой плыл по комнате.

— Грета была из данцигской фамилии, — безразлично начал майор. — Фогели. Их тут называли «прусской мафией» — Фогели, Галли и Штат-

тенхаммеры. Три семьи, которые держали Данциг за глотку со дня основания. Почти двести лет. От Фогелей остался пшик — Грета сбежала через месяц после того, как меня привезли в медалях и на этой штуке, — Тед постучал костяшками по протезу. — Грэгори... этот тоже сбежал. Шестнадцать стукнуло, он и дал деру. Работает в Сан-Франциско в балете, дизайн костюмов, что ли, — майор зло сплюнул. — Педик он. Можешь себе представить, как местные к эдакому сюрпризу отнеслись?

Полина промолчала, старик нашарил пепельницу, со скрипом придавил окурок.

— От Штаттенхаммеров осталась эта чертова кукла Вера — дура дурой, да еще какое-то бабье бестолковое, у них раньше строительная фирма была, считай, весь город они выстроили. Собор видела? Помню папашу Вериного — Дитера, ходил с хлыстом по стройке. Чуть что, поперек спины так перетянет, будь здоров, не кашляй! Редкая сволочь...

За окном стало совсём темно, где-то вдали затявкала собачонка, залиvisto и азартно.

— Так что молодой Галь, считай, остался единственным и полноправным тугошним хозяином, — майор усмехнулся. — Курфюрстом.

— А что это за волчица?

— Волчица? — он замолчал, подумав, сказал: — Ты знаешь, я не верил, всегда считал бабьими сплетнями... Раньше.

— А сейчас?

— Черт его знает... Это ведь только считают, что с возрастом человек мудреет. Столько тут дури, — он похлопал ладонью по темени. — Просто старики умеют язык держать за зубами.

— Так я своими глазами видела того бродягу, на озере. И шериф сказал — зубы на горле, волчь! Голодная свадьба.

— Голодная свадьба, ну хорошо, — майор засмеялся. — Выходит, значит, Колинда из могилы, оборачивается волчицей и грызет бездомных. Ну хорошо, можно и так.

Майор наклонился вперед, в косых полосах лунного света пыльно светился дым, он стелился слоями по черной комнате, словно ночной туман.

— Я вот о чем думаю... — старик хрипло прочистил горло. — Вот это послание — оно кому? Тебе или мне?

26

Всю ночь снилась кладбищенская чертовщина, пустые могилы, гнилые доски, кресты, — Полина раза четыре просыпалась, очумело оглядывала спальню, не дыша, прислушивалась к сонному дому. На нижнем этаже скрипели половицы, кто-то урчал в батарее, сердце гулко тукало на весь дом.

Полина снова проваливалась в сон: сумрачный пустырь, бровастая брюнетка с пунцовыми губами молча тянула ее за руку в сторону чахлых огородов, дальше виднелось кладбище, Полина знала — туда ни в коем случае. На краю бахчи у костра сидела босая старуха, грела грязные руки. Глядя в огонь, сухо потирала тощие ладони, что-то приговаривала, посмеивалась. Полина наклонялась — что вы говорите, бабушка, что? Что? Старуха поднимала лицо, страшное, белое, — как что, дорогуша? Голодная свадьба!

Почти опоздав к началу урока, Полина влетела в классную комнату, раскрыла «Лекции по русской литературе». Потертый том, изданный еще при жизни автора, она умыкнула из библиотеки, на задней обложке укоризненно белела наклейка «Собственность Колумбийского университета».

— Выйдя замуж за чиновника с многообещающей карьерой, Анна ведет беззаботную светскую жизнь в самом блестящем петербургском обществе. Она обожает своего маленького сына, уважает мужа... — Полина запнулась, подняла глаза: она совершенно забыла про пощечину.

Ленц, лениво закинув локоть за спинку стула, слушал, чуть улыбаясь. Хильда Эммерих, прямая и строгая, конспектировала, не поднимая головы. Все было как всегда.

— ... и ее кипучая, жизнерадостная натура, — Полина быстро вдохнула и продолжила, — охот-

но принимает все поверхностные удовольствия жизни.

Она читала торопливо, словно боясь сделать паузу, словно в эту паузу тут же могли вклиниться какие-то вопросы, чреватые спорами, а от споров один шаг до ругани, скандала, безобразия и мордобоя.

Сказала, что перемены не будет, она отпустит их на десять минут раньше. Второй час пролетел в суетливой агонии, Полина косила на часы, не прерывая чтения. Наконец стрелка дрогнула и нервно уткнулась в одиннадцать, Полина с облегчением выдохнула и захлопнула книгу. Первой вышла из класса и тут же налетела на директора.

— Ну? — ей показалось, что он подмигнул. От Герхарда пахло кофе, чем-то еще, вроде старого полированного дерева — так пахло у отца в кабинете: огромный письменный стол на львиных лапах, мягкий ковер, книги, книги. Полина пожала плечами.

— Значит, все в порядке, — он улыбнулся. — Ну, что я говорил?

Полина хотела сказать про разбитое окно, про камень, про записку, вместо этого неожиданно для себя самой спросила:

— А что стало с Лорейн Андик?

— Почему ты спрашиваешь? — Герхард сразу перестал улыбаться.

— Ее уволили?

— Нет.

— Она сама? Почему?

Галль пожевал губами, мрачно выпятил челюсть.

— Зачем тебе?

— Любопытно. Что случилось с моей предшественницей. Чистое любопытство.

Директор явно прикидывал, стоит ли говорить, решившись, сухо сказал:

— Она уехала. Не появилась в школе. Просто исчезла.

Полина молча смотрела ему в глаза.

— Просто исчезла, — повторил он.

Прогремел звонок, директор вздрогнул, эхо затихло где-то в пустых коридорах наверху. В школьном дворе кто-то лупил мячом в стену, настырный резиновый звук раздавался с почти идеально равными интервалами. Герхард рассеянно посмотрел на Полину, кивнул и медленно побрел к себе.

Вернувшись домой, Полина решила разобрать елку, нужно было чем-то занять себя, не думать. Она осторожно снимала скользкие шары, укладывала их в коробку, сухие иголки кололи пальцы, шуршали и осыпались, на полу постепенно образовался круг из сухой хвои.

Голая елка с обрывками мишуры и серпантинна выглядела жалко, всего за неделю из маленького чуда она превратилась в заурядный мусор. Полина вздохнула, ухватила за ствол, выта-

щила дерево на улицу. Воткнув его между мусорных баков, она вернулась в гостиную, принялась подметать. Иголки застревали между паркетин, Полина ползала на коленях, упрямо решив вымести все до одной. Это почти удалось. Потом спустилась вниз, бережно неся перед собой совок с горкой хвои. Ссыпала в мусорное ведро. Пустила воду, вытирая руки полотенцем, она повернулась и увидела на столе мертвую птицу. Это был робин, красногрудый, чуть больше воробья, такие часто залетали к ней сад. У птицы не было головы.

Полина застыла, сделала неуверенный шаг. Голова была срезана чисто, словно бритвой. На пластик кухонного стола натекла лужица, она уже подсохла и напоминала пролитое малиновое варенье.

Комкая полотенце, Полина оглянулась, посмотрела вверх на лестницу, потом на дверь, ведущую в сад. Расправила полотенце и накрыла птицу. Бесшумно открыла ящик, вытащила длинный хлебный нож. Выставив вперед лезвие, крадучись дошла до двери, стекло было цело, замок закрыт. В саду не было никого.

Она прислушалась. Не опуская ножа, пошла по лестнице. Оглядела гостиную, комната вдруг показалась чужой, враждебной. Из приоткрытого стенного шкафа выглядывал чей-то рукав. Полина отвела руку с ножом, распахнула дверь — это была ее куртка. Она прерывисто вдохнула, надо

идти наверх, в спальню. Ей показалось, что она просто физически не сможет заставить себя сделать это.

Осмотрела гостиную: веник на полу, коробка с елочными украшениями, Полина даже заглянула за диван, хотя там могла спрятаться лишь кошка. Проверила входную дверь — заперта. От напряжения рука затекла. Полина потрясла кистью, снова сжала горячую рукоятку, обреченно взглянув наверх, медленно пошла по лестнице. Каждая ступенька, как пытка. Поднявшись, собралась с духом, распахнула дверь в спальню — никого. Оставалась ванная.

В ванной тоже никого не оказалось. Полина быстро сбежала в гостиную, выглянула в окно. Улица была пуста.

Майор выслушал ее, не перебивая, лишь хмурясь и задумчиво стряхивая пепел указательным пальцем в чашку с остатками чая, от никотина ноготь пожелтел и напоминал коготь. Полина закончила и замолчала.

— Новые замки, — старик прокашлялся. — Это не обсуждается.

— А полиция? — Полина удивленно посмотрела на него. — Это ж криминал! — Она ткнула пальцем в разбитое окно. — За это срок дают! Это как минимум хулиганство!

Тед пожал плечами, уронил окурок в чашку, тот зашипел и пустил струйку дыма.

— А у меня так вообще, — Полина вскочила, взмахнула руками, прошла быстро до двери и обратно. — У меня вообще — взлом, незаконное проникновение и убийство животных. Надо звонить в полицию!

Тед, крикнув, поднялся, проковылял на кухню. Вернулся со стаканом.

— Остынь, пани. Вот, глотни лучше, а то что-то ты слишком нервная нынче. Нельзя так.

— Не надо! — Полина замотала головой, отстранила руку майора. — Не буду. Спасибо. Нервная!

Тед пожал плечами, сделал глоток. Полина, передумав, взяла стакан, выдохнув, отпила.

— Гадость какая... — она сморщилась, прижав ладошку к носу. На глазах выступили слезы, она шмыгнула носом и уверенно сказала: — Надо звонить в полицию!

Тед исподлобья поглядел на нее, медленно опустился в кресло.

— В полицию? — Он сморщился, вытянул покалеченную ногу. Штанина задралась, выглянул стальной протез с детским резиновым ботинком. Полина отвела взгляд.

— Полиция в Данциге — это шериф Ленц. — Старик ухмыльнулся. — Это и есть местный закон. Не считая судьи Штюрмера, старого маразматика.

— Я не понимаю, видела я этого Ленца. — Полина снова стала ходить по комнате. — Шериф, на гриб похож. Не понимаю, к чему вы клоните!

— Видела она. — Майор покачал головой, вдруг прикрикнул: — Да сядь ты, в конце концов! Мельтешит, понимаешь...

Полина послушно села.

— Шериф не станет возбуждать дела по двум причинам... — Старик сделал паузу, вопросительно глядя на Полину.

— Потому что это делает кто-то местный?

Старик кивнул и добавил:

— И нет никаких улик.

— А птица! Птица! — Полина вскочила, тут же быстро села, зажав ладони между коленей.

— Птица? А как она попала в закрытый дом? Замки целы, окна на щеколдах.

— Вот пусть полиция и разберется!

— Они разберутся. — Майор мелкими глотками допил бурбон, как воду, поставил стакан на пол. Полина поморщилась и отвернулась. — Они разберутся, и выяснится, что птицу принесла ты сама. Сама отрезала голову, сама позвонила в полицию.

— Я?! Это же бред! — Полина возмутилась. — Зачем? Ну зачем?

Старик откинулся в кресле.

— А вот это тебе и придется объяснить шерифу Ленцу. Зачем ты это сделала.

— Бред! — Полина нервно засмеялась.

— Вот именно — может, в бреду ты была, может, помрачение рассудка. Тут до тебя одна панночка учительствовала, Лорейн... — Майор выудил из

нагрудного кармана пачку, закурил. — Так вот, она однажды утром села на велосипед и уехала.

— Велосипед?

— У крыльца стоял. — Тед кивнул в сторону окна. — Красный. Она на нем и в школу ездила, и вообще... Но не про то я — она все свои вещи оставила. Явился Ленц, его ребята весь училкин скарб по мешкам распихали, в кузов закинули и укатили. И все.

— Все?

— Угу, была училка, и нету.

— Так где... куда... — Полина растерянно развела руки. — Как это?

— А вот так. — Старик ухмыльнулся, стряхнул пепел в стакан, потом нахмурился. — Она в полицию звонила, несколько раз, говорила, что кто-то по чердаку бродит, потом ей какие-то шорохи в стенах мерещились, словно там скребутся когтями. Потом... — майор затянулся, выпустил дым в потолок. — Потом она нашла птицу. Без головы.

Полина замерла, между лопаток прошел холодок. Она молча смотрела в окно с приклеенной картонкой из-под пиццы.

— Не знаю кто, сам ли Ленц или кто еще распустил слух, что училка чокнулась. Короче, когда она исчезла, никто особо не удивился. Ты слушаешь?

Полина встала, тихо прошла к двери.

— Ты куда? Погоди... — Старик привстал, Полина, не оборачиваясь, вышла.

В трубке плыли гудки, длинные и гундосые. Потом кто-то ленивый отозвался:

— Полиция.

— Але! — Полина растерялась. — Полиция?

— Ну, полиция, полиция. Говорите.

— Вы можете приехать? — Полина вдруг поняла, что старик сосед оказался прав: она даже не могла толком объяснить, что произошло. — У меня тут... Кто-то проник в дом...

— Фамилия, адрес? — ленивый устало вздохнул на том конце. — Ну?

— Полина Рыжик, Розенкранц сто одиннадцать. Это у кладбища, последний дом.

Полицейский «Плимут», шоколадный с рыжей полосой на боку и белой надписью «Шериф», остановился посередине улицы. Задняя дверь распахнулась, шериф Ленц молодцевато выскочил, потянулся, разминая кулаками поясницу. Напялил белую шляпу, глянул в отражение в стекле «Плимута», аккуратно поправил поля и направился к дому. Хрястнула шоферская дверь, появился еще один полицейский, Полина, подглядывавшая из гостиной, отпрянула от окна и пошла открывать.

Шериф Ленц вблизи оказался загорелым сорокапятилетним (или около того) здоровяком с крепкой шеей и белесыми рыбьими глазами, странно смотревшими сквозь собеседника. Он слушал Полину не перебивая, иногда одобрительно кивал мясистой головой, каждый кивок состо-

ял из трех коротких кивочков. Полина старалась говорить спокойно, рассудительно, пару раз она осаживала себя, замечая, что начинает частить. Главное, произвести впечатление уравновешенного, здорового человека.

Второй полицейский, увалень с деревенским лицом, остался в коридоре, достал блокнот и что-то начал туда записывать. Он изредка поглядывал на Полину, потом снова утыкался в блокнот, писал, шевеля губами.

Полина выдохлась, рассказав все, она замолчала. Шериф совершил очередной ритуальный кивок, пожевал губами и, глядя сквозь Полину, безразлично спросил:

— Это внизу?

Она кивнула.

— Ну, тогда пошли. — Ленц, не глядя, кивнул коллеге-писарю.

Кровь на столе засохла и стала коричневой. Птичьи лапки сухими ветками торчали вверх. Полина двумя пальцами держала полотенце, потом незаметно бросила его в угол. Шериф, скрипя тугими сапогами, обошел стол по часовой стрелке, потом против.

— Сержант, — не глядя, обратился он к коллеге.

Тот вынул из нагрудного кармана дешевую камеру, сделал несколько снимков. От вспышки у Полины поплыли круги перед глазами. Шериф

протер глаза, дошел до двери в сад, подергал за ручку. Удовлетворенно кивнул три раза.

— Вот моя визитка, тут телефон. Звоните, если что.

Полина взяла картонку, растерянно посмотрела на Ленца.

— Советую сменить замок, — подавшись вперед, словно по секрету произнес он. Полина уловила запах мыла, детского розового мыла.

— А... как же... — она кивнула в сторону стола.

— Полиция Данцига убийством птиц не занимается, мэ. — Ленц, ухмыляясь, приложил два пальца к шляпе. — Мы не Гринпис.

Полина отодвинула занавеску. Шоколадный «Плимут» зарычал, широко развернулся и не спеша покатыл в сторону центра.

Полина вернулась на кухню. Подняла полотенце, прикусив губу, обошла вокруг стола. То, что было птицей, быстрым, летающим, щебечущим существом, теперь мало чем отличалось по своей безжизненности от стола, табуретки, капающего крана или тусклой лампы в мутном шаре над столом.

Сложив полотенце вдвое, Полина осторожно, словно боясь сломать, взяла птицу и, выставив руку, понесла к мусорному ведру. Труп оказался мягким, как плюшевая игрушка, но тяжелым, тяжелей, чем она могла предположить.

27

За ночь не случилось ничего, Полина, не раздеваясь, спала на диване в гостиной. Рядом на полу лежал хлебный нож, а у дверей были составлены баррикады из стульев.

После урока класс быстро пустел, ученики, топая и толкаясь, вываливались в коридор. Полина записывала в журнал; подняв голову, она увидела, что Михаэль, сын белошляпного шерифа-боровика, остался. Шарлотта, его подружка, шепнув ему что-то, вышла из класса и притворила дверь. Полина вопросительно посмотрела, Ленц-младший ухмыльнулся и поощрительно ей кивнул, мол, продолжайте, я подожду.

«Ну и наглец! — вспыхнула Полина, наклоняясь над писаниной, хотя все уже было заполнено. Она теперь просто водила ручкой, поправляя закорючки у букв. — Что папаша, что сынок! Ничего, пусть подождет».

Полина украдкой подняла глаза, тут же столкнулась с его взглядом — Михаэль без церемоний пялился на нее, разглядывал, вальяжно закинув локоть за спинку стула и выставив в проход длинные ноги. Полина уткнулась в журнал. Ей показалось, что она краснеет. Только этого не хватало! У букв начали появляться завитки и узорные цветочки. Полина глубоко вдохнула, отодвинула журнал.

— Что тебе? — Голос получился почти сердитым, она добавила мягче: — Что-нибудь случилось, Михаэль?

Ленц не ответил, заложив руки за голову, он снова ухмыльнулся и перекинул ногу на ногу, движения были по-кошачьи плавными, грациозными, и мерзавец знал это. Полина терпеливо молчала.

— Я слышал про робина. — Михаэль проговорил тихо, у него были детские губы, розовые и влажные. — Про птицу. Отец звонил кому-то, я услышал.

Полину удивило, что шериф вообще помнил об этом.

— Ерунда, — она махнула рукой и стала смотреть в окно, там собирался дождь, кто-то в школьном дворе подкидывал мяч, и он заглядывал в окно то красным, то синим боком — подлетал, замирал на секунду, а после падал вниз.

Ленц перестал улыбаться и отрицательно покачал головой:

— Не ерунда. Вам нужно поменять замки...

— Уже, — перебила его Полина. — Уже позвонила, через час приедут и меняют.

Она встала, сунула журнал в сумку, поглядела на Ленца. Тот не двигался, от его взгляда Полина становилось неловко, она перекинула сумку через плечо.

— Все?

— Нет.

Полина растерялась, ответ прозвучал спокойно, уверенно.

— Послушай, что тебе нужно? — вышло слишком взвинченно, но Полине уже было все равно. — Если вы думаете напугать меня своей волчицей или еще какими-то сказками — зря! Не страшно. — Сорвав сумку с плеча, она грохнула ее на стол. — Не боюсь! Я приехала в ваш чертов Данциг преподавать литературу, именно литературой я хочу и ограничиться. Я не знаю, что вы тут хотите устроить — христианскую общину, безалкогольную секту, тайное братство — мне плевать! Ваши дела!

Ленц слушал молча, внимательно глядя ей в лицо.

— И я уеду отсюда при первой возможности! — Полина рванула сумку со стола, распахнула дверь.

С той стороны подслушивала Шарлотта, она отскочила, испуганно моргая.

— Замечательно! — Полина крикнула через плечо и быстро, почти бегом пошла по коридору в сторону лестницы.

Аккуратный старичок по имени Иероним — имя было вышито желтой ниткой на кармане его опрятного синего комбинезона — ловко поменял оба замка, проверил задвижки и собачки, брызнул из медной масленки внутрь стальных механизмов. Протянул Полине ключи:

— Эти вот, на медном карабине — от входной, вот эти — от двери в сад. — Иероним улыбнулся, округлив розовые фарфоровые щеки. У него были белые усы, похожие на колючую зубную щетку.

Оставшись одна, Полина заперла обе двери, поднялась в спальню, села на кровать. На стенах лежали полосатые тени от жалюзи, от паркета пахло нагретой мастикой и пылью. Лорейн Андик так же разглядывала эти тени, вдыхала запах теплого дома. Полина подняла взгляд, с потолка из пятна выглянул хитрый турок, там, в углу когда-то протекла крыша. Там чердак, оттуда Лорейн слышала какие-то звуки, — Полина пыталась вспомнить, кто ей говорил про звуки с чердака. Майор?

Полина тихо встала, разглядывая потолок, прошла к двери. Где-то должен быть люк наверх, на чердак. Лорейн слышала звуки, а потом исчезла, уехала, бросив все. Все оставила и уехала. Уехала?

Полина зашла в ванную, там тоже не было люка. А может, эта Лорейн полезла на чердак? Может, эта любопытная Лорейн, услышав эти чертовы звуки, нашла люк и забралась наверх? Полина села на край ванны.

— Господи, — прошептала она. — А вдруг она...

У Полины прошел холод по спине, тут же полезли в голову высохшие мертвецы с черными дырами глазниц, забытые покойники, случайные мумии, — вспомнилась нью-йоркская история про

старушку, которую нашли через месяц, бедняга так и сидела в кресле с чашкой чая.

Но запах! Полина втянула воздух: в ванной пахло сырым мылом, еще чем-то парфюмерным. Она вернулась в спальню, настороженно, как охотничий пес, пошла кругами, стала принюхиваться. Пахло мастикой, старым деревом, горьковато тянуло сухой плесенью. Полина распахнула встроенный шкаф, мускусный дух мастики усилился. Над верхней полкой в потолке она разглядела квадрат люка. Из люка торчало кольцо с обрывком толстой веревки. Полина сжала кулаки, она стояла в полутемном шкафу среди вешалок со своими блузками и разглядывала квадрат люка. «Нужно просто принести стул, забраться и потянуть за кольцо. Сейчас принесу фонарик, встану на стул, открою люк. Просто загляну, даже не буду залезать». Воображение нарисовало балки, тусклый луч шарит по старым доскам, изнанка крыши, ржавые гвозди, с темных балок свисает серая паутина, в углу старые картонки, коробки, чердачный хлам, ключья пыли, луч натывается на кучу какого-то тряпья, похоже на выброшенную одежду, в лохмотьях что-то белеет, матово и округло, луч останавливается, теперь уже можно разглядеть спутанные волосы.

Полина выскочила из шкафа. Не отрывая взгляд от потолка, осторожно обошла вокруг кровати. Сердце ухало где-то под горлом. Ладонью

вытерла влажный лоб. Полина откровенно себе призналась, что не сможет залезть на чердак, не сможет даже приоткрыть люк. Ей послышался шорох, тихий, словно кто-то царапал по дереву, потом тихий стук. Она перестала дышать. В дальнем углу сознания кто-то прошептал: «Вот так, дорогуша, и сходят с ума». Между лопаток скользнула вниз горячая капля.

Стук повторился, теперь громко и отчетливо. Тук-тук, тук — два вместе, последний после паузы.

Полина на цыпочках вышла из спальни, остановилась перед ванной. Стук раздался снова. Теперь стало ясно, это внизу, снаружи. Кто-то стучал в дверь. Полина тихо выругалась, сбежала по лестнице.

— Кто? — голос получился сдавленный, сильный. Она повторила строго и громко: — Кто там?

— Это я...

— Кто — я? — Полина прижала ухо к дверной щели.

— Михаэль... — после паузы. — Ленц.

Полина растерялась, провела рукой по волосам, щелкнула задвижкой.

— Чего тебе? — распахнув дверь, спросила она. — Замок поменяла, вот! — она указала на блестящие фальшивым золотом новенькие ручки. — Чего еще?

Тон выходил хамоватым, Полине казалось, что получается это почти произвольно. Михаэль

потрогал пальцем стальную собачку, латунные винты в косяке.

— Да, хороший. Надежный замок...

Полина скрестила руки на груди, вопросительно уставилась на мальчишку. Он встретился с ней глазами и тут же отвел взгляд.

— Можно мне зайти? — Ленц смотрел куда-то в сторону, часто моргая длинными ресницами. На скуле проступил румянец.

«Как от мордатого шерифа с тугой шеей мог родиться эдакий херувим, — подумала вдруг Полина, — тут родства не более чем между топорным гаучо с фрески Сикейроса и воздушным пажом с полотна Боттичелли».

— Ну? — Полина захлопнула дверь. — В чем дело?

Спросила холодно, почти враждебно. Тут же с досадой подумала: «Что со мной? Почему я не могу говорить нормально, это же мальчишка, просто ребенок! Ну хорошо, не ребенок, — подросток».

Михаэль присел на угол дивана, сцепил пальцы рук. Полина опустилась в кресло, тут же встала:

— Хочешь соку? Есть апельсиновый.

Мальчишка торопливо кивнул, быстро взглянув на нее.

Полина вернулась с двумя потными рыжими стаканами, протянула один Михаэлю.

— Дочитал книгу? — спросила Полина, садясь в кресло. На кухне ей удалось кое-как собраться с мыслями, дальнейшее поведение должно прой-

ти под лозунгом «Из нас двоих только один взрослый, и это я».

Ленц кивнул и махом выпил полстакана сока.

— Ты знаешь, — Полине казалось, что голос фальшивый, таким говорят учителя и священники, она, пересилив себя, продолжила: — Анна, наверное, мой любимый персонаж. Вообще в литературе. Она олицетворяет любовь, пусть грешную, страстную, необузданную, но именно любовь. И от читателя ждет лишь понимания и сострадания. Не пересчета ее прегрешений, а именно прощения. Да и кто мы такие, чтобы судить ее?

Ленц поднял глаза и кивнул.

— И дело тут не в том, что все мы не без греха и поэтому не нам бросать камни. Дело в зависти. Те, которые гневно порицают Каренину, они завидуют ее свободе, а главное, ее способности любить. Любить без оглядки, любить до самозабвения, любить до смерти. Для них любовь — арифметика, для Анны — воздух, сама жизнь. Ханжа подобен бескрылой птице, лицемерно пугающей опасностью полета.

Михаэль, не отрываясь, смотрел на нее. Солнечные полосы на полу доползли до его ботинок, он сделал глоток, опустил руку. Луч угодил в стакан, сок в стекле тут же вспыхнул, как волшебный эликсир.

Полина замолчала, она потеряла нить, улыбнулась.

— Ну, это так, вкратце, подробности оставим для классных занятий. — Она сделала паузу, спросила: — Что случилось с мисс Андик?

Мальчишка не удивился вопросу, он поставил стакан в солнечную лужу на полу, сцепил пальцы. Внимательно посмотрел на Полину:

— А что вам известно?

— Только то, что она жила в доме, где сейчас живу я. Преподавала в школе, в которой сейчас преподаю я. Была окружена теми же людьми, ходила по тем же улицам, смотрела из этого окна на это чертово кладбище. А потом... Потом вдруг села на велосипед и укатила в неизвестном направлении.

Полина замолчала, Михаэль нахмурился, его лицо удивительным образом, утратив детскую смазливость, стало взрослым, почти мужским. Он рукой откинул челку назад.

— Или не уехала... — тихо сказал он. Полина вздрогнула, непроизвольно посмотрела на потолок.

— Она нигде так и не появилась. Полиция связалась с университетом, отец... — Михаэль запнулся, быстро добавил: — Отчим... ну это неважно, мой отец... ну это тоже неважно... короче, ни ее родня, ни знакомые ничего не знали. Никто ее не видел, она никому не писала, не звонила. Вообще...

Лицо Полины застыло, внутри появилась тяжелая тошнотворная пустота. Ей почудился тот

же приторный мускусный запах, который шел с чердака.

— А мертвый робин? — она с трудом сглотнула, от апельсинового сока слюна стала тягучей и кислой.

— Она несколько раз звонила в полицию. Сначала из-за каких-то звуков, с чердака, из стен. Ей посоветовали завести кошку или купить мышеловку. Это отец — ему казалось очень остроумным, он всем рассказывал про свою шутку. Потом появилась мертвая птица, Лорейн... вернее, мисс Андик снова позвонила в полицию. Через несколько дней еще одна птица, она снова звонит. Отец был уверен, что учителька просто издевается над ним.

Мальчишка замолчал, между бровей появилась складка, он взрослым жестом провел по скуле, словно проверяя щетину.

— Но она не издевалась... я видел в школе, на уроках... Видел, как сильно она напугана, так не издеваются. Нет, так не издеваются. — Михаэль вдруг заговорил быстрее, с азартом. — Она вот ведет урок, вдруг — раз, и застынет, как будто в гипнозе. Или говорит с тобой, вдруг на полуслове повернется и уйдет. Нет...

— Как к ней относились, ну вообще? В школе, ученики... Тебе она нравилась?

— Да... Нет, верней, не так, как... — он вдруг смутился и покраснел. — К ней нормально все относились, да. И в школе, и мистер Галль тоже. Ну,

все вообще... Когда она исчезла, стали болтать, что она просто спятила, ну, в смысле чокнулась.

— Слетела с катушек. — Полина кивнула. — Понятно. Уехала кататься на велике и заблудилась. Красивая версия.

Михаэль пожал одним плечом, неуверенно сказал:

— Про волчицу говорили... Что это волчица... — Он замялся.

— И ты веришь?

— Ну, а бродяга тогда как? У него следы от зубов на шее. Дырки прямо на горле! Я фотографии видел, которые в деле лежали, у отца, — жуть!

Полина закусила губу: мускусный запах, чердак — она не знала, как об этом сказать. «Я подозреваю, что у меня там труп вашей учительницы по литературе? Милый мальчик, не проверишь ли?»

— Михаэль? — неуверенно обратилась Полина. — У меня есть... просьба.

Ленц выпрямил спину, с готовностью уставился на нее.

«Как пес», — улыбнулась Полина.

— С чердака какой-то запах, — обыденно произнесла она, усмехнулась, нервно крутя стакан с соком, — ты не посмотришь? А то я... — она не знала, что сказать, конец фразы повис в воздухе, но Михаэль с готовностью кивнул, тут же встал.

— Ну, вот и отлично, — Полина энергично поднялась, ее чуть мутило, она глубоко вдохнула, ста-

раясь не думать о куче истлевшего тряпья в углу чердака под самой крышей.

Фонарь нашелся внизу, в ящике, среди кухонного хлама. Полина поменяла батарейки, пощелкала кнопкой. Михаэль сунул фонарь в задний карман. Поднявшись в спальню, он устался на кровать, потом смущенно отвернулся — со спинки свисали черные колготки. Полина, быстро скомкав, молча спрятала их в ящик комода.

Михаэль забрался на стул, ухватился за веревку, осторожно потянул. Заскрипев пружинами, люк приоткрылся. Сверху торчал конец складной лестницы.

Полина отпрянула — вонь явно усилилась. «Надо ему сказать, предупредить».

— Михаэль... — начала она. — Там...

— Все под контролем! — радостно отозвался мальчишка, ловко вытягивая лестницу. — У нас такая же система, только лестница алюминиевая, а ваша — деревянная, и на чердаке свет есть. Может, и тут тоже лампочка, поглядим сейчас!

Лестница уперлась в пол, мальчишка ловко вскарабкался наверх, остановился на верхних ступенях. Полина перестала дышать, она устала на его ботинки, непроизвольно схватила за штанину.

— Стой! Не лезь! Посмотри просто — отсюда!

Наверху щелкнул фонарик. Прошло с полминуты.

— Ну? — Полина так и держала его за штанину.

— Не, нет света, не вижу... — Голос прозвучал гулко и будто издалека. — Нет ни лампочки, ни выключателя...

— Ну а что там? Что?

— Да фонарик дрянь, еле светит. Надо залезть... Сейчас я... — Он легко выдернул штанину из ее пальцев. Полина уставилась в черный квадрат люка. Прямо над головой хрустнули осторожные шаги, словно кто-то ступал по мелкому гравию. Полина взглядом проводила звук, мальчишка был где-то над спальней.

— Ну что там? Не молчи! — нервно крикнула Полина.

— Пылища... Коробка какая-то...

— Какая? Что там?

— А-а, ничего... Ботинки старые, чайник...

— Чайник... — прошептала Полина, кусая губы, не сводя взгляда с потолка. Шаги потоптались над кроватью, медленно направились в сторону ванной. Раздался глухой деревянный стук, Михаэль вскрикнул, Полина подскочила к лестнице.

— Что?! Михаэль?!

— Тварь! — мальчишка вполголоса выругался. — Балка тут. Не заметил, прямо башкой впаялся... мать твою... Все нормально, мисс Рыжик!

Мальчишка бродил над ванной. У Полины затекла шея, она опустила голову вниз, в этот момент шаги замерли.

— Господи... — донеслось с чердака. Полина вздрогнула и вцепилась в перекладину лестницы.

— Тут скелет... — проговорил Михаэль. Полина показалось, что она сейчас грохнется в обморок, она раскрыла рот, вместо слов получился какой-то сильный стон.

В люке показались башмаки, Михаэль быстро спустился вниз.

— Надо звонить в полицию, — странным, чужим голосом пробормотала Полина. — Звонить...

На лбу у мальчишки краснела солидная шишка, в волосах запуталась паутина. Он вытер ладони о штаны, удивленно посмотрел на учительницу.

— В полицию? Из-за дохлого енота?

— Енота?

— Ну, похоже на енота. Там кости да клочья шерсти только остались. Хвост еще.

Полина дошла до кровати, села на край.

— Енот...

Михаэль кивнул и сунул руки в карманы тугих джинсов.

— Енот... — повторила Полина.

В окне отражалась спальня, белая кровать, Полина провела по волосам, поправила. По солнечным доскам паркета промелькнула тень птицы. Михаэль прокашлялся и неуверенно сказал:

— Там корм в тазу. Собачий. Я таким Ллойда кормлю, сухой корм... «Кикс», в углу, под крышей, пустой пакет на пять галлонов, — он задумался и добавил: — А второй таз пустой, я думаю, там вода была.

Полина уставилась на него.

— Корма много осталось, по всему чердаку рассыпан. — Михаэль осторожно потрогал шишку, Полина тоже поморщилась. — Вода кончилась, он, наверное, от жажды... Енот.

28

Ленц ушел. До этого еще раз поднялся на чердак, собрал останки енота в черный пластиковый пакет, хладнокровно вынес на улицу и, приоткрыв крышку, опустил в мусорный бак. Мелькнул хвост, дымчатый, с черными полосками. Полина кивнула и приложила ладонь к стеклу. Мальчишка помахал рукой, ловко запрыгнул на велосипед и покатил вверх по Розенкранц.

Полина отошла от окна, паркет скрипнул, сверху что-то отозвалось. Она прислушалась, ей показалось, что дом насупился, затаил обиду. Ей стало страшно, она хотела спуститься на кухню, но, заглянув в темный пролет лестницы, передумала.

Снаружи по подоконнику бродил голубь, царапал жезь и блаженно курлыкал. Солнце садилось, косой луч заблудился среди голых веток сирени, перебирал их, потом погас. Полина потеряла ладони, казалось, к пальцам прилипла паутина. Отчего-то вспомнилось, что бабушка хранила яблоки

на чердаке, она раскладывала их на старых газетах, восковые бока будто светились в полумраке, и по дому полз сочный антоновский дух.

Полина села на диван, ногтем долго выписывала восьмерку по шершавому гобелену обивки, потом, поджав ноги, уткнулась в угол. Из ватной тишины выплывало голубиное воркование, окно из золотистого стало серым, зимним, с болезненно-лиловым отсветом. Полина поежилась, дотянулась до пледа, укрылась. Снова стала крутить шершавые восьмерки.

«Лорейн сидела на этом диване, сидела, укрывшись этим пледом. Голубь так же бродил по карнизу, стучал клювом в жель. Смеркалось, в феврале темнеет рано, сеял дождик с белой крупой. Или было сухо? Темнота густела, таранилась из лестничного пролета в распахнутые двери. Она дремала, очнувшись, слышала, как стукнула дверь, но в доме никого. Наверное, почудилось.

Так же пахло старым домом, сухим деревом, чайным листом, чем-то еще вроде лаванды. Такие летние запахи, а за окном февраль. Лорейн раскрыла Библию, но от одиночества и тоски Библией не загородиться. Или это был страх? По балкам чердака царапали коготки, острые когти, шериф советовал завести кошку — сам ну просто вылитый гриб! Да и кошкой от когтей этих не защититься.

Лорейн сидела на диване, Библия, плед, темное окно, она боялась зажечь свет, тайком погля-

дывая на ступеньки, что ведут наверх. Ступеньки обиты медью, дерево испаркано — наверху спальня, с видом на бок кладбища и дальние крыши под красным и серым шифером. Кровать, над кроватью — когти.

Или она молилась? Вставала на холодные доски, а может, просто закрывала глаза, ведь с Богом говорить не обязательно на коленях, а Бог тут в Данциге совсем рядом, прямиком над крышей. Ведь местные только и делают, что молятся. Считай, прямая связь.

Разгадала ли я тебя, Лорейн? Ты просишь Его найти выход: пусть как этот нудный голубь, что долбит клювом жесть, но чтоб улететь, взмыть, исчезнуть. Вон отсюда. Пусть одна, жизнь штука такая — одинокая. Остальное — видимость, самообман. Одиночество не так уж страшно, когда паришь, а сверху бездонное небо. Воздух над тобой, и луна, и солнце. А это, милая моя Лорейн, уже почти бессмертие.

Я ступаю за тобой след в след, как по глубокому снегу, мороз забирается за голенища, тут главное не оступиться, не утонуть в холодной вате. И выхода у меня нет, лишь повторять все за тобой — след в след: Нью-Йорк, Колумбийский университет, профессор Лири — милашка Саймон и под конец Данциг. Данциг! Что за слово, что за звук — будто железной дверью клацнули — клац! — и все, возврата нет и быть не может. И городок этот — чопорный, на все пуговицы застегнутый, а взгляд

такой замогильный, будто у похоронных дел мастера, да и при всей прилизанной чопорности своей по городку мертвечинкой так и потягивает. Как с чердака нашего, дорогая моя Лорейн!

Следы твои теряются в сумерках, я сделала еще шаг — вот она, обезглавленная птица, сколько у тебя их было — три? А что потом? Я знаю, если мне не разгадать тебя, мне тоже придется исчезнуть, растаять, испариться. Я вижу твою спину, нервную и худую, ты сходишь с тротуара, огибаешь каменную ограду; откуда здесь столько хризантем? Они серые, тусклые, как зола. Я ступаю по ним, по хрупким серым цветам... Цвета золы...»

Полина уткнулась подбородком в грудь, приоткрыв рот, задышала глубоко и печально. Рука обмякла и сползла с дивана, ладонь медленно раскрылась, словно в ожидании подаяния.

Утро среды брызнуло ярким светом, растеклось фальшивым венецианским стеклом по паркетным доскам гостиной. Полина удивленно огляделась, опустила ноги на пол. Спина затекла, Полина потянулась — она так и проспала всю ночь одетой на горбатом диване. Встала, громко топая по ступенькам, быстро поднялась наверх, распахнула дверь в спальню. Вчерашний страх сменился злой решимостью.

— Мисс Рыжик? — Вера Штаттенхаммер удивленно отозвалась после третьего гудка. — У вас в среду, по-моему...

— Нет занятий, нет, — перебила Полина. — Я не по этому поводу звоню.

— Чем могу помочь? — чопорно спросила Сахарная Вера.

— Лорейн Андик... — медленно начала Полина, ей показалось, на том конце возник вакуум — ни звука. — Которая преподавала тут до меня... Я хотела бы с ней связаться... — В трубке звенело космическое безмолвие. — В мае выпускные экзамены, мне нужно знать, какой материал она давала классу, в каком объеме... Вы меня слышите, мисс Штаттенхаммер? Але?

— Да, — выдавила Вера. — Да, да, — она поперхнулась и закашлялась.

— У вас же есть в файле ее адрес, мобильный телефон? У вас есть ее файл?

— Да... Но...

— Я записываю, мисс Штаттенхаммер, — жестко сказала Полина, щелкнула шариковой ручкой, ища, на чем бы записать. Под рукой ничего не оказалось, Вера на том конце, пошуршав бумагами, начала диктовать цифры.

— Сейчас, секунду... — Полина сняла со стены календарь Босха, быстро начала записывать. — Так, тридцать семь, пятнадцать, да?

Вера тусклым голосом повторила номер и повесила трубку. Это был нью-йоркский телефон, Полина быстро набрала, закусив губу, стала считать гудки.

— Номер, по которому вы звоните, отключен и более не обслуживается, — произнесла механическая женщина на том конце. — «Белл Атлантик», старейшая компания Америки, мы предоставляем своим клиентам отличный сервис и низкие тарифы. — Женщина-робот щелкнула и отключилась. Пошли короткие гудки.

Полина с минуту слушала гудки, потом, решившись, набрала номер Колумбийского университета.

— Соедините меня, пожалуйста, с факультетом международных отношений.

— С деканатом или кто-то конкретный нужен?

— Профессор Саймон Лири. — Полина произнесла имя легко, даже сама удивилась.

В трубке снова пошли гудки, Полина нервно чирикала ручкой по календарю — получались мохнатые спирали, похожие на мотки черных ниток.

— Ассистент профессора Лири слушает, — наконец отозвалась девица с сильным бруклинским акцентом.

Полина растерялась, она думала, что трубку возьмет Саймон.

— Добрый день, могу я поговорить с профессором Лири?

— Профессор на другой линии. Вы подождете или перезвоните попозже?

— Подожду, если можно.

— Без проблем. — Девица отключилась, из телефона потекла сладкая мелодия тенор-саксо-

фона. Полина продолжала чирикать ручкой по обложке календаря. Во рту стало солоно — Полина прикусила губу до крови. Саксофон примолк, но тут же сладострастно заныл по новой. Закончилась и эта композиция, началась другая, еще более томительная и тоскливая.

Полина раскрыла календарь на январе, пролистала до марта, стала разглядывать репродукцию «Музыкального Ада»: тут чернильное небо было исполосовано рыжим пламенем, огонь отражался в озере, багряном, как кровь. На арфе был распят грешник, на ягодицах другого оттиснуты ноты псалма, который исполнялся хором грешников под управлением капельдинера с рыбьей мордой.

Полина видела оригинал в Мадриде, «Сад земных наслаждений», в музее Прадо. Это была то ли правая, то ли левая створка триптиха. На переднем плане кролик тащил окровавленную жертву, привязанную к шесту, по замерзшему озеру скользили грешники, один неся прямо к полынье с черной ледяной водой.

Полина перевернула лист — август был иллюстрирован почти идиллической центральной частью триптиха. Нежно-розовые фигурки мужчин и женщин играли с птицами и зверями, лакомились гигантскими ягодами, понуро совокуплялись.

У Полины затекла рука, горело ухо. Неуемный саксофон начал новую мелодию. В сетке сентября

была отмечена первая и последняя неделя, перевернув на октябрь, Полина снова нашла пометки. Она раскрыла ноябрь, тут саксофон оборвал свое нытье на полуноте.

— Слушаю! — профессорский голос показался не просто знакомым, а почти родным. Полина растерялась, палец нащупал кнопку отбоя.

— Да! Я слушаю! — требовательно произнес профессор. — Говорите!

— Саймон, — Полина почти промямлила, смутилась, со злостью стукнула по колену кулаком. — Саймон, это Полина.

— Да, я узнал. — Она почти увидела, как профессор откинулся в кресле, ухмыляясь и вытягивая ноги в итальянских ботинках вишневого цвета. — Узнал... Полина. Ну как ты живешь, Полина?

Мысли перемешались, она не знала, с чего начать, она вдохнула и быстро заговорила:

— Саймон, я в Данциге, это Теннесси, дыра редкая, но не в этом дело, тут до меня работала Андик, Лорейн Андик, она тоже из Колумбийского, я ее не помню по университету, она тоже литературу преподавала... В смысле — тут, в этом чертовом Данциге преподавала литературу. А теперь я...

— Ну а я тут при чем? — Голос стал плоским и холодным. Полина увидела серые безразличные глаза, морщину между бровей.

— Я просто подумала, — она старалась говорить быстрее, боясь, что не успеет, что профес-

сор перебьет, бросит трубку. — Может, она звонила тебе отсюда, скажи мне, что ты знаешь. Это очень, очень важно!

— Я не понимаю... — он начал, но Полина перебила его.

— Она исчезла! Пропала! На чердаке мертвый енот... Скелет и корм собачий в миске. Понимаешь? — Полина чувствовала, что Саймон вот-вот положит трубку. — Тут какая-то еще волчица, которую сожгли, Колинда (Господи, что я несу! Ну заткнись же ты, дура!), мне дрозда с отрубленной головой подкинули, и вообще, это не город, а какая-то секта...

— Если ты немедленно не... — строго сказал Саймон, и Полина тут же замолкла.

— Я не знаю, с какой целью ты мне звонишь... — начал профессор.

— Мне нужно узнать, где она, что с ней случилось! Если только она...

Саймон перебил ее:

— Я не знаю, зачем ты мне звонишь. — Он сделал паузу, проверяя Полинину сдержанность. — Не знаю и знать не желаю. — Еще пауза. — Так вот, я хочу, чтоб это было в последний раз. Ты поняла?

Полина зажмурилась, как от боли, нажала отбой, вскочила с кровати, подбежала к окну, вернулась обратно, сжав кулаки, закричала в потолок:

— Дура! Дура, дура, дура!

Мотая головой, плюхнулась на кровать, закрыла лицо ладонями.

— Вот ведь дура, — простонала она. — Стыдно-то как, господи...

Она пошла в ванную, открыла холодную воду. Стараясь не глядеть в зеркало, наклонила голову, набрала в ладони ледяную воду, опустила лицо. В спальне зазвонил телефон.

— Да! — прокричала Полина, едва успев вытереть ладони о джинсы. — Але!

— Я еще не закончил, — мрачно проговорил профессор. — Невежливо бросать трубку. — Он помолчал и тем же хмурым голосом продолжил:

— Лорейн позвонила в конце зимы, где-то в феврале... Спрашивала про аспирантуру, есть ли у меня знакомые на кафедре литературы, могут ли помочь. Я сказал, что помогу, — профессор помедлил. — Потом она позвонила недели через две. Я ее даже не узнал, голос был странный, какой-то загнанный, что ли... Я толком ничего не понял, напомнил про аспирантуру — я говорил с Флетчером о ней, Лорейн ответила, что с аспирантурой вряд ли теперь получится.

Профессор снова замолчал.

— Это был последний разговор. Я звонил потом, уже весной. Сначала включался автоответчик, потом номер отключили.

Полина помолчала, сказала тихо:

— Спасибо, Саймон.

Ей хотелось сказать что-то еще, попытаться еще раз убедить его, что та история с серьгой была случайностью, досадной, отвратительной, но случайностью. Что не строила она никаких коварных планов, не мечтала окружить, женить его на себе. Вместо всего этого Полина повторила «спасибо» и нажала отбой.

Календарь валялся на полу. Полина подняла его, стала листать. В сентябре было обведено второе число и двадцать девятое, в октябре двадцать четвертое, в ноябре — двадцатое. Лорейн Андик отмечала свой цикл, он почти полностью совпадал с циклом Полины. Она была уверена, что в декабре будет отмечено шестнадцатое, но декабрьская сетка осталась пустой. Из этого следовали лишь два вывода: Лорейн по какой-то причине перестала делать отметки или же цикл прекратился.

Снаружи взвыла пожарная сирена, Полина вздрогнула, подошла к окну. На северной окраине города рядом с озером что-то горело. По бледному небу плыли лохматые жирные клубы, растекаясь черными кляксами, дым лениво полз на восток.

Шериф наверняка тоже там, Полина достала телефонный справочник, нашла домашний телефон Ленцев.

- Михаэль? — настороженно спросила она.
- Мисс Рыжик? — Парень явно удивился.
- Ты свободен? Можешь сейчас подъехать?

— К вам? Домой?

— Да... — Полина запнулась. — Нет, давай... — Она пыталась сообразить.

— На кладбище! Рядом с вами, — выпалил Ленц. — Там вообще никого не бывает. По главной аллее, сразу у входа там фонтан с ангелом, трубит который. Минут через сорок, хорошо?

Парень хотел повесить трубку, Полина успела сказать:

— погоди! Михаэль, что там горит? У озера?

— Не знаю, там вроде ничего нет. Но дымище валит — будь здоров!

29

Бронзовый ангел, потемневший, в зеленых лишаях патины, отчаянно дул в длинную трубу. Взмахнув орлиными крыльями, он, балансируя на цыпочках, подавался вперед худым мальчишеским телом. Длинная туника развевалась за спиной затейливыми складками, детское лицо казалось хмурым, почти сердитым.

«Страшный суд — дело серьезное», — хмыкнула Полина, обошла фонтан. Посмотрела на часы, Михаэль должен появиться минут через пятнадцать. Воды в фонтане не было, очевидно, он давно не работал, на бетонном дне валялись сухие листья и мелкий мусор. Полина ловко за-

прыгнула на каменный бортик, раскинув руки, прошла круг.

Дым на востоке посветлел, стал прозрачней, очевидно, пожар уже потушили. Полина спрыгнула на землю, огляделась, на кладбище действительно никого не было. Из живых, мысленно поправила себя она. Нужно было убить время и успокоиться, Полина пошла по северной аллее к центру кладбища.

Беременность Лорейн делала всю историю еще запутанней, Михаэль вряд ли знал что-нибудь, но ведь Данциг — это вам не Манхэттен, тут все на виду. Полина шагала, хрустя гравием дорожки, шла быстро, пару раз пыталась сбавить темп, но через минуту снова неслась как на пожар. «Дохлый енот на чердаке, безголовые птицы, а тут еще это! От кого? Тут ни баров, ни клубов, ни танцулек, с мужиками в Данциге ох как туго! А ты загнала себя в такую схимну, милая Лорейн, это уж я по себе знаю — молитва на ночь да проворные пальчики, а жизнь тает, песком струится, а каждое утро лицо в зеркале все отчаяннее, и на вопрос уже готов ответ — нет, не будет! Шуршит, шелчет песок — не будет! Струится, уходит в небытие красота — а эти брюнеточки стареют так рано, к тридцати и смотреть уже не на что... А любовь? Тоже — нет. И муж. И дети — все в небытие. Ты уже видишь себя старой девой — водевильная карга — седой пучок на башке, пенсне, зонт, квадратные каблучки.

Школа, дом, штопаные шерстяные перчатки, штопка хоть куда — загляденье, да разве жизнь заштопаешь? Там прореха на прорехе, да и осталось-то всего ничего. Да и не жизнь — унижение одно. Бедная Лорейн! Милая, старая Лорейн... Помоги мне разгадать тебя. Кто он, откуда взялся? Не в церкви ж ты подцепила ухажера? Хотя, почему бы и нет?»

Надгробия становились темней, обветренной, ближе к центру располагались старые могилы, именно оттуда разрасталось данцигское кладбище. Слепые цифры и имена терялись в щербатых морщинах камня, в сизой плесени.

Полина наклонилась, провела пальцами по шершавому боку мраморной плиты, готический частокол сложился в слова: «Nur wer vergessen wird, ist tot, Du wirst leben». На могиле рядом стояла сломанная колонна — там, под плитой, лежал патриарх семейства, Полина на первом курсе прослушала несколько лекций по символике, кое-что, похоже, осталось в памяти.

Попадались детские могилы, на камнях были выбиты бутоны роз или бабочки. Катарина Гросс прожила всего девять лет, на овальном надгробии было написано: «Schöne Tage, glückliche Stunden, nicht weinen, sich freuen, dass sie gewesen». Бисерные салфетки, шнурованные ботинки кукольного размера — мир праху — было, да прошло. Все верно, Полина вспомнила эпитафию другого немца: «Все было

превосходно и совсем не больно». Да, все верно. Она посмотрела на часы и быстро пошла обратно к фонтану.

Михаэль уже ждал ее. Полина кивнула, сказала «привет» и неожиданно для себя самой протянула ему руку. Мальчишка смутился, но пожал, ладонь у него была сухая и горячая.

— Лачуга сгорела. — Михаэль проговорил быстро, тут же запнулся, сунул руки в тугие карманы джинсов, хмыкнул и покраснел.

— Лачуга? — рассеянно спросила Полина.

— Там, у озера. Латиносы там жили.

— Какие латиносы? Откуда в Данциге латиносы?

— Мексиканцы... Они прошлым летом мостили площадь, там, перед собором, потом работа кончилась.

— А тот бродяга или кто там он? Которого нашли тогда?

— Которого волчица убила? — Михаэль произнес обыденно. — Тот тоже. Латинос.

Они шли по той же северной аллее, Полина задержалась у могилы девятилетней Катарины, спросила:

— Переведи, что это значит?

— Прекрасные дни, счастливые часы, не плакать, радоваться, что они были.

Полина кивнула, они пошли дальше.

— А что вы читали с мисс Андик? — спросила она.

— Да я не помню точно, это ж год назад было. «Кентавра» разбирали, но мне Апдайк не очень, потом начали Доктороу «Регтайм»...

— Ну а как она вообще, мисс Андик?

— В смысле? — Михаэль удивленно посмотрел на Полину.

— Ну, нравилась она вам, классу?

Парень пожал плечами, стукнул ботинком камень.

— Ну а тебе она нравилась?

— Мне? Я не знаю... Ну, вроде ничего, нормальная...

Михаэль остановился у черного обелиска со стальной стрелой, стрела означала смертность. На камне было выбито имя Кристиан Дюпре.

— Роза, чистота повторения, страсть... — начал переводить Михаэль, Полина его перебила:

— Роза, о чистая двойственность чувств, каприз: быть ничьим сном под тяжестью стольких век.

Дюпре умер всего пять лет назад, умер тридцати двух лет от роду, Полина добавила:

— Это Рильке, Райнер Мария Рильке...

— Я знаю, — Михаэль посмотрел в сторону, потом тихо добавил: — Это мой отец. Тут...

Полина открыла рот, хотела что-то сказать, но в голову лезли одни банальности, она подошла и неловко положила руку мальчишке на плечо. Тот вздрогнул, Полина, смутясь, убрала руку.

— Я не хочу здесь жить. — Михаэль посмотрел ей прямо в глаза. — Три года назад, когда мать... — он запнулся. — Когда у нас стал жить этот... Вы просто не знаете... Даже вообразить... — он зло махнул рукой. — Меня поймали под Ричмондом, я почти убежал, случайно заснул на автобусной станции... Дурак был, ребенок, — он засмеялся. — Набил мешок конфетами, из продуктов ничего, кроме конфет, не взял, представляете? Шоколадки с орехами, карамельки!

— Да, на карамельках долго не протянешь, — ответила Полина. — Это точно.

Они побрели дальше, Михаэль хмуро глядел под ноги, Полина тоже молчала.

— А куда ты на этот раз собрался бежать? — спросила она.

— Куда? — буркнул он. — Да какая разница? Главное, отсюда.

— Нет. Это не главное. Гораздо важнее цель. Не так важно, откуда ты бежишь, гораздо важнее куда. — Полине стало неловко от собственного менторского тона, сама-то скачет без оглядки, как заяц по кочкам, а гляди, туда же — поучать.

— Не знаю... — Михаэль покачал головой. — Я ж нигде не был, откуда мне знать? Нью-Йорк? Или в Калифорнию? Главное — чтоб не замели, мне шестнадцать, по закону меня любой полицейский может отправить обратно домой.

— А два года подождать, а уж потом уехать?

— Два года? — Парень возмущенно замотал головой. — Это ж два года!

Над ними, каркая, пронёслась ворона, Полина проводила птицу взглядом. На востоке дым рассеялся, размытые серые кляксы уползли далеко на юг, небо к вечеру стало белесым, словно кто-то затянул его марлей.

— Душно... — пробормотала Полина. — Ну и климат у вас, зима ведь...

— Тут самая старая часть кладбища, — Михаэль кивнул на приземистые надгробия, больше похожие на дикие валуны.

Полина присела у каменной доски, она треснула по диагонали, надпись было не разобрать. По боку камня рос бархатистый мох, Полина пальцем дотронулась до мягкой зелени, похожей на губку.

— Тут где-то должно быть кладбище навахо? — спросила она.

— Вон там, — Михаэль показал рукой в сторону часовни, — там было. — Он пошел дальше, остановился перед мраморной плитой.

— А вот и сам Арчибальд Галль, — парень топнул ногой. — В шести футах под нами.

Мрамор потемнел, когда-то белый, он стал бурым, щербатым и рябым. Полина шепотом прочла «Hier ruht in Gott», повернулась к Михаэлю:

— А где Волчица? Колинда?

— Кто знает, ее ж сожгли, а то, что осталось, индейцы вроде тайно похоронили на своем кладбище. А там построили вот это...

Часовня — коренастая беленая постройка, напоминала базилику в романском стиле, с узкими стрельчатыми окнами и горбатым куполом, такие еще стоят по прибалтийским городкам и по прусскому захолустью. На двери висел замок, Полина попыталась заглянуть в окно, но ничего, кроме шахматных плит пола и серого куска стены, не увидела.

— А ты не знаешь, — Полина соображала, как бы спросить поделикатней. — Я про мисс Андик... Она с кем-нибудь встречалась? Ну, в смысле, с мужчиной?

Михаэль не удивился, пожал плечами. Он поднял голову, над часовней метались мелкие, шустрые птицы. Они голосили, сердито чирикали, будто ругались.

— Странно... Как перед бурей. У нас тут летом смерчи бывают, настоящие торнадо, как в «Волшебнике из Оз».

Он подошел к окну, ухватился за решетку, подтянулся, быстро вскарабкался по кованым прутьям, как по корабельной лестнице. Уцепившись за карниз, ловко перекинул ногу и оказался на крыше. Выпрямившись, взбежал на купол, начал оглядывать окрестности.

— Ну что? — Полина потрогала ржавую решетку, посмотрела наверх, крикнула, смеясь: — Не видеть торнадо?

— Птицы будто с ума сошли, носятся как бешеные!

Полина встала на цыпочки, дотянулась до верхней перекладины, ржавое железо больно впилося в ладонь. Полина повисла, подтянулась, ей бы удалось вскарабкаться на узкий уступ подоконника.

— Ух ты! — раздался сверху голос Михаэля. — Вот это да!

Из окна несло холодом, пахло плесенью и мокрой землей. Самым сложным оказалось взобраться на крышу, без помощи Михаэля ей вряд ли бы это удалось.

— Вон, смотрите! — мальчишка показывал на север. — Вон там, видите?

Полина ничего не видела, кроме сизых облаков. Она, осторожно ступая, поднялась на купол. Часовня стояла на макушке холма: Полинина улица, прямая и скучная, уходила вниз, дальше шли дома, краснела черепица крыш, среди которых белым великаном торчала башня собора. За городом по холму взбегали фермерские домики, за холмом тускло, как кусок грязного стекла, светился край озера.

— Ух ты! — восхищенно прошептал Михаэль. — Да вы ж не туда смотрите. Вон там!

Полина повернулась на север. Сразу за кладбищем начинались заброшенные огороды, дальше тянулся пустырь, потом — дымчатая голая роща. На самом горизонте появилась яркая линия, похожая на ртуть. Полоска стала шире, раздвинулась, там что-то жарко перетекало, казалось, что глядишь в плавильную печь.

— Что это? — Полина спросила тихо. — Что там такое?

С небом тоже происходило что-то неладное: оно будто потяжелело, придвинулось, стало пепельно-серым, словно кто-то старательный закатал его от края до края малярным валиком. Исчезли птицы, умолк птичий гомон. Полина выпрямилась, прислушалась. Ей показалось, что у нее заложило уши, тишина казалась вязкой и какой-то тяжелой.

— Как перед снегопадом... — Полина отчего-то говорила тихо, почти шепотом. — Такое небо в Нью-Йорке перед сильным снегом бывает.

— Во дает! — восторженно прошептал Михаэль.

Полина не сообразила, кто дает, но взглянув на север, поняла: по пустырю прямо на них двигалась серая волна пыли, она была выше деревьев рощи и двигалась очень быстро. Перекатив через холм, волна понеслась по огородам, вырывая мертвые помидорные кусты, поднимая мусор и красную пыль.

— Ложись! — закричал Михаэль, бросаясь на крышу. — Голову, лицо закрой!

Полина растерянно присела на корточки. Она видела, как парень, задрал куртку, накрыл голову. Стена пыли была уже совсем рядом, Полина не могла оторвать взгляд от несущихся прямо на нее вырванных с корнем кустов, сучьев, она заметила большую картонную коробку, которая летела выше деревьев и крутилась, как спичечный коробок.

— Ты что, с ума сошла! — заорал Михаэль, схватив Полину за локоть, он повалил ее и прижал к крыше.

Волна налетела, ударила и накрыла их. Песок, мелкие камни, комья сухой земли больно били по рукам и голове, сквозь вой ветра было слышно, как щебенка дробью стучит по стене часовни. Михаэль что-то прокричал, Полина не расслышала, крикнула в ответ. На зубах сразу захрустело. Прикрыв глаза ладонью, она пыталась рассмотреть, что творится вокруг.

Пейзаж потемнел и стал похож на мутную черно-белую фотографию, Полина с трудом могла разглядеть лишь южную окраину города, едва угадывалась пожарная каланча, собор растворился, словно его и не было.

— Сейчас ливанет! — Михаэль, пригнувшись, потянул Полину к краю крыши. — Экстренно катапультируемся!

Он выпрямился, взмахнул руками, словно собирался взлететь, и прыгнул вниз. Полина вскрикнула, на четвереньках добралась до карниза, она была уверена, что мальчишка переломал себе ноги. Михаэль, отряхивая пыль с колен, поднял голову и крикнул:

– Прыгайте!

Порыв ветра упруго толкнул ее в спину, Полина едва удержалась на краю крыши. Тут же испуганно присела, крикнула вниз:

– Нет! Я не могу!

– Прыгайте! – заорал Михаэль.

– Вот дурак... – вполголоса выругалась Полина, над ее головой, кувыркаясь и каркая, на невероятной скорости пронеслась ворона. Полина оглянулась, с севера напозала чернильная тьма, внутри клубилась свинцовая хмарь. Чернота затянула уже полнеба.

Полина легла на живот, свесив ногу, попыталась нащупать решетку. Ботинок беспомощно елозил по стене, окно было ниже. Она перекинула вторую ногу, медленно, мучительно стала сползать. На крыше зацепиться было не за что, Полина ногтями впилась в камень купола. Михаэль что-то крикнул, она не расслышала, в этот момент она почувствовала, что неумолимо соскальзывает. В последний момент ей удалось уцепиться за край крыши, Полина беспомощно повисла, но пальцы разжались, и она полетела вниз.

Она услышала свой крик, жесткий удар, на секунду кладбище взлетело вверх, небо оказалось под ногами, потом качели полетели обратно, и она оказалась на земле. Из-под нее выкарабкался Михаэль, он пытался ее поймать, впрочем, не совсем удачно.

— Я ж говорил — прыгать надо! — крикнул он, смеясь.

Полина осторожно поднялась, она не могла поверить, что все кости целы. Сделала шаг, оступилась, — от удара гудели пятки, ноги не слушались и казались чужими. Но вроде все цело. Она засмеялась нервно, начала отряхивать пыль. Вдали послышался какой-то шум, дробный, словно ссыпали горох. Шум нарастал, быстро приближался.

— Ливень! — Михаэль потянул ее за локоть. — Бежим!

Но это был не ливень. Белые градины размером с черешню заплясали по сухой земле, забарабанили по могильным плитам, по куполу часовни. Полина подняла скользкий ледяной шарик, закричала:

— Огромный какой!

Они побежали. Главная аллея на глазах покрывалась белым. Жухлая трава на могилах стала в белую крапинку, градины звонко колотили по камням надгробий, хрустели под каблуками. Уже остался позади трубящий ангел, до главного входа было всего ничего, и тут начался ливень.

Он обрушился сразу, без раскачки, обрушился сплошной стеной ледяной воды. Полина наивно считала свою куртку непромокаемой, попыталась накрыть голову, плюнула — они оба уже были мокрые насквозь. У ворот Полина поскользнулась, Михаэль кинулся к ней, помог встать.

— Лодыжку подвернула! — морщась от боли, крикнула Полина.

— Хватай за шею! — мальчишка нагнулся. — Я дотащу!

Полина хотела что-то возразить, но, передумав, послушно обхватила его сзади за плечи.

30

Нога опухла, но не сильно — помог лед, в морозильнике обнаружился пакет замороженного горошка. Михаэль ловко соорудил вполне профессиональный холодный компресс.

— Лихо! — Полина улыбнулась. — Просто настоящий санитар...

— Ерунда, нас в лагере учили. — Мальчишка гордо поправил белое банное полотенце, накрученное на манер тоги. — У нас летний лагерь, там, у озера. Каждое лето. В палатках живем, всякие походы, тренировки.

— Тренировки?

— Ну да, военные тренировки, стрельба.

— Из рогаток? — Полина засмеялась; она сидела в кресле, выставив больную ногу, обмотанную рыжим шарфом.

— Из М-16, настоящий армейский карабин! — возмущился парень. — По поясным мишеням. У меня второе место по всему лагерю.

— А у кого первое?

— У этой чокнутой... — Михаэль махнул рукой. — У Хильды.

— И девчонки там? — удивилась Полина. Она провела рукой по голове, волосы уже почти высохли.

— Конечно! А как же? Только у девчонок бокса нет, у них карате.

Полина прикинула возможные ситуации, сопряженные с летним отдыхом в палатках, на берегу озера, представила звездные ночи, искры костра, летящие в фиолетовое небо, шепот невидимых губ с запахом лесной земляники... Хотя, может, у них в Данциге и это не так. Она хмыкнула и запахнула халат на груди. Мокрая одежда крутилась в сушилке, тихо позвякивая пуговицами.

Михаэль встал, поддерживая локтем полотенце, прошелся на цыпочках, развернулся, сделав ловкий пируэт.

— Мисс Рыжик! — он торжественно взмахнул руками. — Угадайте, кто это?

Неожиданно его тело округлилось, лицо умильно сморщилось, он закатил глаза и, переваливаясь уткой, проплыл мимо Полины.

— Вера! — смеясь, закричала Полина. — Штаттенхаммер!

— Точно! — довольно кивнул парень. — А это?

Его движения стали резкими, лицо вытянулось, он весь теперь состоял из углов.

— Погоди-погоди! — Полина кусала ноготь. — Сейчас, сейчас!

Михаэль выпучил глаза и начал злобно колотить пальцами по невидимым клавишам.

— Кассирша! — выпалила Полина. — Из «Глории»!

— Ага! Моника. А вот это? — Парень выпрямился, раздался в плечах и превратился в директора Галля.

— Ну, это легко! Директор.

— Легко? — обиженно воскликнул Михаэль. — Сами попробуйте! Легко...

— Нет, я не про то... — смутилась Полина. — Ты совершенно гениально все это... изображаешь... представляешь... ну, я даже не знаю, как назвать. Ты учился?

— Да нет, я сам... — Парень смутился. — По отцовской линии я какой-то внучатый племянник Марсея Марсо.

Полина кивнула.

— Вы знаете Марсея Марсо? — строго спросил Михаэль.

— Нет, — созналась Полина. — Что-то слышала вроде...

— Ну-у! Это ж величайший мим. Вроде Чарли Чаплина. Как же так — не знаете. А вот — глядите!

Парень опустил голову; наклонился вперед, словно пытался идти против сильного ветра. Мышцы напряглись, босые ноги мягко переступали по полу на одном месте, создавалась полная иллюзия движения. Выставив ладонь, словно прикрываясь от урагана, он клонился вперед все ниже и ниже, удивительным образом сохраняя равновесие. Ноги продолжали шагать, вся фигура приобрела невероятную пластичность, словно стала частью тягучего мощного потока, которому его тело пыталось противостоять.

— Потрясающе... — прошептала Полина.

Неожиданно ураган стих, Михаэль выпрямился, рассмеялся:

— Ну, вот это, это-то вам знакомо? — Он натянул воображаемую перчатку, кинул невидимую шляпу в сторону и, быстро переступая, плавно попятился назад.

— Ха, Майкл Джексон!

— Точно! Майкл стащил у Марсея Марсо свою лунную походку. Вообще вся современная пантомима основана на его школе, и в Европе, и в Америке. Отец говорил, что Марсо во время войны был в Сопротивлении, в маки. Вся родня наша погибла в Освенциме, а ему дали орден Почетного легиона.

— Так тебе нужно к нему поехать! — Полина горячо взмахнула руками. — У тебя ж талант! Он где — во Франции?

— Он умер. В две тысячи седьмом году. Я его ни разу не видел, у меня только фильмы остались, от отца. «Давид и Голиаф», потом «Париж плачет, Париж смеется». Его дочка, Аурелия, нас приглашала... А потом отец... Ну, короче, ничего не вышло.

Михаэль присел на корточки, начал кочергой ворошить угли в камине. Дрова почти прогорели, по потолку бродили бордовые тени, лицо мальчишки вспыхивало то рыжим, то малиновым. Полина видела его профиль, в полумраке лицо казалось взрослым, почти мужским. Михаэль, словно ощутив взгляд, повернулся и улыбнулся ей. Полина сделала вид, что поправляет компресс.

— Посмотри, одежда, наверное, высохла уже, — она сказала торопливо. — Поздно, тебе домой пора.

Он протопал на кухню, вернулся одетый.

— Вы завтра в школу... — он кивнул на ногу. — Или нет?

Полина пожала плечами, она ощутила вдруг неловкость, парень тоже смущенно потоптался, сунул руки в карманы.

— Ну, я тогда... — Он мотнул головой в сторону двери. — Ботинки совсем мокрые, — он хмыкнул и замолчал.

— Спасибо тебе. — Полина хотела протянуть руку, передумала, скрестила руки на груди.

— Если что-нибудь нужно, вы...

— Да-да, — перебила его Полина. — Иди. Спасибо.

— Замок не забудьте...

— Запру. Иди.

Хлопнула дверь, простучали ботинки по ступенькам крыльца. Все стихло. Полина ударила кулаком по валику кресла, закусила губу. Уставилась на остывающие угли, они уже ничего не освещали, краснели тусклым жаром.

— Нет больше сил моих, — она прошептала, стараясь не разреветься. — Господи, ты что, издеваешься?! — Она ощутила, как по щеке скользнуло горячее и щекотное. Полина зло вытерла лицо ладонью.

Единственный нормальный человек на весь город, и на тебе! — мой ученик и ему еще нет шестнадцати. Это что — игра в искушение святого Антония? Господи, какой в этом смысл? Тебе-то зачем все это? Или мало дохлых зверей на чердаке и обезглавленных птиц? Мало, что я угодила, как муха в варенье, в этот чертов Данциг? Мало? И если я не свихнусь здесь, то закончу старой девой. А скорее всего, и то и другое вместе — чокнутой старой девой! И этого мало?!

Полина размотала шарф, пакет горошка оттаял, она бросила его на пол вместе с шарфом. Попыталась встать, голень тупо ныла, но боль

оказалась вполне терпимой. Она, боль, даже показалась уместной, почти приятной. Полина с тихим злорадством захромала на кухню, распахнула холодильник, долго смотрела внутрь. Сердце захлопнуло, не двигаясь, постояла в темноте, снова раскрыла холодильник, достала бутылку шампанского. В бледном холодном свете долго возилась с фольгой, пробка выстрелила неожиданно, звонко и весело, Полина вздрогнула. Налила вино в чашку, пена зашипела, перелилась через край, Полина быстро нагнулась, отхлебнула. Потом осторожно подняла чашку и мелкими глотками выпила до дна.

— Вот так! — с вызовом сказала она в темноту.

Шаркая босыми ногами, прошла через кухню; холодное вино сразу ударило в голову — Полина всегда с опаской относилась к шипучке. Она поднялась наверх, прихватив чашку и бутылку, зажгла свет в ванной, долго разглядывала себя в зеркало, потом налила полную чашку и выпила до дна. Устало опустилась на край ванной.

«Господи, я ведь совсем одна, у меня нет друзей, у меня вообще никого нет! А кто тебе нужен? Да и нужен ли кто-то? Ты всегда была одна — ты всегда страдала даже не от застенчивости, а скорее от лени, тебе никогда не хватало ни терпения, ни смелости, главное, желания раскрыть свою душу. Раскрыть кому? Им? Злым пошлым глупцам, которых интересуют сплетни, тряпки и блестящие побрякушки? Зачем им твоя душа, что они в ней

могут понять? Бедная Полина, ты наивно полага- ла, что тебя ждут в жизни чудеса, что со временем все изменится, что впереди — заповедное царство с умными и добрыми обитателями. Бедная, глупая Полина! Милосердие — они не знают этого слова». От жалости к себе хотелось плакать, хотелось забраться под одеяло, забиться в угол, накрыть голову подушкой и плакать.

Вместо этого она заткнула ванну пробкой и пустила воду. Жаркая струя с грохотом забила в белый фаянс, Полина дотянулась до шампуня, выдавила в ванну зеленую тягучую жидкость. Тут же обильно полезла пена, едко пахнуло фальшивой елкой. Зеркало затуманилось, Полина превратилась в безликий силуэт, потом пропала совсем.

Она сбросила халат на пол, медленно опустилась в горячую воду. Легла — клочья пахучей пены громоздились, как горные облака, щекотали лицо, лезли через край ванны. Зажав пальцами нос, Полина погрузилась с головой, грохот воды стал тише, словно доносился с улицы. Вместе с шумом отодвинулась и реальность, подводный мир показался таким спокойным и приветливым. Она смиренно лежала под водой и улыбалась.

Закрыла кран. Стало слышно, как с шелестом, похожим на тихий шепот, таяла пена. В спальне тикал будильник, где-то, уныло жужжа, билась о стекло муха. Внизу скрипнула половица. Полина перестала дышать — полная тишина, ничего, кроме шелеста и мухи. Дом старый, просто рас-

сыхаются доски — не слишком уверенно подумала Полина. Она осторожно поднялась, чуть качнувшись, стянула с перекладки полотенце. Все делала тихо — ей казалось важным не произвести ни звука. Запахнув халат, выскользнула из ванной. Заглянула вниз, в темный пролет лестницы. От вина все вокруг казалось зыбким, ненадежным — поручни, стены, ступени. Прислушалась, начала спускаться, бесшумно ступая босыми ногами. На последней ступени застыла, было абсолютно тихо, но она почувствовала, что там, в темной гостиной, кто-то есть. Холодея, она заглянула в комнату — на диване кто-то сидел. Она не могла двинуться с места, сердце подпрыгнуло к горлу, Полина, задыхаясь, открыла рот. Она хотела закричать, громко и грозно, но получился лишь сильный всхлип:

— Кто тут?

— Я, мисс Рыжик. Это я — Михаэль.

— Ну, ты... — Полина без сил опустилась на диван. — Ты...

— Вы не заперли дверь, я ж говорил — запереть, а вы забыли. Я просто подумал, что вы наверняка забудете, поэтому вернулся. А вы и точно забыли...

— Зачем ты... Тебе домой надо, — устало произнесла Полина. — Поздно, поздно.

— Домой! Что я, дитя, что ли? — Мальчишка рассердился. — Я не ребенок, не надо со мной, как с маленьким...

— Ну ладно, ладно...

— Вы думаете, я не вижу, как вы ко мне!.. — вскрикнул он. — Думаете, глупый ребенок, а я не глупый и не ребенок — вот! Вы же сами, сами — я видел, какое у вас лицо было сегодня, как у девчонки. Вы всего боитесь, думаете, я не знаю, как вам страшно? Как вам тут одиноко! Но вы делаете вид, важничаете, если кто-то младше вас на чуть-чуть, так он и глупец желторотый, и понять вас никак не сможет. Сможет!

Михаэль говорил яростно, задыхаясь. Полина не видела его лица, лишь темный силуэт, она нерешительно протянула руку, он оттолкнул ее.

— И не надо меня жалеть! Я тут вам не собачонка или морская свинка! Если хотите знать, я такой же человек, как вы! А вы... вы... — Мальчишка закашлялся. — Вы просто слепая, не видите, не чувствуете... А если кто-то вас любит, то вам наплевать — ну да, конечно, ребенок! Вот я понимаю, если бы это был господин директор, думаете, никто не видит, как вы на этого Галля смотрите, с каким обожанием, а ему-то на вас наплевать!

— Прекрати... — попросила Полина робко. — Замолчи, не надо...

— А если кто-то другой готов для вас все сделать и даже жизнь... И готов и рад, но просто немного младше... Как будто это какое-то преступление — что младше! — Михаэль задохнулся, всхлипнул. — Во всех ваших книгах только про любовь

и написано, за любовь там на смерть идут, под паровоз... Не зря, выходит, все там про любовь, в книгах? Видать, стоит она, эта любовь, того, чтоб про нее столько писали? Или нет? Нет! — Он махнул рукой. — Для вас вся эта любовь в книжках, а когда... а если... кто-то...

Михаэль снова махнул рукой, закрыл лицо ладонями и отвернулся. Полина подалась вперед, хотела обнять его за плечи, он отстранился, вяло оттолкнул ее руки. Она прижала его к себе, крепко обхватив, она ощутила, как вздрагивает его спина. Полина что-то зашептала, быстро и бессмысленно, вдыхая запах его волос, его тела, от него пахло древесной стружкой и еще чем-то горьковатым. Дымом — догадалась она.

Всхлипнув, он что-то проговорил, горячо дыша ей в шею, Полина не расслышала, она почувствовала его губы, тоже горячие и мокрые. Она испуганно замерла, Михаэль поцеловал ее в шею, потом в подбородок, потом в губы. Она чуть не задохнулась, безуспешно и слабо сопротивляясь, хотела отодвинуться. В голове что-то жарко застучало, его рука легла на ее затылок, сильная ладонь дрожала, в этот момент Полина была почти уверена, что все происходящее сон, бред — все что угодно, но только не явь.

Полина приоткрыла губы и подалась вперед, халат сполз с плеча. Его грубый свитер елозил по ее груди, царапал сосок. Она стянула свитер

через голову, бросила на пол. Михаэль выпрямился, потом, нагнувшись, принялся быстро и больно целовать ей шею и грудь.

– Погоди... – прошептала Полина. – Погоди, не так...

31

Полина проснулась. Выплывала из странного сновидения, где она бесконечно долго возилась со скатертью: во сне она накрывала большой обеденный стол, белая материя капризно морщилась, топорщилась картонными складками, а когда наконец удалось расправить скатерть, оказалось, что она вся в винных пятнах и крошках от еды. Полина начала тереть и чистить, с растущим ужасом видя, что скатерть становится только грязней.

Долго не открывала глаза, вчерашняя ночь постепенно проступала все яснее, собираясь, как мозаика, складывалась из мелочей и подробностей, от которых хотелось выть в голос. Полина накрыла голову подушкой и замычала, как от зубной боли.

«Что теперь? Сделать вид, что ничего не было? Или поговорить, объяснить? И что сказать? Ну что тут можно сказать, господи?»

Будильник показывал без пяти семь, она поплелась в ванную. В углу стояла пустая бутылка и чашка. Стараясь не глядеть в зеркало, Полина вылила остатки вина в раковину, пустила воду.

— Кислятина... — пробормотала она, включая душ. В спальне затрещал телефон. — Ну, кто там еще, господи?

Она подняла трубку.

— Это я, — раздался восторженный шепот. — Я не мог просто дождаться, мисс Рыжик, даже не спал! Я хочу вам сказать... — Михаэль задохнулся. — Хочу вам сказать, что вы... что я... Я знаю — такие вещи нужно говорить с глаза на глаз, но я не могу ждать, хочу сказать вам сейчас...

Женский голос на том конце позвал его, мальчишка закрыл мембрану, но Полина услышала: «Иду, мам, сейчас иду!»

— Я хочу вам сказать, — он зашептал еще быстрее, — что вы самая красивая, самая волшебная женщина на свете! И я вас люблю! Люблю!

В трубке пошли гудки, Полина их слушала не шевелясь, чувствуя, как лицо ее наливается жаром.

Через полчаса, уже садясь в машину, она увидела, как к дому майора подкатил черный «Бьюик», из него вышел худой господин с хмурым крокодильим лицом, тоже весь в черном, макинтош, шляпа, лаковые штиблеты. Заметив соседку, крокодил приподнял шляпу, показал зубы и цирку-

лем зашагал к веранде. Полина кивнула, закрыла дверь, повернула стартер.

Она остановилась у «Глории», купила картонку апельсинового сока и пару яблок, рядом с кассой лежала стопка свежего выпуска «Данцигского вестника». Жирной гельветикой было набрано: «Голодная свадьба — Волчица наносит удар». Под заголовком шрифтом помельче шло: «Пожар и два трупа! Колинда делает работу полиции, очищая город и окрестности. Вчера после полудня сгорел притон, где находил пристанище бездомный сброд, наркоманы и пьяницы. Там же скрывались нелегальные эмигранты и прочие преступники. Пожарные безуспешно боролись с огнем, однако лачуга сгорела дотла. Полиция обнаружила два обгоревших трупа, установить личность которых не удалось. Скорее всего, это были нелегальные эмигранты». Дальше шло интервью с шерифом.

Кассирша, сонная, с белым брезгливым лицом, небрежно протарахтела по клавишам, аппарат с хрустом выплюнул чек. Не глядя на Полину, отсчитала медяки сдачи, сунула покупки в пластиковый пакет.

— Эти... — она кивнула на газету. — Продукты у меня тут покупали, иногда. — Она шмыгнула и скривила лицо: — Такая вонь от них шла! Чиканос...

Оба урока тянулись кошмарно долго, Полина старательно избегала смотреть на Михаэля, тот

сидел в первом ряду и неотрывно пялился на нее. Мысли путались, она сбивчиво что-то говорила, запинаясь и забывая, с чего начала, три раза назвала Вронского Болконским.

После звонка она сразу сбежала в учительскую и с полчаса пряталась там. Вышла, прицепившись к школьному тренеру по лакроссу, краем глаза заметила Михаэля в конце коридора, юркнула в кабинет Веры Штаттенхаммер. Вера удивленно взглянула на нее, предложила чаю. Полина отказалась.

— Меня беспокоит... — начала она без малейшего представления, что скажет дальше. — Очень беспокоит...

Вера внимательно смотрела ей в лицо, в дверь постучали. Полина отвернулась, отошла к окну.

— Войдите! — пропела Вера.

— Мисс Штаттенхаммер, я ищу мисс Рыжик. — Это был Михаэль. — У меня вопрос по внеклассному чтению.

— Подожди в коридоре, Ленц, пожалуйста, — ласково сказала Вера. — Мисс Рыжик сейчас освобождается.

Дверь закрылась, Вера участливо спросила:

— Так что вас беспокоит, мисс Рыжик?

Полина пальцем водила по окну, стекло противно скрипело.

— Вы сегодня в соборе будете? Господин Галь проповедь будет читать. — Вера просияла. —

Я просто обожаю его! Такой талант... Непременно приходите, непременно!

Полина рассеянно пожала плечами.

В коридоре Михаэль догнал ее.

— Ты с ума сошел, да? — не оборачиваясь, зло проговорила она.

— Я хочу...

— Вот именно, я хочу! — Полина быстро шагала, размахивая руками. — Я хочу!

— Мисс Рыжик...

Они вышли на школьный двор, яркий и шумный, Полине показалось, что все — ученики, родители, негр-садовник, даже мохнатый скотчтерьер — все сразу же уставились на них, на нее. Было ощущение, что она голая и все разглядывают ее, обсуждают, делают остроумные замечания.

«А ведь я — преступница! Уголовная преступница. Это же элементарное совращение малолетних!» От этой мысли Полине стало совсем тошно, она почти бегом выскочила на парковку.

До нее только сейчас дошло, что любой судья запросто влечет ей лет пять тюрьмы. Как минимум! А здесь, в Данциге, да еще за сына шерифа... Она вспомнила прошлогодний скандал где-то в Вирджинии, там математичка спала со своим учеником, пару дней по всем новостным каналам крутили. Да, пять лет, кажется, пять лет тюрьмы.

Полина распахнула дверь, рухнула на сиденье. Ленц догнал ее, нагнулся к окну. От его собачьего взгляда ей захотелось удавиться.

— Мисс Рыжик...

— Все! — заорала Полина. — Все! Хватит!

Мальчишка отпрянул.

— Оставь меня в покое! — Она хряснула кулаками по баранке, руки дрожали, она с трудом повернула стартер. — К черту! Все!

Выехав за город, сбавила скорость, опустила окно. Пахло весной, нагретой мокрой землей, дорога взобралась на гору и плавно покатила вниз. Из-за голой лиловой рощи выглянул голубой край озера. Полина съехала на обочину, заглушила мотор. Стало тихо, лишь где-то за горизонтом в невидимой дали усердно пыхтел локомотив.

Полина спустилась к воде, пошла вдоль берега. На той стороне среди обгоревших осин чернели остатки вчерашнего пожарища. Она остановилась, разглядела желтую полицейскую ленту, растянутую среди черных головешек. Ветер принес горький запах сырой золы.

С дороги донесся шум мотора, хлопнула дверь. Полина обернулась, ничего не увидела — шоссе загораживал ельник; она пошла быстрее, время от времени оглядываясь назад. Она не хотела никого видеть, ни с кем разговаривать.

Прибрежный песок был сырым, ее лаковые туфли вязли, она решила идти по траве, но высокий орешник здесь подходил к самой воде. Она пошла по кромке, голые ветки цеплялись за одежду, царапали ноги. Поднялся ветер, прибреж-

ный камыш нагнулся, загулял седыми волнами. Полина услышала сзади плеск воды, словно кто-то быстро шагал по мелководью.

Полина попыталась бежать, тут же потеряла туфлю. Вернулась, подобрала, сняв другую, босиком ступила в воду, быстро пошла дальше. От холода пятки тут же онемели, она почти не чувствовала, когда наступала на осколки ракушек и острые мелкие камни.

Камыш стал выше, он плотно рос вдоль берега. Полина быстро шла по узкой полоске воды, словно по коридору, прибрежный кустарник слева, стена камыша справа. Остановливалась, слушая, бежала дальше. В висках тупо стучало, теперь она ничего не слышала, кроме шуршания камыша и этого стука. Она продиралась сквозь заросли, здесь камыш был выше ее роста, он рос уже и на берегу.

Полина вышла из воды, натянула туфли, огляделась — вокруг был только камыш. Она подпрыгнула и не увидела ничего, кроме камыша и куска неба. Она двинулась дальше, раздвигая острые листья руками. Совсем рядом вспорхнула какая-то болотная птица и свечой взмыла вверх. Полина вздрогнула, остановилась. На ладони был свежий порез; слизнув кровь, она сплюнула на землю. Теперь она уже точно не знала, где озеро.

«Надо просто вернуться назад», — решила она. Повернула, сделала несколько шагов — уверенности, что она пришла именно оттуда, у нее не

было. Присев на корточки, попыталась найти свои следы. Дожлый номер — земля была сплошь покрыта сухим камышом и мертвыми листьями. Тогда она встала и пошла наугад.

Метелки камыша шуршали над головой, словно что-то шептали. Скорее всего, что главное — не ходить по кругу. Если идти по прямой, непременно уткнешься в озеро или выйдешь к дороге. Еще был вариант, что будешь брести вдоль воды. Или что этот чертов камыш разросся, как лес, и шумит себе бескрайним полем на много миль до самых Аппалачских гор.

Полина попыталась найти какой-то ориентир. Солнце висело низко, видно его не было, узкие полосы света мельтешили, плясали по лезвиям листьев и метелок. Полина, подумав, ухватила толстый стебель, вырвала с корнем. Подняла камыш над головой, солнце осветило правую сторону.

— В сторону солнца, — пробормотала Полина. — В сторону солнца надо идти.

Она пошла. Время от времени поднимала камыш вверх и проверяла направление. Появилась странная уверенность, что она шагает напрямиком к шоссе, к машине.

— В сторону солнца! — весело пропела она и тут увидела змею. Полина едва не наступила на нее, черная гадина ленивой восьмеркой обвивала толстые стебли. Полина застыла, хотела завизжать, но горло схватила судорога. Змея подняла голову, глаза были похожи на две черные бусины.

Полина качнулась, ей показалось, что она сейчас грохнется в обморок. Она повернулась и напролом бросилась назад. Камыши хлестали по лицу, по рукам, несколько раз она спотыкалась, падала. Тут же вскакивала и неслась дальше. Неожиданно заросли стали ниже и поредели, Полина увидела холм с рощей, за рощей дорогу. Не останавливаясь, она добежала до шоссе. На обочине стоял ее «Форд».

Задыхаясь, она перешла на шаг. Доплелась до машины, раскинув руки, упала на капот, прижалась щекой к теплому железу. Было тихо, из рощи доносился птичий гомон, над ухом мирно зудела какая-то мошка. Полина лениво отмахнулась, подняла голову. На стекле, за щеткой дворника белел лист бумаги, Полина вытащила, это была страница, вырванная из книги. Полина развернула, часть текста была обведена красным карандашом: «... в один день придут на нее казни, смерть и плач и голод, и будет сожжена огнем, потому что силен Господь Бог, судящий ее».

32

Полина на ходу захлопнула входную дверь, взбежала по лестнице на второй этаж. Распахнула шкаф, дотянувшись до верхней полки, достала Библию. Начала быстро листать, руки тряслись

и не слушались; наконец, она нашла Откровение. Страница была вырвана из этой книги. Она расправила бумагу, поглаживая грязной ладонью по листу. Линия обрыва идеально совпала.

Она сняла грязную одежду, свалила на пол, отодвинув ногой в угол. Стянула и скомкала рваные колготы, бросила в мусорную корзину. Встала под душ. Пятки были в ссадинах и порезах от озерных ракушек. Полина взяла мочалку и начала тереть, от ног по ванне поползли розовые полоски. Полина, вывернув оба крана до упора, зажмурилась, подставила лицо под колючие струи.

К началу вечерней службы она опоздала, церковь была полна. Орган сонно гудел, перебирая басами, вдруг звук оборвался, эхо улетело под купол. Все стихло, и тут вступил хор, из многоголосия выплыл тенор:

— Благодарим Тебя, Всемогущий Боже, что укрепил нас спасительным даром Твоим, и молим Тебя ради милости Твоей...

— Милости Твоей! — подхватил хор.

— Да утвердится им наша вера в Тебя и искренняя любовь среди всех нас, ради Иисуса Христа Господа нашего. Аминь!

— Аминь! — откликнулся хор.

— Аминь! — нестройно пропели прихожане, встали и начали креститься. Полина тоже перекрестилась. Пригнувшись, она прошла боковым нефом, села с краю на лавку. Соседка, круп-

ная рыжая тетка, повернула к ней толстое лицо с красными от слез глазами. Полина улыбнулась и кивнула.

— Молитва в покое — есть дар благодати, — звонко пропел тенор. Хор ладно подхватил, прихожане тоже начали подпевать, рыжая тетка, громко фальшивя, скосила взгляд на Полину. Та беззвучно стала открывать рот.

Орган проснулся тонкой нотой и тут же обрушился могучим аккордом, бас, казалось, загудел в скамье, в плитах пола. У Полины перехватило горло, она тихо всхлипнула, рыжая соседка вытирала слезы скомканным платком. Хор гремел:

— Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже!

Полина вместе со всеми пропела:

— Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!

Тенор взвился на октаву выше:

— Слава Тебе!

— Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, — откликнулся хор и прихожане.

— Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, — подхватила Полина. Соседка скривила лицо, рыдая, завывала в голос. Впереди кто-то сильно захлопал в ладоши, где-то сбоку завизжал младенец. Все вплелось в мощную коду.

На северный амвон поднялся человек, он не вышел к пюпитру, а незаметно остался стоять в тени. Постепенно шум стих, кто-то ещё долго кашлял, младенец вконец разревелся, и его, на-

конец, вынесли. Человек на амвоне поднял руку. Сверху вспыхнул софит, Полина узнала директора Галля. Директор приподнял стойку микрофона, хрипловато произнес:

— Добрый вечер, дорогие мои... Добрый вечер.

Полина ожидала жаркой речи, пафоса и огня, голос директора звучал по-домашнему обыденно, даже скучно.

— Ну и град был вчера! — Галль, отвернувшись от микрофона, прокашлялся в кулак. — Не меньше голубинового яйца. А еще этот пожар, у озера. Ну и денек, да? А еще кто-то говорит, что у нас в Данциге скука, ничего не происходит.

В зале сдержанно зашумели, кто-то засмеялся.

— Ну да, вот и я о том же, — улыбнулся директор. — Сначала пожар, потом град! Но вот о чем я подумал — ведь и то и другое от Бога. Ведь все на земле и в небе от Бога, без Его ведома и волос не упадет. Ведь так?

Слушатели согласно закивали, заерзали, кто-то уронил то ли зонт, то ли клюку на пол.

— Но откуда тогда зло? Ведь Бог добрый, не будет же Он нарочно творить зло? Бог есть высочайшее Добро, абсолютное Добро, ведь так?

Прихожане примолкли.

— Откуда это, если все это создал Бог. Больше и высочайшее Добро создало добро меньшее, но и Творец и тварь — добры. Откуда же зло? Не злой ли была та материя, из которой Он творил?

Директор сделал паузу, Полина услышала, как потрескивает фитиль у свечи.

— Он придал ей форму и упорядочил ее, ибо оставил в ней что-то, что не превратил в доброе? Почему это? Или Он был бессилён превратить и изменить ее всю целиком так, чтобы не осталось ничего злого. Он, Всесильный? И наконец, зачем захотел Он творить из нее, а не просто уничтожил ее силой этого же самого всемогущества?

Директор поглядел вверх, словно откуда могли ответить.

— Или она могла существовать и против Его воли? А если она была вечна, зачем позволил Он ей пребывать в таком состоянии бесконечное число времен, и только потом угодно Ему стало что-то из нее создать? А если вдруг захотел Он действовать, не лучше ли было Ему, Всемогущему, действовать так, чтобы она исчезла и остался бы Он один, цельная Истина, высшее и бесконечное Добро?

Полине стало душно, она расстегнула куртку, кнопки клацнули, рыжая соседка осуждающе скосила взгляд и закусила губу.

— Я не стану спорить с Блаженным Августином, но, на мой взгляд, все гораздо проще. Проще и логичнее. Бог оставил зло не по недосмотру или лени, зло было намеренно оставлено для нас — людей, тварей Божьих. Зачем? Резонный

вопрос. — Галль усмехнулся. — И вот вам логичный ответ.

Он потер ладони, сухой звук шершаво прокатился по церкви.

— Зло оставлено для испытания нас. Я не про искушения и грехи говорю сейчас. Он оставил зло, чтоб посмотреть, как мы с ним будем справляться, сможем ли мы его одолеть... зло это. Ведь Господь не только творец, он еще и воитель. И, создав нас по образу и подобию Своему, Он вдохнул в нас и этот дух, дух борьбы.

Директор говорил громче, он выпрямился, положив крепкие кулаки на крышку пюпитра.

— Если ты видишь зло и ничего не делаешь, то считай, что ты соучастник этого зла! Если зло распускает свои ядовитые цветы в твоём саду, а ты беспечно качаешься в гамаке, то не удивляйся горькому урожаю! Не плачь, не вопрошай Всевышнего: «Как же так, Господи? Ведь я не грешил, молился, за что ж Ты меня караешь?»

Последнюю фразу директор проговорил высоко — картавым потешным голосом, но никто даже не хихикнул.

— А я скажу тебе — за что. — Галль приблизился к микрофону, медленно произнес: — За соучастие.

Христос, грустно склонив голову, смотрел вниз с креста на собравшихся, небо за витражами потемнело, Полине хотелось страшно пить, она облизнула сухие губы. Пауза тянулась бесконеч-

но. Потом директор открыл книгу и начал читать вслух:

— Да погибнут от лица Твоего, Господи, как они и погибают, суесловы и соблазнители, которые, заметив в человеке наличие двух желаний, заявили, что есть в нас две души двух природ: одна добрая, другая злая. Злы же на самом деле они, ибо злы эти их мысли, но и эти люди могут стать добрыми, если постигнут истину и достигнут согласия с истиной.

Галь запнулся.

— А если нет? — Он обвел взглядом прихожан. — Если эти люди не могут стать добрыми? Если они продолжают творить зло, развращать наших детей своим примером. Ведь дети сами еще не в силах отличить сочное яблоко от ядовитой смоквы. Что ж, мы будем стоять в стороне и наблюдать, как гибнут наши дети? Не схватим за руку мерзавца, убаюканные ложным христианским миролюбием и всепрощением?

Директор сделал паузу, угрожающе поднял кулак:

— Или...

— Схватим за руку! — буркнул бас.

— Раздавим гадину! — звонко раздалось из первых рядов. Полине показалось, что она узнала голос Хильды.

Галь стукнул кулаком по пюпитру:

— Да! Раздавим!

Прихожане одобрительно загалдели, поднялся шум. Директор, улыбаясь, терпеливо ждал. Потом кивнул кому-то в сторону, тихо, словно крадучись, вступил орган. Галь приблизился к микрофону:

— Царь Небесный, Утешитель, — он заговорил тихим взволнованным голосом, — Дух Истины, везде пребывающий и все наполняющий... — директор остановился, поощрительно кивнул вниз. — Ну?

Прихожане нестройно повторили за ним:

— Дух Истины, везде пребывающий и все наполняющий.

Галь довольно кивнул головой, раскрыл руки, будто собирался кого-то обнять от души.

— Сокровище благих и жизни Податель! — воскликнул он с неожиданной страстью. — Приди и вселись в нас! Очисти нас от всякой скверны и спаси, Благой, души наши!

— Спаси души наши! — повторила паства, и тут же орган зарычал на всех регистрах, ладно вступил хор ангельским многоголосьем, Полина опять стерла слезы со щеки. Вся церковь пела:

— Я не в домах из дерева и камня. Расколи кусок дерева — и Я буду там, подними камень — и там найдешь Меня.

Соседка повернула толстое мокрое лицо к Полине; счастливо улыбаясь, она пела громким грудным контральто. Все встали. Полина поднялась,

она подтягивала концы слов и тоже улыбалась. Галль, сложив руки на груди, обводил толпу глазами, кивал кому-то. Он не пел.

Все закончилось, без толкучки горожане вытекали из церкви, Полина сидела, собираясь с духом. Она не сводила глаз с директора, он теперь живо беседовал с двумя старухами в одинаковых розовых шляпках. Полина подошла, поздоровалась, встала сбоку. Старухи прошамкали какие-то комплименты и исчезли.

— Я так рад, что вы пришли... — начал Галль.

— Да, да, спасибо, — перебила его Полина. — У меня важный разговор.

— Давайте важный на завтра отложим, меня Шнурре ждут на ужин... — Директор вытянул руку, посмотрел на запястье. — Через семнадцать минут. А мне еще...

— Это касается Лорейн Андик. — Полина снова перебила его, она заметила, что улыбка тут же исчезла. — Я нашла в доме кое-какие записи...

— Дневник? — быстро спросил директор. — Это дневник?

Полина запнулась, застыла на несколько секунд, потом сказала:

— Да. Я нашла ее дневник.

Полина сама не поняла, как получилось, что она соврала. Вышло само собой. К ним подошел какой-то пузан с пушистыми усами, он говорил приятные слова и брал руку директора в свои розовые толстые ладони, гладил ее. Галль мучи-

тельно улыбался, отвечал. Наконец отделался от толстяка.

— Что там? Что вы прочли? — директор тер белым платком свою ладонь. — Что там?

Отступить было поздно, она спросила:

— Вы знали, что она беременна?

— Я? Знал? — Директор растерянно посмотрел на Полину, сунул платок в карман. — У вас дневник с собой?

Полина отрицательно мотнула головой. Галль облизнул губы, поглядел по сторонам, словно собирался перебежать через дорогу.

— Пошли. — Он ухватил ее за локоть, потянул за алтарь, в левый проход. Они прошли коридором, директор толкнул дверь. Комната, не больше кладовки, была заставлена музыкальными инструментами — крутые бока геликонов сияли тусклой медью, в углу высилась арфа, футляры скрипок чернели, как детские гробы. Директор придвинул стул.

— Сядь!

Полина послушно села. Стул, венский, на гнутых ножках, оказался хлипким, он шатался. Стул под Полиной скрипнул пару раз, она встала. Директор смотрел в сторону и молчал. Потом провел пальцем по струнам арфы, волшебный звук нежно возник и растаял.

— Никак не могу вспомнить... — сказал он, разглядывая свои пальцы, — не могу вспомнить лицо. Вижу глаза, пытаюсь дорисовать губы, нос,

овал — скуластое лицо с таким острым подбородком, у нее в лице было что-то беличье... быстрые глаза, наверное, темные... да, темные, как бархатные. И этот острый подбородок. Я когда пытаюсь вспомнить — это так странно, так больно, я понимаю, все и началось с жалости.

Галль странно повел головой, словно воротник душил его.

— В ней было что-то трогательное, болезненно хрупкое, даже сейчас я вспоминаю, и у меня сжимается сердце. Это не фигура речи — у каждого есть такие воспоминания, которые вызывают физическую боль. Настоящую боль. — Директор замолчал, что-то припоминая, медленно продолжил: — Я поначалу думал — это жалость, да, именно жалость... И я так гордился своим чутким христианским сердцем, ведь мы только говорим о милосердии, о слезах сочувствия, а ведь сами проходим мимо чужой боли, проходим мимо с холодной душой. Или подаем, как милостыню, — на показ, теша тщеславие.

Директор говорил медленно, он не взглянул на Полину ни разу, та стояла молча, с муторным чувством приближающейся беды. Как тогда, в цирке. Ей было лет пять, бродячая труппа давала представление на ярмарочной площади, там установили высокие шесты с натянутой проволокой, с трапециями. Канатоходец в линиялом розовом трико взобрался на самый верх. Полина не видела лица — так высоко он залез. Циркач долго

примерялся, потом заскользил по проволоке. Полина хотела зажмуриться, но не могла, она тихо шептала: «Бабушка, ну пойдем, пойдем отсюда». Потом толпа в ужасе ахнула, Полина услышала жуткий звук, глухой, словно на землю сбросили большой мешок картошки. Звук застрял в ее памяти навсегда.

Сейчас она слушала Галля, и в ней росла гнетущая уверенность, что директор вот-вот скажет что-то страшное, непоправимое, с чем ей придется жить до конца, как с тем угрюмым звуком. Полине хотелось перебить его, отвлечь, заставить замолчать, но директор говорил, а она молча слушала.

— Та самая пугливая дикость, которую я принял за слабость, которая попервоначально виделась мне занятой и даже забавной — помню, я тайком наблюдал за ней: в классе она горячилась, по-детски краснея всем лицом, объясняя или доказывая... Она обожала спорить. — Директор, вспомнив что-то, улыбнулся одними глазами.

Он снова дотронулся до арфы, провел пальцем по самой толстой струне, медленно провел сверху вниз. Родился едва различимый гнетущий звук.

— Но это была не слабость. Мы ведь судим о мире с позиций своего опыта и мнение свое считаем единственно верным. Даже имя придумали — истина. — Галль хмыкнул, покачал головой. — А ведь это не более чем твое личное заблуждение.

И чем старше, тем невероятней и большее нам осознавать свою слепоту, пусть даже просветление несет радость и счастье. Нам ведь не счастье важно, нам важней всего правота своя! Мы ее называем истиной.

Директор снова провел по струне, теперь ногтем — звук стал шершавым, противным.

— И я даже поверил, что она поняла мою истину, поняла и приняла. И согласилась. Что есть вещи важнее личного, как это называют, — директор зло усмехнулся, — личного счастья. Я не просто директор, не просто гражданин Данцига. Я — Галль! Потомок Арчибальда Галля. На моих плечах миссия, великая миссия! Нельзя построить рай для всех. Да и не все достойны рая!

Он глубоко вдохнул, словно собирался нырнуть.

— Неужели она и вправду думала, что я хоть на секунду забуду об этом? Стану добропорядочным муженьком в велюровых тапках, буду на ночь читать сказки нашим чернявым малюткам, а потом спокойно храпеть с ней под потной периной? Неужели она так думала? Неужели она верила, что я смешаю тевтонскую кровь Галлей с кровью ее плутоватого народа? Ведь мы не просто люди — разумные животные, которые размножаются и смотрят телевизор. Мы все откуда-то пришли, у нас есть история. У каждого! Не история твоего дедушки-скотовода или прабабушки-маркитант-

ки, а История с большой буквы — история твоего народа, твоей нации. Мартин Лютер дал немцам не только новую церковь, не только новый немецкий язык. Он научил нас гордости, он объяснил нам, что значит быть немцем. Да, да! Немец — это не только особая кровь, немец — это миссия! Миссия всего народа и личная миссия каждого немца. Если он настоящий немец!

Директор повысил голос, но на Полину он не смотрел, казалось, беседовал с арфой.

— И что ж Германия? Что ж Европа? — он удивленно развел руками. — Европа кончилась! Перемешалась, открыв границы. Поляки, немцы, румыны — кто еще? — болгары? — давай, вали до кучи! Итальяшки-вырожденцы, гоношистые французы — всех в один котел! Европейец перестал любить свое отечество, свои древние камни, могилы своих предков. Теперь мысль другая — как выжить, как под шумок в базарной свалке урвать кусок пожирнее. Вот такая у европейца мысль!

Он оглядел низкий потолок, повернулся к Полине.

— Германия знала, что ей не простят, — Галль понизил голос, словно раскрывал тайну, — не простят Адольфа, не простят Освенцима, абажуров из человеческой кожи. Не вы, вы — простите, вы, славяне, как дети, вас вечером выпорешь, вы к утру все позабыли уже. Не простят евреи. Не простят и не забудут. И все наши Моцарты, и Бахи, и Бетховен с Генделем, и Шиллер с Гете

не перевесят одного абажура из человеческой кожи!

Галль снова говорил громко, последняя фраза гулким эхом отозвалась в пузатом теле контрабаса.

— По-человечески вполне понятно, — он усмехнулся, — когда на весь народ у тебя один Гершвин, да и тот, считай, из Бруклина. Или Шолом-Алейхем... — Директор махнул рукой. — Но это ладно, не в этом суть.

Он внимательно посмотрел Полине в глаза.

— Суть в том, — сказал он вкрадчиво, — что на нас-то никакой вины нет! Данцигу не в чем себя винить. Да, мы — немцы! Но мы здесь живем двести лет и к газовым камерам никакого касательства не имеем! И к вашему варшавскому гетто тоже! Нет на нас вины! Не за что нам прощения просить, не за что! И не собираемся мы с поляками или цыганами хороводы водить, для нас понятие крови, чести, германской чести — не пустой звук! Это для вас Нибелунги — детская сказка, для нас — звездный путь нации, начертанный Провидением...

Снаружи послышался шум, по коридору затопали ноги, дверь распахнулась. В комнату влетела Хильда.

— Господин Галль... — увидев Полину, она запнулась, удивление на ее лице сменилось злостью. — Господин Галль, на Розенкранц пожар, — крикнула Хильда, — дом Стобского горит!

Польхало вовсю. Рыжее пламя вылетало из окон второго этажа и уже прорывалось из-под крыши. Искры столбом уносились в фиолетовое небо и там гасли. Полина выскочила из директорской машины, рев пожара оглушил. Первый этаж просматривался насквозь, пожарники высадили дверь и окна, из двух брандспойтов лупили упругими струями в ослепительно-лимонный ад. Кто-то орал в мегафон, чтобы перекрыли газовую линию. Зеваки заволновались.

Майора вытащили раньше, он лежал на носилках, у телеграфного столба. Кто-то накрыл его простыней, рядом в беспорядке белели ленты бинтов, какие-то тряпки. Полина подошла, наклонилась, тощий кадыкастый санитар что-то нервно прокричал ей и побежал дальше. Она осторожно приподняла край простыни, заглянула. Ожогов не было, лицо показалось Полине спокойным и абсолютно чужим. Какая же глупость, когда говорят про мертвых — будто спит! То, что лежало под простыней — это мертвое нечто, — никакого отношения не имело к Теду, это мертвое нечто больше было сродни камню, сухой коряге. Это мертвое нечто не могло петь песню про Нэнси, рассказывать историю про акул, клеить детские самолеты. Оно было мертвое.

Полина тихо опустила край простыни, но не встала, а так и продолжала сидеть на корточках перед носилками. На асфальте валялся скомканный пакетик из-под соленого арахиса. Кто-то тронул ее за плечо, мегафон хрипел: «На стену лей, на стену! Дымится уже!» Полина догадалась, что это про ее дом, но она даже не повернулась.

Майора унесли, сунули в фургон, хлопнули дверью. Полина поднялась, огонь добрался до чердака, черепица на крыше трещала, разлеталась шрапнелью, красные языки плясали между чердачных балок, улетали вверх. Брандспойты били теперь в стену ее дома, от мокрой стены валил белый пар. Полина равнодушно подумала, что ей будет жаль зеленого платья. Хотя, впрочем, не очень — она стала смотреть в огонь, она вспомнила парадную саблю майора с золотым эфесом, белый мундир.

Мегафон прохрипел: «Всем немедленно отойти!», полиция и пожарники стали теснить зевак, человек с мегафоном оказался шерифом, он размахивал руками и бессмысленно бегал взад и вперед. Толпа подалась назад, загалдела, сквозь рев пожара послышался звук, похожий на стон огромного зверя, что-то натужно заскрипело. Дом вздрогнул, пьяно качнулся и рухнул. Грохнув, словно взрыв, огонь разлетелся горящими брызгами, в небо взмыл столб оранжевых искр. Толпа ахнула и замерла.

Кто-то взял Полину за руку, она повернулась. Михаэль. Он начал что-то говорить, Полина коснулась пальцем его губ, он замолчал. По его лицу бродили красные отсветы, он всхлипнул, пробормотал: «Я думал ты там», стер кулаком слезы. Полина покачала головой, прошептала: «Не надо», сжала его руку. Они молча стояли в толпе, никто не обращал на них внимания, все смотрели на огонь.

Потом повалил дым, горько потянуло гарью. Сразу стало темней, словно наступили сумерки. В воздухе летал сизый пепел, оседал на лицах, одежде. Всё вокруг поседело. Нервная суета сменилась апатией, усталые пожарные бродили вокруг, что-то подбирали, сматывали. Директор говорил с шерифом, тот, сняв шляпу, тер бритую голову широкой ладонью. Мегафон валялся в вытоптанной траве. Народ стал расходиться, устало ворча, как с проигранного футбола.

Михаэль больно сдавливал ее кисть, его ладонь была горячей и влажной, он куда-то потянул Полину, молча и упрямо. Полина посмотрела ему в глаза, сказала:

- Все завтра. Я безумно устала...
- Но я... Я хочу вам...
- Все завтра, — глухо повторила она. — Завтра.

Полина поднялась по ступеням, вся веранда была серой от пепла и копоти. Она чувствовала, что Михаэль не двинулся, стоит и смотрит ей в спину. Поворачиваться не стала, с минуту во-

зились с замком, наконец открыла. Внутри было темно, омерзительно воняло мокрым дымом. Полина закрыла дверь, привалясь к косяку, долго смотрела в черный проем комнаты. Майора больше нет, его дом сгорел — эти две мысли казались нелепостью, Полина, как пьяная, помотала головой, пробормотала:

— Чушь... Что за чушь.

Она направилась на кухню, передумав, остановилась, устало опустилась в кресло. Сидела в темноте, изредка качая головой, словно не соглашаясь с кем-то. По потолку скользнули желтые полосы фар, снаружи зарычал мотор, потом звук медленно стал удаляться.

Глаза постепенно привыкли к темноте, Полина сидела сгорбясь и разглядывала свои руки. Сжимала кулак и медленно раскрывала пальцы, словно цветок. Потом снова сжимала. Мыслей не было, в голове стояла плотная муть, гундели обрывки каких-то фраз, плыли пятна лиц, похожие на гипсовые маски, стоило зажмуриться — начинал плясать огонь. Желтые, красные ленты, юркие, как змеи. От огня становилось жутко, Полина открывала глаза, снова пялилась на руки.

Снаружи слышались шаги, чьи-то подметки прошаркали по асфальту, после тихо поднялись по ступеням. Затаились. Полине казалось, что она слышит дыхание за дверью.

— Я ж сказала... — устало прошептала она, качая головой.

Скрипнула половица, после долгой паузы кто-то вкрадчиво постучал в дверь.

— Уходи, — слышно проговорила Полина. — Пожалуйста.

Стук повторился.

— Пожалуйста... — Полина знала, что открывать не надо, надо пойти наверх и постараться заснуть.

Она поднялась, доплелась до двери. Прильнув щекой к холодному дереву, проговорила:

— Завтра. Все завтра.

— Нельзя завтра, — раздался торопливый голос. — Это срочно. Очень.

Это был не Михаэль.

Полина щелкнула замком, распахнула дверь. На пороге стояла Хильда Эммерих. Полина растерялась, девчонка вошла, сама закрыла дверь. Прошла в темную гостиную, села на край дивана.

— Мисс Рыжик? — позвала она.

Полина послушно опустилась в кресло напротив. В окно заглядывал уличный фонарь, желтая электрическая муть расплылась по паркету. Полина потянулась к выключателю.

— Не надо, — торопливо попросила Хильда. — От пожара глаза совсем... Не надо света.

— Что у тебя? — Полина спросила. — Я дико устала. Говори, что там?

— Да, да, — сказала Хильда. — Я все понимаю, вы же с этим... друзья были?

— Ничего ты не понимаешь, — отрезала Полина. — Говори.

— Ну зачем вы так, мисс Рыжик? — Девчонка вскочила, прошла по комнате, снова села. — Я ж по-хорошему, а вы...

Хильда Эммерих обиженно скрестила руки, она так и не сняла перчаток. На ней были высокие сапоги и тугая черная кожанка, словно она только что гоняла на мотоцикле. Очков на лице не было.

— Говори же, — хмуро сказала Полина. Она опустила веки, огонь тут же запрыгал перед глазами, голова закружилась, куда-то поплыла. Полину замутило, от всего воняло дымом. Она сжала губы, сглотнула, во рту было сухо.

— Да-да, сейчас скажу. — Хильда сделала шаг, присела на корточки перед Полиной, заглянула в лицо. — Сейчас все скажу!

Полина подалась назад, от девчонки несло горькой копотью и еще чем-то знакомым и противным, какой-то химией. Не моргая, Хильда уставилась Полине в глаза, будто гипнотизировала. Они так сидели и молчали.

— Вы знаете, — проговорила девчонка, — а я ведь в вашем... в этом доме очень часто бывала. Раньше, в детстве.

Она замолчала, загадочно ухмыльнулась уголками губ, словно припоминая что-то. Глаза не улыбались, смотрели пристально и холодно.

— Тут жили Геннехольмы. Семья Геннехольмов: папа, мама и дочка Марта. Еще был Карл, карапуз, он не в счет. Мы с Мартой были лучшими подругами. Это ж такой возраст — одиннадцать лет, сами помните, важней подруг ничего нет на свете, да?

Полина не ответила.

— А там, там внизу, в саду, — Хильда ткнула рукой в сторону кухни, — там мы играли. Марта больше всего любила играть в овощную лавку, торговала яблоками, красными, с два кулака. По два пенса — такая дороговизна! Я торговалась, но в конце концов все равно покупала. Складывала в корзину.

Хильда говорила всё быстрее и быстрее, ее серые глаза округлились. Она возбужденно потерла ладони, хихикнула. От этого смеха у Полины прошел холод между лопаток.

— А летом, летом было полное раздолье. Отсюда на велике и до озера двадцать минут. Нам, конечно, запрещали. Но... — она снова хихикнула. — Но!

Она резко встала, подошла к окну.

— Меня допрашивали в полиции, — не поворачиваясь, проговорила Хильда, — но я, правда, ничего не помнила. Меня нашли на берегу, без сознания. Я вся была в крови, насквозь, вся одежда, трусы, даже в кедах кровь хлюпала. Но это не моя была кровь, у меня ни одной царапины

не было. Это ее, Марты, кровь была. Они потом определили.

Хильда прижала палец к стеклу и стала рисовать скрипучие круги.

— Они, эти полицейские из Мемфиса, мне не верили. А я, правда, помню только, как мы прикатили к озеру, велики бросили. Вода еще холодная была, мы на берегу играли. Потом Марта зашла в камыши, позвала меня, я видела ее платье сквозь траву, синее в горох белый. Ну, я тоже пошла туда, в камыши, а ее нет. Я зову: Марта, ты где? Вот же — откликается — тут я! Слышно, что совсем рядом, я туда иду, а там никого.

Девчонка вдруг замолчала, слышен был лишь мерзкий скрип стекла.

— Они там все прочесали, с собаками. Камыши эти чертовы. Ее не нашли. Это мне потом рассказали, я четыре недели в Ноксвилле лежала, в больнице. В дурке. — Она хихикнула. — Они решили, что я чокнулась, а я просто не помнила ничего. Они говорили — возможны кошмары, зрительные галлюцинации... идиоты. Мне вообще ничего не снится. Кошмары...

Хильда нервно повернулась, подошла к черному зеву камина. Наступила на кочергу, пнула ее ногой.

— А вот папаша, дядя Вилли, тот и вправду слетел с резьбы. Он слышал, как Марта его зовет. Здесь, в доме — голос то с чердака, то из стены. Будто замуровали ее. Он разворотил весь дом,

в стенах продолбил дыры, говорил, пусть воздух к ней туда идет, к дочке моей. Тетя Ханна хотела забрать Карла и к родителям уйти... — Хильда запнулась. — Ну, короче, не успела. Дядя Вилли их, а потом себя... Ножом кухонным. Говорили, что кровь через потолок протекла, из спальни. Он их во сне... Там, в спальне.

Полина непроизвольно подняла глаза на темный потолок, девчонка заметила ее взгляд, тоже посмотрела вверх.

— Да нет, отскребли, замазали. Не видно ничего. — Она хмыкнула. — Да толку-то! Никто тут и задаром жить не согласится. Из наших, данцигских.

Повисла тишина. Полина хмуро спросила:

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Ну как? Вы ж тут живете. Может, и вы какие-нибудь звуки из стен слышали? Или с чердака?

— С чердака... — задумчиво повторила Полина и быстро спросила: — А ты и Лорейн... ты и мисс Андик эти истории рассказывала?

— О! Лорейн! — Хильда резко повернулась. — Мисс Андик!

Девчонка возбужденно заходила по гостиной, остановилась на середине, нервно подтянула перчатки.

— Зачем вы спрашиваете про нее? — Лицо Хильды стало злым. — Какое вам дело до Лорейн?

Девчонка неожиданно подняла с пола кочергу и с размаху ударила по каминной решетке. Решетка загудела набатом. Повернулась — безумные глаза с ненавистью смотрели на Полину.

— Лорейн! Завидуете ей? Вам до нее далеко, до этой хитрой жидовочки! — Она отбросила кочергу на пол. — Вы дилетант, ваше кокетство не лучше обезьяньего кривляния! Неужели вы думали, что он клюнет на такую дешевку? Вот Лорейн — это да! Это был класс! Высший пилотаж! Как же ловко расставляла она сети, приманивала жалостными взглядами, прямо Эсфирь! Томная тоска, страждущее сердце, невинная душа: о, приди, мой рыцарь! Спаси и защити, заключи меня в объятия, о, мой Зигфрид! — девчонка, кривляясь, обняла себя. — Сука! Тварь!

Хильда с размаху двинула ногой стул, тот отскочил в угол. Она резко повернулась к Полине, уперла тугие черные кулаки в бедра:

— Где дневник?

Полине стало страшно от взгляда безумных глаз.

— Где дневник? — отдельно произнесла Хильда. — Где?

Полина медленно поднялась, глухо сказала:

— Пошла вон отсюда.

Девчонка не двинулась.

— Где дневник? — повторила она.

— Нет никакого дневника.

— Мисс Рыжик, — Хильда нервно ухмыльнулась. — Вы мне действительно симпатичны. Симпатичны своим простодушием, наивностью... Своими неуклюжими попытками соблазнить его. Неужели вам могла прийти в голову фантазия, что такой человек, как он, — Хильда сделала паузу и ткнула пальцем вверх, — может и вправду заинтересоваться вами? Нет, серьезно?

— Убирайся. — Полина шагнула к ней, девчонка неожиданно толкнула ее в грудь кулаками, толкнула сильно, Полина бухнулась в кресло.

— Дневник! — Хильда наклонилась к ней. — Не зли меня, отдай по-хорошему.

Полина инстинктивно подалась назад, вжалась в спинку кресла. «Это керосин, — догадалась она, — от девчонки воняет керосином. — У Полины вспотели ладони, она впилась ногтями в поручни кресла. Ей стало по-настоящему жутко. — Она ведь просто сумасшедшая, просто сумасшедшая, эта девчонка!»

— Мне смертельно хочется рассказать кому-то. — Хильда проговорила с ласковой угрозой. — Но некому. Глина не в счет, он дебил. Раб. Да и он все знает сам. Давайте я вам расскажу? История занятная, про учительницу. Так что вам точно интересно будет.

Хильда хихикнула, глаза у нее блестели.

— Вы знаете, мисс Рыжик, молитву «Не введи во искушение, огради от лукавого»? Хотя о чем я,

вы ж атеистка, — она засмеялась. — Там есть такая строчка: «Ибо сатана рядится в одежды лучезарные». Лучезарные, понимаете? Не черт с рогами и козлиной мордой, а светлый лик, сладкие речи. Вот в каком обличье он приходит. Ведь именно в этом вся бесовская хитрость и есть — подловить твою слабость, которая даже и не слабость вовсе, а скорее добродетель. Ведь не назовешь же слабостью сострадание? Или жалость? Или желание помочь ближнему? Но именно на этом тебя и ловит дьявол, в этом-то и вся лукавость бесовская! Оттого монахи и начинают одолевать свою волю с вещей малых и смешных порой, а кончают полной самодисциплиной, полным одолением воли! Полным контролем воли!

Она сжала кулак и звонко ударила им в ладонь.

— А те, кто без веры в душе, как Лорейн или как вы, мисс Рьжик, вы ж вроде пустой варежки на снегу. Дьявол туда руку — шась! И крути-верти вами как угодно, хоть так, хоть эдак. — Хильда помахала рукой. — А натура женская, она подла по природе своей, даже у самых искренних — подлость там внутри. Подлость и злость! — Она отрывисто засмеялась. — По себе знаю!

Полина не двигалась, ногти до боли впились в обшивку кресла.

— Я поначалу хотела предостеречь ее, не хотела я ничего делать. — Хильда проговорила тихо, с сожалением. — А потом, я видела, как он к ней относится. Как смотрит на нее. Я не хотела де-

лать ему больно, ведь он... — она запнулась. — Но когда эта сучка решила его окрутить, когда она забеременела...

Лицо Хильды стало жестким, злым.

— Вот хирург, вскрывает нарыв, выдавливает гной. Больной кричит, ему больно. Но хирург знает — это правильная боль, нужная. Без нее не обойтись, без боли этой.

Она замолчала, вдруг отрывисто засмеялась.

— Нет, правда, когда я придумала с этим ентом... — от смеха она даже закашлялась. — Эта дура в полицию звонила! Два раза! У меня был ключ, когда ее не было, я переставляла вещи, тряпки ее раскидывала. Подкладывали ей птиц, Глина им головы отстригал, ножницами. Садист! Такой... такой дурак, — она снова засмеялась. — Под конец у нее точно резьбу сорвало. Как она на урок приходила, вот умора! Я надеялась, что она со страху сбежит... или чокнется и ее в психушку заткнут.

Хильда выпрямилась, посмотрела в окно.

— Она написала ему, что расскажет всем. Придет в воскресенье в церковь, выйдет к алтарю и расскажет. — Хильда поежилась, словно замерзла. — Зря... Я это письмо у него в кабинете нашла... Ну, уж после этого...

Хильда грустно развела руками:

— Ползала на коленях, умоляла меня. Там, наверху. Потом Глина вытащил ее из ванны, привязал к велосипеду. Глина пикап пригнал отцовский. Отвезли ее к озеру.

— Ты что... — прошептала Полина. — Так вы что, ее?..

Хильда печально улыбнулась и кивнула:

— Там, перед камышами, где сосна сломанная, омут там. Глина хотел в камышах бросить, дебил. Говорил, все равно никто искать не будет. Нет, в омуте надежней все-таки. Мы нашли лодку, весел не было, мы руками гребли, — она засмеялась, показала ладошками, как они гребли. — Надежней, в омуте.

Полина сидела как парализованная, у нее вдруг появилось странное чувство апатии, будто это все происходит не с ней.

— Да, кстати, — вспомнила Хильда. — Вот ведь, чуть не забыла...

Не снимая перчатки, она сунула руку в карман, достала что-то, протянула Полине. Та взяла, долго не могла понять, что это: какая-то пластмассовая игрушка, маленькая скрюченная фигурка, похожая на наездника. Она поднесла ближе, разглядела голубой шлем, круглые пилотские очки. Это был летчик, такие входили в комплект моделей военных самолетов, которые они клеили с майором.

Полина рывком выскочила из кресла, толкнула Хильду в грудь, та, охнув, сбила журнальный стол, отлетела к дивану. Полина оказалась в прихожей, трясущейся рукой открыла замок. Распахнула дверь. В проеме кто-то стоял. Этот кто-то

сграбастал ее, крепко сжав, поднял, как тряпичную куклу. Ногой закрыл дверь.

— Сюда тащи суку, — морщась и потирая колено, крикнула Хильда.

Она подняла стул, поставила его на середину.

— Сюда!

Глина сбросил Полину на стул, ножки затрещали.

— Осторожней, ты! — заорала Хильда. — Урод!

Парень виновато насупился, глухо спросил:

— Вязать?

— Да!

Глина вытянул капроновый шнурок, опутав запястья, ловко привязал Полину к стулу.

— Мы ее так же? — он мотнул в сторону окна. — У нас еще одна керосиновая бомба осталась.

— Да угомонись ты! Керосиновая бомба! — огрызнулась Хильда. — Нам дневник нужен.

— А, ну да... — парень угрюмо кивнул.

— Ты пока Колинду пригласи, — ухмыльнулась Хильда. — Чтоб мисс Рыжик пошибче соображала.

Глина, косолапо топая, вышел из дома.

— Вот такой вот коленкор, фройляйн Полина! — девчонка потеряла колено. — Где дневник?

Полина подалась вперед, попыталась высвободить руки, тонкая бечевка больно врезалась в запястья.

— Ну-ну, не надо горячиться только. Глина свое дело знает.

Полина упрямо дернулась еще раз, стул качнулся, затрепал. Хильда засмеялась.

— Вы же... — Голос у Полины осип. — Как ты с этим живешь? Это же живые люди... Как вы...

— Кто? — девчонка вскинула голову. — Эти? Это люди? Одноногая пьянь — это люди? Похотливая тварь Лорейн? Или ты — хитрая шлюха? Или та мразь мексиканская на озере — тоже люди?

Хильда презрительно сплюнула под ноги.

— Вы — пакость, а не люди! Скверна! Вас давить надо, вот так! — она топнула каблуком. — Вот так! Вы мусор, от вас разит, как с помойки!

— Это от тебя разит! Керосином!

— Да, иногда и запачкаешься, не для белоручек дело это.

— А как же Христос? Возлюби ближнего своего?

— Ну, так я ж из любви к ближнему это и делаю! Для всего города, Для всех нас! — вскричала Хильда. — Что ж ты дура такая? А еще диплом университетский! Только ты мне не ближняя! И пьянчуга польский мне не ближний. Вы для меня как крысы, как тараканы. Что ж я — с тараканами лобызаться должна? Ближний!

Покраснев от злости, глубоко и часто дыша, она нервно подтянула перчатки.

— И не твое это собачье дело. — Хильда отвернулась, дернула плечами. — Это между Ним и мной. И имя Его все не смей произносить. Тварь...

Полина напрягла руки, попыталась ослабить веревку, стул хрустнул и покачнулся. Входная дверь распахнулась, вернулся Глина, с улицы пахло холодом и гарью. Он бросил на пол мешок, там что-то железно звякнуло. Хильда присела, заглянула в мешок, посмотрела на Полину, улыбнулась.

— Помнишь, месяц назад я тебя просила уехать? — спросила она ласково. — Тогда, в церкви, помнишь? Ты еще жаловалась, что тебе некуда. А потом, когда ты болела, помнишь? — Хильда укоризненно покачала головой. — Жила бы себе тихо в каком-нибудь Бостоне...

Она достала из мешка какой-то инструмент, похожий на большие клещи. Это была вафельница. Хильда взялась за рукоятки, раскрыла. В металлические пластины были вделаны гвозди, острые стальные гвозди. Девчонка поднесла железку к самому лицу Полины и клацнула. Полина дернулась.

— Вот она, наша Колинда, — тихо проговорила Хильда, медленно разводя железные челюсти. — Колинда, познакомься, пожалуйста, с мисс Рыжик.

Глина глупо заржал, Хильда злобно зыркнула на него, он тут же осекся. Полина не могла отвести взгляд от острых гвоздей. Голова начала кружиться, стул потянуло вбок, раздался хруст. Ножка подломилась, и Полина вместе со стулом грохнулась на пол.

Глина хотел поднять ее, Хильда остановила.

— Пусть лежит. Так даже удобней.

Полина ударилась затылком, потолок подскочил и оказался сбоку. В голове стоял звон, от пола воняло мастикой и пылью. К ней вплотную приблизились сапоги, черные, тупорылые, на квадратных каблуках. Сапоги потоптались, отошли. Топая, появились кеды, грязные, невероятно большого размера.

— Можно мне? — заискивающе попросил Глина, сверху клацнуло железо. — Давай я ее раздену, а?

— Успеешь, — брезгливо бросила Хильда. — Дневник нужен сперва. Посади ее.

— Ну, стул-то сломан. Как же я ее посажу? Ножка — вона...

— Урод... В кресло посади.

Глина распутал веревку, поднял Полину, как куль воткнул в кресло.

— Чего, к креслу ее, что ли, привязать?

— Руки свяжи, никуда не денется.

Глина коленом вжал Полину в кресло. Здоровенной лапой сжал обе ее руки, ловко обмотал запястья. Крепко затянул узлом. От парня разило потом и гарью, он провел ладонью по ее груди, нащупал сосок и больно сдавил пальцами. Полина вскрикнула, толкнула его связанными руками. Глина облизнул губы и встал рядом.

— За спиной надо связывать, — брезгливо сказала Хильда. — Кретин.

— Могу перевязать, — Глина виновато пожал плечами.

— Не надо, времени нет. — Хильда повернулась к Полине, мрачно ухмыляясь, спросила: — Дневник где?

— Нет дневника. — Полина кулаками стерла пот с лица. — Нет и не было.

— Ну, понятно, — разочарованно протянула девчонка. — Глина, сбегай за керосинкой.

— Отлично! — Парень сорвался, выскочил из дома, затопал по ступеням. Вернулся со стеклянной бутылкой в железной сетке, на треноге. Осторожно поставил на пол.

— Алхимик, — насмешливо хмыкнула Хильда.

— Ну что, поджигать? — Глина достал спички. Под бутылку к треноге была приделана спиртовка с длинным фитилем.

— Поджигать... вот идиот... — проворчала Хильда.

Она прошла из угла в угол, пнула сломанный стул, встала у окна. Не поворачиваясь, спросила:

— А ты знаешь, как мое полное имя?

Полина молчала, потом буркнула:

— Брунхильда?

— Не совсем. Но близко, — девчонка усмехнулась, начала тихо:

— Жила в земле бургундов девица юных лет.

Знатней ее и краше еще не видел свет.

Звалась она Кримхильдой и так была мила,

Что многих красота ее на гибель обрекла.

— Нибелунги... — сказала Полина.

— О! — Хильда с интересом взглянула на нее. — Приятно иметь дело с интеллигентной жертвой. Для разнообразия!

— У меня диплом бакалавра по литературе! — резко сказала Полина. — Колумбийский университет, засранка!

— Да-да, точно! — Хильда засмеялась, подошла и наотмашь ударила ее по лицу. — Грубить не надо, мисс Рыжик. Пример некрасивый ученикам подаете.

Шов перчатки обжег щеку, в голове зазвенело. Во рту стало горячо и солоно.

— Кримхильда. — Полина сплюнула на пол. — А кто ж твой Зигфрид? Уж не директор ли Галь?

Девица отошла, уставилась на Полину. Полина зло ухмыльнулась:

— Вот оно что... Зигфрид...

Горячая струйка стекала по подбородку, Полина наклонила голову, капля упала на пол. Связанными руками она вытерла кровь с лица. Улыбнулась.

— Королевич Зигфрид — прекрасный рыцарь, покоритель нибелунгов, победитель страшного дракона Фанфира, — Полина снова сплюнула. — Королевич Зигфрид выкупался в крови дракона и стал неуязвим, кожа его теперь тверда, как рог. Принцесса Кримхильда тайком наблюдает за молодеческой удалью своего избранника, тот шутя побеждает на местных спортивных состязаниях.

Принцесса млеет. Она мечтает о пышной свадьбе, о румяных наследниках с арийскими профилями. Ее не пугает разница в возрасте.

Полина хрипло засмеялась. Хильда повернулась к ней.

— Одного вот не знает наивная принцесса, — Полина хмыкнула. — Неведомы нашей принцессе некоторые... как бы это половчее сказать... некоторые интимные предпочтения господина Га..., господина Зигфрида.

Хильда сжала кулаки, медленно подошла.

— Дневник Лорейн — занятное чтение! Не для детей, конечно, но очень, очень познавательное. — Полина нервно засмеялась. — Даже мне, столь искушенной в блюде, некоторые фантазии господина директора...

— Заткнись! — заорала девчонка. — Ты же сказала, что нет дневника!

Полина постаралась улыбнуться, губа распухла и жарко пульсировала.

— Извини, сказала неправду.

— Дрянь! — Хильда замахнулась.

Полина зажмурилась, вжалась в кресло.

— Не хотела тебя расстраивать, — сказала она. — Тем более у вас тут в Данциге на тему эротики беседовать не принято, насколько я поняла. У вас тут это называется «вождедением плоти», которое надо смирять. Молитвой, постом и веригами. Я думаю, что если дневник этот напечатать в «Данцигском вестнике»...

Хильда, растопырив пальцы, схватила Полину за лицо, зажала рот.

— Не смей, тварь! — завизжала она.

Потом выпрямилась, брезгливо вытерла перчатку о штанину.

— Где дневник, сука? — проговорила Хильда, часто дыша. — Говори, где?

Полина молчала, зло смотрела ей в глаза. Лицо Хильды покраснело, она рванула воротник, словно задыхалась.

— Ну, так! Мне все это надоело! — истерично вскрикнула она. — Ты, урод, — повернулась она к Глине. — Будем жечь этот гадюшник! Дневник где-то здесь спрятан, так что сгорит вместе с ней. Поджигай!

Глина, радостно кивнув, нагнулся, чиркнул спичкой. Фитиль затрещал, заплясал рыжим языком по стеклу. Дно бутылки быстро почернело от копоти.

— Ну вот, — он потряс коробку спичек, сунул в карман. — Пятнадцать минут и... — Он изобразил руками взрыв.

— Поставь поближе... — Хильда мотнула головой, — к этой.

— А вдруг дневник в школе? — быстро спросила Полина. — В учительской?

— Правда? Спасибо за совет! — Хильда нервно засмеялась. — Мы отсюда напрямиком туда и рванем.

Она наклонилась к Полине, ласково проговорила:

— Прощайте, мисс Рыжик! Нам будет вас не хватать. Очень.

Полина вжала затылок в спинку кресла, зажмурилась, рванулась вперед всем телом и, как тараном, изо всех сил хрястнула лбом Хильде в нос. Раздался хруст, Хильда выдохнула низкий утробный звук. Схватив лицо руками, она попятилась, оступилась и грохнулась на пол. Глина едва успел увернуться, он держал в руках керосиновую бомбу. Он очумело глядел на мычащую от боли Хильду, потом заметался, не зная, куда поставить склянку с горящим фитилем.

— Замри! — закричала Полина.

Здоровяк растерялся, она рванулась к камину. Связанными руками ей удалось ухватить с полу кочергу. Глина стоял в двух шагах. Полина сжала рукоятку и с размаху влепила кочергой по бутылки. Раздался звон стекла, и тут же вспыхнул керосин. Глина превратился в ослепительный, пылающий шар. Полина отскочила, горящий керосин потек по паркету. Глина взвыл. Полина увидела в ярком факеле страшный черный рот. Глина был похож на горящее чучело. Он орал и метался, натываясь на мебель и стены. Обои тут же занялись, рыжее пламя весело побежало вверх к потолку, загорелся диван. Полина не могла двинуться с места. Глина вышиб дверь, выкатился на веранду. За ним оставался горящий след, на ступенях, на ас-

фальте. Он бросился в сторону кладбища, бежал, петляя, зигзагами, налетел на столб, упал. Тут же вскочил и побежал снова. Он кричал непрерывно, с невыносимым упорством на одной высокой ноте. Полина стояла на крыльце, замороженная, не в силах отвести взгляд. Глина вдруг замедлил шаг, остановился, задергался, словно сломанная кукла. Потом осел, медленно повалился на бок. Пламя сбилось, зачатило, ветер погнал по дороге жирный черный дым.

Полина, не сводя глаз с дыма, медленно спустилась по ступеням крыльца. Зубами распутала узел, отбросив веревку, стала тереть затекшие запястья.

Больше всего на свете ей хотелось бежать отсюда, бежать куда глаза глядят. Вместо этого, по непонятной причине, она поднялась на веранду, вошла в дом. Огонь внутри гудел и уже полыхал вовсю. Прикрыв лицо руками, Полина пробралась в гостиную, среди дыма разглядела Хильду. Та лежала на полу, неловко поджав под себя ноги. Полина ухватила ее за кожанку и поволокла к выходу.

34

— Удивительно теплая зима в этом году, — словно извиняясь, проговорил нотариус Фредэйбель, подумав, добавил: — У нас тут, в Данциге. Навер-

ное, в какой-нибудь Лапландии сейчас — у-у-у —
вьюга-пурга!

Он застенчиво улыбнулся, показав много мелких зубов. Было что-то крокодилье в его сухом желтоватом лице, но глаза, по-младенчески голубые и водянистые, портили картину. Да и манера говорить была совсем не крокодилья.

— Вот здесь еще, пожалуйста, — он придвинул к Полине десятую бумажку. — И вот здесь. И число там поставьте, да, первое февраля... А там не надо.

Полина неловко расписалась, спрятала руки под стол. Ладони были забинтованы, из бинтов торчали желтые от йода пальцы. Не к месту подумала — хорошо, что вся ее одежда сгорела, все равно она не смогла бы носить те вещи. Она натянула рукава кофты на ладони, остались видны лишь желтые ногти. Кофта, крупной домашней вязки, была отвратительно горчичного цвета, ее кто-то принес в больницу.

В окно глядело по-летнему синее небо с единственным облаком. Полина попыгалась придумать, на что облако похоже, но в голове стоял глухой звук сырых комьев земли по голым доскам гроба.

Полина бросала лопату за лопатой. Бросала, как заводная, комки земли глухо стучали, кто-то сзади пугливо прошептал: «Ее надо остановить». Михаэль забрал у нее лопату, она вцепилась в него и заревела. Ей было наплевать, что там подумают эти два могильщика и толстый Альберт из похо-

ронной конторы. Она кусала грубый драп куртки, соленый от ее слез и крови, рана на губе снова раскрылась. Михаэль поймал и сжал ее забинтованные руки, сунул вместе со своими в карманы горчичной кофты. Альберт вполголоса спросил могильщиков:

— Про директора слышали?

— Да-а, — тихо протянул один, — считай, с того света вытащили.

Другой сварливо заметил:

— Я бы в висок, а еще бы лучше, в рот стрелял. Кто ж в грудь стреляет?

— Вронский... — проглотив слезы, сказала Полина.

Облако доползло до края окна и уперлось в раму. Нотариус ворковал, перелистывая документы, иногда чему-то загадочно улыбался. Кабинет Фредэйбеля, тесный и душный, казалось, был составлен из книжных полок, корешки упирались в потолок, по ковру были разбросаны толстые тома, из которых торчали бумажные закладки, по дюжине в каждом томе.

— У вас будут какие-нибудь распоряжения по устройству могилы? — нотариус ласково наклонил голову набок. — Памятник, обелиск, камень. Военно-воздушная тематика, так сказать.

Полина, не глядя на него, глухо пробормотала:

— Не сейчас... Потом давайте...

В голове снова забарабанили комья земли.

— Да-да, конечно, — проговорил нотариус. —
Разумеется.

Полина кивнула, облако уже почти скрылось,
остался лишь белый хвост.

— В таком случае, — он, извиняясь, похрустел
пальцами. — В таком случае, мисс Рыжик, мы, по-
хоже, закончили. Завещание вступает в силу не-
медленно.

— Господин Фредэйбель? — спросила Полина.

Нотариус с готовностью насторожился.

— Мне нужен адрес его сына, он где-то
в Сан-Франциско... Адрес и телефон.

Нотариус часто закивал, по-крокодильи ух-
мыльнулся.

— Мисс Рыжик, я понимаю ваше беспокой-
ство. Но как юрист, я вам гарантирую, что закон
на вашей стороне на... — он прикинул в уме, — на
сто десять процентов. Как минимум! И земля
в Калифорнии, и недвижимость на ней, и оба
банковских счета — все теперь ваше. Вам не о чем
беспокоиться...

— Я не беспокоюсь, — перебила она нотариу-
са. — Я хочу найти его сына. Это не мои деньги,
это не моя земля. Мне нужно найти его сына...

— Прошу простить, я вас не так понял, —
Фредэйбель страшно смутился, молитвенно
сложил руки. — Конечно, конечно. Непремен-
но найдем адрес. И телефон. Вы когда уезжа-
ете?

35

Дверь в палату была приоткрыта. Полина замедлила шаг, остановилась.

— Только недолго, пожалуйста, — прошептала медсестра, тронув ее рукав. — Недолго.

Полина кивнула, тихо толкнула дверь.

Палата была заставлена цветами. Вазы и банки громоздились на тумбочке, стояли на подоконнике, теснились на полу у кровати. Букеты сочных роз, белые хищные лилии в целлофане, скучные астры, скромные гвоздики, фиолетовые орхидеи в кокетливых горшочках, пучки какой-то пестрой мелочи, похожей на петрушку, — от всего этого в палате стоял влажный оранжерейный дух. Полина, неслышно ступая, подошла к кровати.

Галь открыл глаза. Грудь его была туго забинтована, голые плечи и руки казались странно загорелыми, почти коричневыми, на белых простынях. На тумбочке кто-то оставил плюшевого медведя в тирольской шляпе и баварских шортах на бретельках, медведь печально смотрел на Полину. Ледерхозен — вспомнила она немецкое слово.

Директор едва заметно покачал головой, словно отказываясь от чего-то. Полина наклонилась, негромко произнесла:

— Прощайте.

Галь, прикрыв глаза, чуть кивнул.

— Я не знал... — прошептал он с трудом. — Ты мне веришь?

— Какая разница. Я уезжаю.

— Ты... — он запнулся. — Ты веришь мне?

— Я не знаю, кому верить. Особенно в Данциге. — Полина грустно усмехнулась. — Я не могу понять одного: каким образом так совпало, что я очутилась тут, и тоже из Нью-Йорка, и тоже после Колумбийского университета? Как такое совпадение возможно?

— Господи... — Галль улыбнулся глазами. — Неужели ты до сих пор так наивна, что веришь в случайные совпадения?

Он усмехнулся, потом, словно поперхнувшись, начал хрипло кашлять. Между губ появилась красная полоска, директор испуганно вдохнул. Из рта хлынула кровь, алая, страшная, она тут же залила подушку, грудь, бинты. Полина застыла, она не могла отвести взгляд от этой яркой красноты. Она попятилась, потом распахнула дверь и закричала.

Полина быстро сбежала по ступеням. Не глядя под ноги, дошла до машины. Открыла дверь, плюхнулась на сиденье. Закрыв глаза, глубоко вдохнула.

— Эй... — на соседнем сиденье был Михаэль. — Ты опять забыла запереть замок.

Полина уставилась на него, пытаясь собраться с мыслями.

— Ты к... — он неприязненно запнулся, словно хотел выругаться. — К этому ходила?

Полина кивнула.

— Чокнутую в Ноксвилл сегодня отправили. Отчим сам повез. Он говорит — в психушку укатают в лучшем случае. Пожизненно. Это если повезет. А если признают вменяемой и будут судить, то смертная казнь. Без вопросов.

Полина снова кивнула. Михаэль осторожно положил ладонь ей на руку.

— Не надо... — Полина потянула, Михаэль не отпускал. Она сдалась.

— Что с ней случилось тогда, в детстве? — спросила Полина. — Там, у озера. Ты знаешь?

— Все знают. Его поймали через год, газеты месяца полтора только об этом и писали. У него в амбаре нашли еще несколько трупов. Все дети.

Они сидели, молча глядя в ветровое стекло. Мимо прошла Вера с красным букетом острых гладиолусов, словно маленький паж с колчаном окровавленных стрел. На ступенях она остановилась, поправила белую шляпку с серым соколиным пером. Ладонь Михаэля горела, Полина повернулась к нему.

— Пожалуйста, — быстро проговорил он. — Я знаю, что ты скажешь. Я тебя умоляю, не говори этого!

— Я... — начала Полина и тут же осеклась, его собачьи глаза были полны слез.

Михаэль схватил ее руку, прижал к лицу, начал целовать, быстро жадно. Словно от спешки зависел успех. Полина, закусив губу, сморщилась, высвободила руку. Он застыл.

Полина провела пальцами по его волосам, ласково прижала ладони к щекам. «Господи, он ведь даже еще не бреется!» Глядя в глаза, она приблизила вплотную свое лицо, потом, приоткрыв рот, стала бережно целовать его: горячие губы, лоб, мокрые соленые щеки.

— Я все равно тебя найду... — он зарыдал, не стесняясь, громко и по-детски всхлипывая. — Все равно... Где бы ты ни была... Через год, через два... Все равно...

Полина не отвечала, она знала — если начнет говорить, разревется тоже.

До границы с Вирджинией оставалось миль триста.

Впереди, на севере, темной полосой уже проступили Аппалачи. Полина во что бы то ни стало хотела засветло выбраться из Теннесси. Радио трещало, иногда проникали какие-то таинственные звуки, словно где-то там, в глубинах эфира, переговаривались киты.

Вдоль шоссе тянулись серые кукурузные поля, проплывали скучные фермы под ржавыми крышами. Под Ноксвиллом на обочине промелькнула заброшенная бензоколонка в виде беленой голландской мельницы. Крылья мельницы лениво и бессмысленно крутились на ветру.

Полина покрутила ручку радио — треск и киты. Переключила на длинные волны — та же история. Чуть приоткрыла окно, в щель ворвался морозный воздух, она опустила стек-

ло наполовину, ветер взлохматил волосы, пестрый конфетный фантик заметался по салону. Полина поймала его, выпустила на волю. Плавно утопила педаль газа. Дорога перестала петлять, выровнялась, теперь она гладкой серой полосой уходила прямо на север. Пролетел синий указатель — до Вирджинии оставалось ровно триста миль.

Оглавление

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	50
Глава 4	63
Глава 5	73
Глава 6	82
Глава 7	88
Глава 8	95
Глава 9	111
Глава 10	116
Глава 11	124
Глава 12	128
Глава 13	135
Глава 14	143
Глава 15	149
Глава 16	156

Глава 17.....	164
Глава 18.....	170
Глава 19.....	179
Глава 20.....	184
Глава 21.....	194
Глава 22.....	201
Глава 23.....	209
Глава 24.....	216
Глава 25.....	222
Глава 26.....	232
Глава 27.....	244
Глава 28.....	258
Глава 29.....	269
Глава 30.....	282
Глава 31.....	293
Глава 32.....	301
Глава 33.....	316
Глава 34.....	339
Глава 35.....	343
Эпилог.....	347

Бочков Валерий Борисович

К ЮГУ ОТ ВИРДЖИНИИ

Ответственный редактор *О. Аминова*
Ведущий редактор *Ю. Качалкина*
Младший редактор *А. Семенова*
Художественный редактор *П. Петров*
Технический редактор *Г. Романова*
Компьютерная верстка *Е. Колтевой*
Корректор *И. Федорова*

В оформлении переплета использована фотография:

Alexey Losevich / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «ЭКСМО»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 12.02.2015. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Гарнитура «NewBaskerville». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 2000 экз. Заказ № 8068.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.ooompk.ru, www.ooompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-78773-9

9 785699 787739 >

Содержит нецензурную брань!

ЛитРес:
ОБЩАЯ КНИЖКА ДЛЯ ВСЕХ

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
International@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, *обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.*

E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

- В Санкт-Петербурге:** ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: Филиал ООО ТД «Эксмо» в г. Н. Новгороде, 603094, г. Нижний Новгород, ул.
Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).
В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо», пр. Станки, 243А. Тел. (863) 305-09-13/14.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 207-55-56.
В Екатеринбурге: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге,
ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 500-88-23.
В Донецке: ул. Складская, 5В, оф. 107. Тел. +38 (032) 381-81-05/06.
В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-01-71.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый южный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

В А Л Е Р И Я

БОЧКОВА

QUEENS LIBRARY

0 2285 9468158 4

родился и вырос в Латвии. Окончил художественно-графический факультет МГПИ в Москве. Профессиональный художник. Владеет русским, английским, немецким языками.

Проза Валерия Бочкова публикуется в журналах «Знамя», «Волга», «Новая Юность», «Настоящее время». Лауреат литературной премии «ZA-ZA Verlag» в номинации «Малая проза».

Победитель литературного конкурса «Московского комсомольца», лауреат премии «Русская премия» (Фонд Б.Н. Ельцина).

Сайт автора: WWW.BOSCHKOV.ORG

Когда красавица и молодой филолог Полина Рыжик решает сбежать из жестокого Нью-Йорка, не найдя там перспективной работы и счастливой любви, она и не подозревает, что тихий городок Данциг – такой уютный на первый взгляд – таит в себе страшные кошмары.

Устроившись преподавательницей литературы в школу

в жизни
другой
ствен
множ
други

Central International Languages
89 – 11 Merrick Boulevard
Jamaica, NY 11432
(718) 990 – 0700

ISBN 978-5-699-78773-9

9 785699 787739 >

ЭКСМО